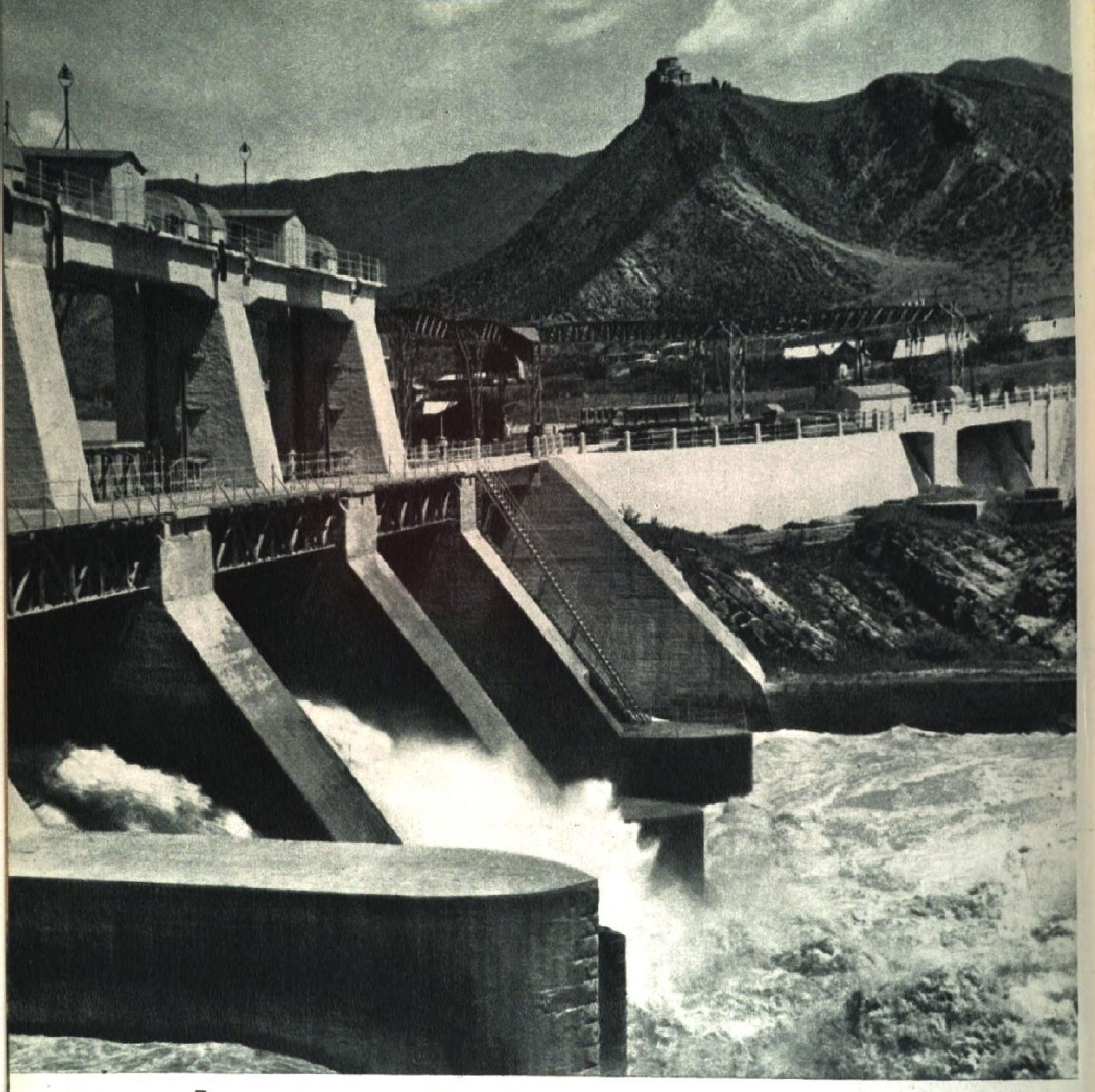

ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ветеран электрификации

Земо-Авчальская гидроэлектростанция имени Ленина (ЗАГЭС) на реке Куре — один из ветеранов электрификации нашей страны. Она всего лишь на полгода моложе Волховской ГЭС — первой крупной гидроэлектростанции, сооруженной по Ленинскому плану ГОЭЛРО.

Осенью 1922 года на закладке первой очереди ЗАГЭСа Серго Орджоникидзе возглавил первый субботник трудящихся. 2 июня 1926 года строительство посетил И. В. Сталин. После осмотра станции он записал в книге посетителей: «Да здравствует наше строительство и рабочие, техники, инженеры, работающие на нем».

Четверть века тому назад, 26 июня 1927 года, ЗАГЭС дала первый ток столице советской Грузии — Тбилиси. Это был ток жизни, давший хлеб промышленности, свет — людям, совершивший переворот в народном хозяйстве республики. Через два — три года первой очереди ЗАГЭСа уже не хватало, были введены новые агрегаты. В 1938 году мощность ЗАГЭСа утроилась. А рядом уже росли новые гидроэлектростанции на реках Риони, Храми и других, более мощные, лучше оснащенные технически. Богатства водной энергии предоставляли широкие возможности для такого строительства, а растущая промышленность, городское хозяйство и транспорт подталкивали и требовали — БОЛЬШЕ ЭНЕРГИИ!

После Великой Отечественной войны станция обновлена: автоматизированы агрегаты, реконструированы щит управления, защитные устройства, сняты устаревшие регуляторы на турбинах. Вырос цветущий поселок на ранее пустынном и неуютном берегу реки Куры.

Станция работает с высокими технико-экономическими показателями. В 1947 году Земо-Авчальская ГЭС была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

И. Месхи

На снимке: Плотина ЗАГЭСа.

Фото М. Квирикашвили

На первой странице обложки: Секретарь комсомольской организации колхоза «Червоный Жовтень», Волновахского района, Сталинской области, Антонина Самодрыга — умелый организатор сельской молодежи. Колхозники избрали ее депутатом районного Совета депутатов трудящихся.

В прошлом году комсомольское звено, которым руководит А. Самодрыга, работая на сортовом участке площадью 52,5 гектара, собрало по 27,8 центнера сортовых семян с каждого гектара.

Волновахский район — самый северный в стране район, где выращивается хлопчатник. В этом году молодежь колхоза была инициатором многих агротехнических мероприятий для получения высокого урожая хлопка. Комсомольское звено, взявшись за новое дело, обязалось собрать высокий урожай хлопка. Комсомольцы свои обязательства выполняют. Они хорошо изучили агротехнику сева и ухода за хлопчатником, собрали удобрения, провели сев.

На снимке: Антонина Самодрыга.

Фото Е. Комма

ОГОНЁК № 26 (1307) 22 июня 1952

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

БЫВШИЕ ФРОНТОВИКИ ПОЛУЧАЮТ ДИПЛОМЫ

Это было в 1941 году. Молодые люди, готовые вступить в студенческую семью или уже переступившие порог высшего учебного заведения, вынуждены были временно прервать учение. С оружием в руках они встали на защиту Родины.

Советский народ одержал историческую победу над фашизмом. Воины вернулись к мирным занятиям. Перед ними широко открылись двери университетов и институтов. Десятки тысяч защитников Родины уже получили дипломы. Среди выпускников нынешнего года также немало бывших фронтовиков.

На снимке (слева направо): участники Великой Отечественной войны летчик А. Н. Матвеев, младший сержант И. Н. Селезнева и разведчик Л. М. Крупчанов, оканчивающие Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Фото Г. Санько

25 июня исполняется два года героической борьбы корейского народа против разбойничьей интервенции американских империалистов.

Защищая родину, маленький корейский народ показал пример стойкости в борьбе против агрессии. Взбешенные провалом своих захватнических планов, американские агрессоры перещеголяли гитлеровцев в попрании всяких норм международного права и человеческой морали. Они применили в Корее и Северо-Восточном Китае бактериологическое оружие и ядовитые газы. Они залили землю Кореи кровью мирных жителей, женщин, детей и стариков. Американская военщина зверски истребляет военнопленных.

Империалисты доказали свое бессилие победить народ, который познал подлинную свободу и под руководством народного правительства отстаивает священное право на независимость. В самом начале Великой Отечественной войны советского народа, говоря о гитлеровских интервентах, товарищ И. В. Сталин указывал: «Уже одно то, что в своей моральной деградации немецкие захватчики, потеряв человеческий облик, давно уже пали до уровня диких зверей, — уже одно это обстоятельство говорит за то, что они обрекли себя на неминуемую гибель».

Так же обречены историей на провал и гибель и американские наследники гитлеровцев, развязавшие агрессию в Корее. Все прогрессивное человечество желает героическому корейскому народу победы в его правом деле. По призыву Всемирной федерации профсоюзов день 25 июня 1952 года объявлен днем активной международной солидарности с героическим корейским народом, днем защиты мира. «С помощью доблестных китайских добровольцев,— говорится в Обращении ВФП к трудящимся всего мира,— и при поддержке всех народов, являющихся естественными противниками какого бы то ни было национального угнетения, бойцы Кореи дали новый толчок сопротивлению народов империализму и колониальной системе во всем мире».

25 июня трудящиеся всех стран мира будут требовать прекращения войны в Корее и вывода из нее всех иностранных войск. В этот день с еще большей силой прозвучит требование миллионов простых людей: безусловно запретить оружие массового истребления и сурово осудить преступников, применивших бактериологическое оружие в Корее и Северо-Восточном Китае.

В день 25 июня трудящиеся всего мира будут чествовать стойкое сопротивление своих братьев и сестер в Корее, сопротивление, обрекающее на провал империалистическую агрессию.

Вождь корейского народа Ким Ир Сен.

НАРОД—ГЕРОЙ

СЕ МАН ИР,
корейский писатель

Два года назад из Вашингтона в Токио — тем же путем, которым доставляются сейчас чумные блохи, — прилетел Джон Фостер Даллес. Вместе с палачом Макартуром и изменником Ли Сын Маном они еще раз обсудили и проверили свой варварский план удушения Кореи. Они наметили место и время. Они хотели отбросить 38-ю параллель за реку Амноккан и дальше на север. Им было мало того, что 38-я параллель рассекает надвое сердце корейского народа. Они собирались поставить на колени всю Корею.

Но подлое нападение американских извергов на Корею еще теснее сплотило корейский народ вокруг Трудовой партии и ее вождя Ким Ир Сена. И неизменно, встречаясь лицом к лицу с корейским народом и его героической армией, захватчики терпят поражение за поражением.

* * *

Там, в Пентагоне, на карте мира,
лишь пятнышко маленькое — Корея.
Легко палачу в военном мундире
крест поставить над нею.
Они пришли — из туч над Пхеньяном
бомбы с чумой и напалмом летят.
Они пришли — из морского тумана
к берегам устремился свинцовый град.
Но из руин, из пепла, из дыма
люди с оружьем встают.
Люди, как жизнь, неодолимы —
Они вершат над убийцами суд!
Янки бросаются в бой в истерике
и — поднимают руки, трезвея...
Крест на Корее — на карте в Америке,
кресты над могилами янки — в Корее.

Бойцы Народной армии — вчерашние рабочие и крестьяне. Многие пришли в строй из-за школьных парт. Армия наша молода, но на ее вооружении традиции мужества и доблести великого советского народа, патриотические традиции партизанских отрядов Ким Ир Сена.

С начала войны до 8 февраля 1952 года 309 воинов Народной армии удостоены звания

Минометный расчет Ча Чан Дока ведет огонь по врагу.

Героя Корейской Народно-Демократической Республики; 278 089 — награждены орденами и медалями. Среди них — дважды Герой, стрелок-охотник за вражескими самолетами Ким Ги У; только за месяц сбил он 9 «летающих крепостей», неуязвимостью которых давно уже похваляются американцы. Среди героев командир отряда торпедных катеров Ким Гун Ок; на катере с экипажем в 7 человек он вышел победителем в бою с крейсером, экипаж которого превышает 2 тысячи человек, а вооружение равно огневой мощи дивизии...

* * *

Незабываемы подвиги женщин-героинь. Да славятся медицинские сестры Кук Син Нок и Ли Сун Ним! Каждая из них под огнем врага спасла жизнь более 200 бойцов! Слава бывшей охотнице за тиграми Ли Су Док, без промаха бьющей сейчас в партизанском отряде по двуногим американским хищникам! Да славится летчица Тхе Сен Хи, нанесшая не один сокрушительный удар по военным базам и живой силе противника!

Рождается дочка — в печали дом,
рождается дочка — горе...
Сейчас тебе это кажется сном,
сказкой о прошлом позоре.
О кореянка! Руки свободной страны
тебя вознесли на вершины жизни,
и смело в жестокий огонь войны
пошла ты за жизнь отчизны.
Какие гадалки предсказать бы смогли,
что будешь так сильна и горда ты,
что стократ теплые руки твои
подымут упавшего в битве солдата,
что взовьешься ты на серебряных крыльях
к тихим звездам Кореи,
чтоб меткие бомбы твои накрыли
вражеские батареи!
Сестра-кореянка! Ты взлетела орлицей
к звездам бессмертного героизма,
и не свергнуть тебя иноземцу-убийце
с вершин, на которых стоит отчизна.

Герой КНДР летчик-истребитель Ким Ги Ок.

Жители восстанавливают разрушенный американскими воздушными гангстерами мост.

* * *

Если черные бомбы на мост упадут
оттуда, где янки летят между звезд, —
народа упорный, бесстрашный труд
снова возводит мост!
Пусть трижды в сутки падают бомбы,
трижды мост встает над рекой!
— О, если спина моя стала мостом бы! —
шепчет старик, пот вытирая рукой. —
Поперек реки я бы лег во весь рост —
пусть солдаты наши идут к победе!..
Незыблемый, врагу невидимый мост —
слова простые эти.
По нему к нам китайские братья идут,
биться за мир — плечом к плечу с нами,
по нему свой рабочий привет нам шлют
металлисты далекого Бирмингама.
По незримому мосту народы идут и идут,
чтобы мир отстоять, чтобы мир укрепить.
Никакие бури его не снесут,
никаким бомбам его не разбить!

Народы всего мира знают: захватчикам не покорить корейцев ничем: ни напалмом, ни бактериями, ни зверствами на острове Кочжедо, ни угрозой атомных бомбардировок.

За два года войны в Корее американские империалисты обрекли себя на позорное одиночество среди народов земного шара. Корейский же народ заслужил любовь и братскую поддержку всего миролюбивого человечества. Народ-солдат, он стоит на передовых позициях великой битвы за мир.

Глубокая солнечная синева
над знаменами, как над цветами...
Древняя и вечно молодая Москва,
столица мира, мира знамя!

Герой КНДР боец-пехотинец Чин Ду Пхен.

Красный флаг, надежду простых людей,
над Кремлем свободный ветер полощет.
Сыны и дочери страны моей
пришли сюда, на Красную площадь.
К Ленину, к Сталину они пришли.
Слушайте их, советские люди!
Народ освобожденной вами земли
У янки рабом не будет!
Слушай, Москва, мира столица!
Слушай, Москва, победы знамя!
От кары не скрыться янки-убийцам.
Победа будет за нами!

Перевел Олег БУШКО

Женщины-летчицы корейской Народной армии. Слева направо: Ты Иль Ран, Герой КНДР Тхе Сен Хи и Ли Ен За.

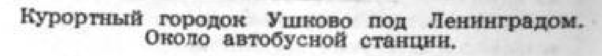

Дважды герой КНДР Ким Ги У и Герой КНДР Ли Сун Ним — гости Москвы.

В СТРОЮ

Курортный городок Ушково под Ленинградом. Около автобусной станции.

Дмитрий Ушков.

Ушково...

Два населенных пункта носят это имя. И хотя они отдалены друг от друга расстоянием в несколько сот километров, их можно считать родными братьями.

Деревня Ушково, лежащая на взгорье вблизи старинного Галича, районного центра Костромской области, названа так потому, что тут родился, рос, бегал в школу темноглазый мальчуган Митюша Ушков.

Курортный городок Ушково, расположенный на побережье Финского залива, неподалеку от Ленинграда, хранит в своем названии память о Герое Советского Союза ефрейторе Дмитрии Константиновиче Ушкове, который сражался и погиб в этих местах.

Человек встретил на земле только двадцать одну весну. Но жизнь его оставила глубокий след в сердцах людей.

Вот собрались его земляки. Пришли в дом, половину которого занимает сельский совет, а другую — почтовая контора. Здесь, на почте, Ушков служил письмоносцем, и так уж повелось, что поговорить, вспомнить о нем сходятся именно сюда. Это не траурное заседание: просто люди сидят за столом в просторной комнате и ведут негромкий, неторопливый разговор. Скажут, помолчат...

Тут митина сестра Анна Константиновна. Она последней из всех собравшихся видела Митю в живых. За два года до войны он приехал к ней в Москву, где она жила с мужем, работавшим бригадиром маляров на стройке. Митя поступил к зятю в бригаду. Они отделывали квартиры в новых домах по Ленинградскому шоссе. Анна Константиновна в один день проводила обоих на фронт: мужа на Украину, брата под Ленинград.

Тут Валентина Вячеславовна Серова, учительница, у которой Митя занимался в первых классах; Надежда Михайловна Сипягина, заведывавшая почтой в ту пору, когда он разносил письма; его родственники, односельчане.

— Я помню Митюшу, как помню всех, кто у меня учился,— говорит Валентина Вячеславовна.— Он был похож на других: веселый, озорной мальчишка, честный. Никогда не прятался ни за чью спину, если набалует. И смелый. Ходили однажды всем классом в лес, собирали растения для гербария. Кто-то вдруг закричал: «Змея!» Девочки, конечно, с визгом бежать. Мальчики сгрудились в кучу, а двое выступили вперед. Это были Шура Беляев и Митюша Ушков. Шурик схватил камень, замахнулся. Но Митя успел дернуть его за руку: «Не смей бросать. Камнем ее не убьешь». Подбежал к иве, сорвал длинную тонкую ветку и начал этим прутом хлестать змею... Все ребята видели, как он сражался со змеей, и все сказали, что он самый храбрый в классе.

Вспоминает Надежда Михайловна:

— Ох, и легок же был на ногу! Не бегал — летал по округе с почтовой сумкой. Только что, глядишь, был в Меркурове, там еще и письма, им принесенного, вскрыть не успели, а он уже в Кокорюкине... Весной, помню, размыло дороги на Курьяновку. Никак туда не попасть. Разве лишь лесом. Да и в лесу полно воды — вряд ли пройдешь. А тут как раз письмо в Курьяновку. Я его, разбирая почту, отложила в сторону. Пусть, думаю, полежит денька два, пока дорога подсохнет малость. И не заметила, как Митя мой сунул это письмецо в карман и был таков. К вечеру приходит мокрый, синий весь от холода. «Где, спрашиваю, был?» «В Курьяновке». «Зачем в Курьяновке? Я ведь тебе туда ничего не давала». Говорю это, а рукой шарю по полке, где письмо должно лежать. Нет его. Митя стоит, улыбается, хотя у самого зуб на зуб не попадает: продрог. Отослала я его домой греться. Утром спрашиваю: «Как добирался? Лесом?» «Нет, напрямую». Это он, значит, через Курьяновский овраг. А там воды-водицы! Поискал броду — не нашел. Пришлось плыть. «А как же письмо? — спрашиваю.— Замочил, наверно». «Что вы,— говорит,— Надежда Михайловна, разве можно замочить письмо! Я его в зубах держал...»

— Когда я уезжала в Москву к мужу,— рассказывает Анна Константиновна,— Митя был худенький, тщедушный такой, ну совсем еще мальчик. Через год приехал к нам, не узнала. Высокий, плечистый, обнял — аж косточки хрустнули. Михаил, муж мой, взял его к себе в бригаду. Работы было много. А Митя решил еще поступить в вечернюю школу, в пятый класс. Я ему говорю: «Подожди с год, пообвыкнешь в Москве и пойдешь учиться. Не все сразу». «Нет,— говорит,— именно все сразу!» Я не знала тогда, что он и в аэроклуб записался. Он ведь еще в деревне летающие модели строил... Мысль у него была такая: сдать за семилетку, пойти в авиационный техникум, а там и в институт. Исполнилось только первое. Собрался в техникум — началась война.

В комнате, где идет этот разговор, появляется почтальон Васильич. Он обошел с десяток деревень и, запыленный, усталый, вешает на крюк пустую сумку. И все оборачиваются и смотрят на эту самую обыкновенную брезентовую, выцветшую от солнца, не раз политую дождями, залатанную сумку, с которой бегал еще Митя Ушков. Сколько писем разнес он в ней! А потом в этой сумке лежали и его письма, которые он присылал с фронта.

Лежало первое письмо из Ленинграда, города, в котором в дни Октября патрулировал по улицам и его, митин, отец, солдат восставшего полка, из города, который он, Дмитрий Ушков, вместе со своими товарищами отстоял от фашистов.

Лежало письмо из госпиталя: «...Меня ранило в шести местах. Но я об этом не думаю. Заживет! Когда шел в бой, забыл про себя, а когда ранило, не заметил и продолжал бежать, пока не упал... У меня одна мечта: закончить

Валентина Вячеславовна Серова рассказывает школьникам о своем бывшем ученике Мите Ушкове.

ЖИВЫХ

бы поскорей войну и с победой вернуться домой... Скоро два года, как не бывал в крестьянском дому, не видел деревень хороших, а только развалины. Ночевал в полях, в лесах. Ну, это все как-нибудь переживем, а врага доконаем...»

И совсем коротенькое лежало письмецо: «Пишу с дороги. Сейчас идем в наступление. Если выйду жив и невредим, напишу подробно. Если... Знайте тогда, что я сражался на Карельском перешейке и перед врагом не дрогнул. Шлю боевой, гвардейский привет. Митя».

Это было написано десятого июня 1944 года, а тринадцатого...

О том, что случилось тринадцатого, рассказало письмо, присланное командиром части, письмо, которое тоже побывало в этой сумке.

«Кандидат партии ефрейтор Ушков Дмитрий Константинович, уроженец Галичского района, деревни Пантелеево, погиб в бою на Мустоловских высотах 13 июня 1944 года.

Пехотное подразделение штурмовало опорный пункт финнов, которые, сопротивляясь, сильно обстреливали подступы к своей обороне. Надо было проделать проход во вражеской проволоке. Это долго не удавалось. Презрев смерть, пополз к проволоке комсорг Дмитрий Ушков. Мина разорвалась рядом с ним, засыпав его землей, пули сыпались вокруг. Но Ушков продвигался вперед. Он перерезал ножницами проволоку. Проход был открыт. Бойцы рванулись в атаку. Но с новой силой обрушился на них огонь врага. Особенно опасным был пулемет, находившийся в дзоте. Ушков подбежал туда, метнул две гранаты. Пулемет продолжал стрелять. И тогда Ушков, бросившись на амбразуру, закрыл ее своим телом.

Наш боевой товарищ отдал жизнь за победу над врагом, за счастье советских людей, за счастье будущих поколений...»

И много еще таких писем приходило в Пантелеево, ставшее Ушковым, от однополчан героя, свидетелей бессмертного его подвига. Почтальон Васильич разносил эти письма все в той же старенькой брезентовой сумке, которую давно уже собираются передать в Галичский музей, где хранятся вещи, принадлежавшие Ушкову. Но у Васильича на этот счет особое мнение. Он не хочет отдавать сумку в музей. Васильич говорит, что люди должны видеть ее не под стеклом, а «в деле», когда она висит у почтальона за плечами, набитая белыми, желтыми, голубыми, зелеными конвертами... Пусть она еще послужит людям, как служила при Мите. Пусть приносит им добрые вести, вроде той, какую сегодня принесла. Сегодня в сумке лежала московская газета, на второй странице которой была напечатана заметка из Ленинграда, и в заметке сообщалось, что в поселке Ушково, на берегу Финского залива, задумано построить большой пионерский лагерь, который будет называться «Северный Артек»...

...Мы идем по шоссе, которое, петляя, все время бежит рядом с заливом, отделенное от него узенькой береговой полоской — то песчаной, то поросшей соснами. Свернув чуть в сторону от дороги и поднявшись в гору, мы попадаем в то самое «гнездо дотов», которым так хвастались белофинны и которое было смято нашей артиллерией. Они сейчас мирно выглядят, эти доты, и несут столь же мирные функции. Вон те три приспособлены под овощехранилища, а крайний слева товарищи из санатория «Ижорец» используют как водонапорный бак.

Район, в котором мы находимся, называется Курортным. На Карельском перешейке создан гигантский комплекс лечебных и оздоровительных учреждений. Санатории, дома отдыха... Расположены они там, где гремели бои, где шла в наступление наша пехота, где танки прорывали вражеские укрепления. Память о боях, о павших героях жива и нетленна здесь. Человек, приехавший лечиться в Смолячково, узнает о белорусском пареньке Феодосии Смолячкове, уничтожившем из снайперской винтовки 125 фашистов. Тому, кто отдыхает в Серове, расскажут про отважного воздушного бойца Владимира Серова, сбившего 39 самолетов. А экскурсанты, поднявшись на Молодцову гору, почтут память Дмитрия Молодцова — бесстрашного связиста.

Стоят на побережье Финского залива города, поселки, деревни, носящие имена героев, и кажется, что сами эти герои в строю живых...

Есть в Курортном районе зона, целиком отданная детям. Это — Ушково. Уже сейчас тут одиннадцать санаториев, действующих круглый год, четыре стационарных детских дома и более семидесяти лагерей, яслей, детских садов, открывающихся в летние месяцы. Уже сейчас в Ушкове отдыхают и лечатся ежегодно десятки тысяч маленьких ленинградцев. А через два — три года Ушково превратится в грандиозный детский курорт, каких не знает мир,— курорт, который займет территорию в три тысячи гектаров!.. Центром его будет пионерский лагерь «Северный Артек» с физкультурным городком, с лечебными павильонами, с театром, с лесной школой, где зимой ребята будут заниматься на открытом воздухе... Проект этого лагеря разрабатывают архитекторы Валерьян Дмитриевич Кирхоглани и Александр Алексеевич Афонченко, бывшие солдаты: первый — сапер, второй — артиллерист.

Какое чудесное место выбрано для лагеря! Настолько чудесное, что, описывая его в объяснительной записке к эскизному проекту, в документе, который должен быть изложен точным, скупым языком, архитекторы не выдержали и перешли на лирику:

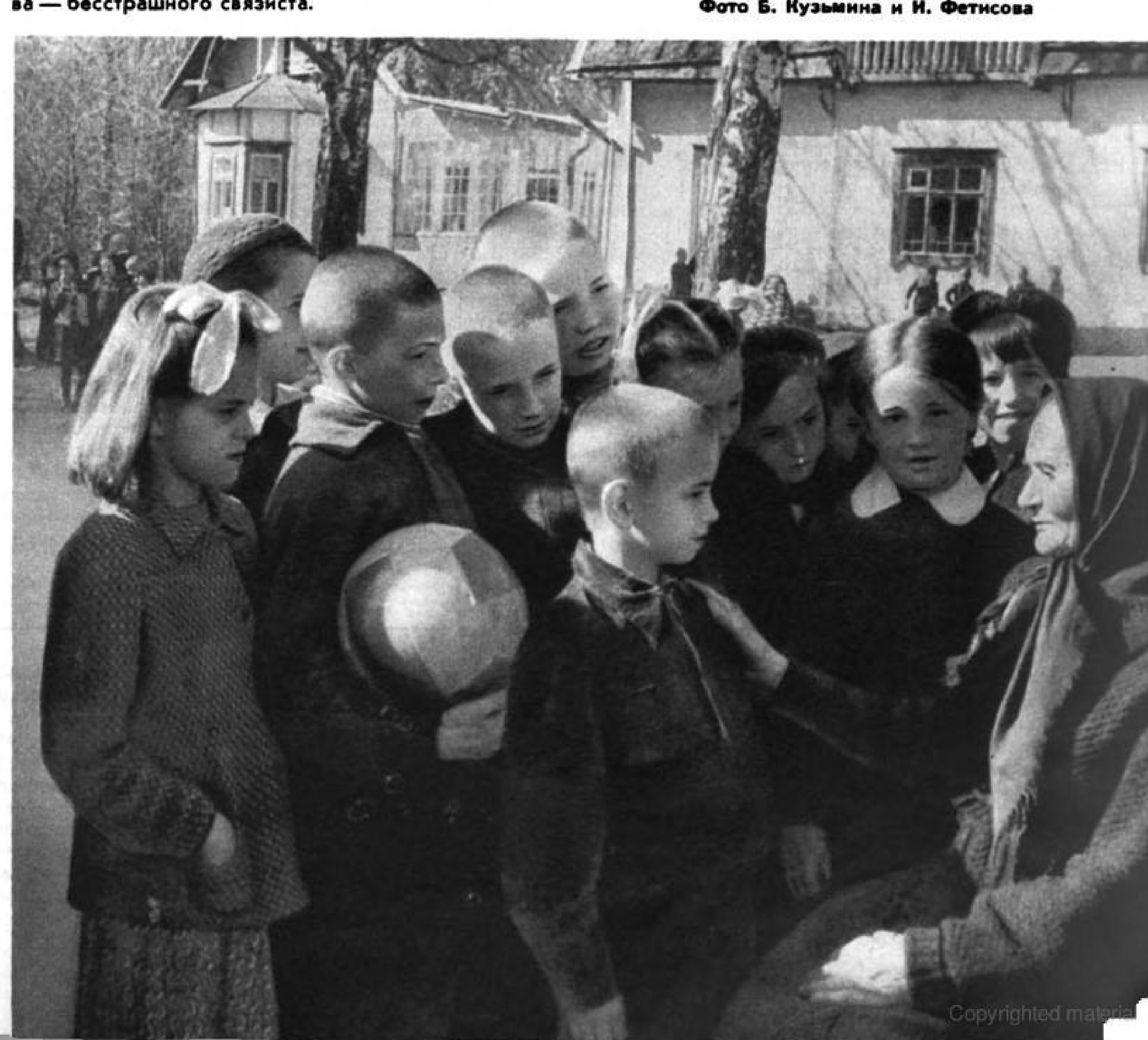
«Верхняя терраса, сложенная из песков, покрыта прекрасным сосновым лесом и живописно возвышается над заливом. У подножья террасы к морю простирается полоса лиственного леса, благодаря чему с вышины открывается изумительный вид на залив».

Спускаясь к морю, проходим мимо санатория. Издали слышатся ребячьи голоса, смех. А потом внезапно все смолкает. Входим в сад. На скамейке сидит старая женщина в темно-зеленом платке. Это Софья Ефимовна Ушкова, мать героя. Она живет теперь в Ленинграде и часто приезжает в гости к детям, отдыхающим в Ушкове, а с осени и вовсе собирается поселиться в этом городке... Ребята окружили ее плотным кольцом и молча, боясь проронить слово, слушают. Притянув к себе крошечного мальчугана в бархатной курточке, обняв его, Софья Ефимовна говорит о своем мальчике, о своем Мите... Мать героя окружена детьми, ради счастья которых сражался и погиб ее сын...

А. НИКОЛАЕВ

Софья Ефимовна Ушкова в Ушкове, в детском санатории.

Фото Б. Кузьмина и И. Фетисова

СТАЛИНГРАДСКАЯ ЗЕМЛЯ

В. ВИКТОРОВ

Фото Б. Утнина и С. Курунина

Тане Конновой, смешливой курносенькой девочке, исполнилось четырнадцать лет, когда до Волги докатилась война. Таня жила тогда в маленьком городке Вольске, между Куйбышевом и Сталинградом. Долог путь от Вольска до Сталинграда, но если сесть в лодку и спуститься вниз по течению, то в конце концов приплывешь к Тракторному заводу, к дому Павлова, к пассажирской пристани, за которую день и ночь ведут бои гвардейцы генерала Родимцева. Может быть, и отец Тани — гвардеец Родимцева? Все, что знает девочка об отце,— это то, что он воюет в Сталинграде. Остальное надо придумывать самой, и Таня часто в своих мечтах совершает путешествие из Вольска в Сталинград.

Она плывет мимо зеленых тихих берегов в огромный город, охваченный сейчас пламенем и смертью. В газетах пишут, что в Сталинграде горит не только земля, но и вода, сама Волга пылает, охваченная огнем. И эта картина огненной реки здесь, у Вольска, попрежнему спокойной и солнечной, была особенно страшна для Тани. «Как же там живут, как дышат люди?» — думала она, глядя на Волгу, которая без устали несла свои воды к Сталинграду, не зная, что ждет ее там...

Спустя восемь лет, в июне 1950 года, студентка Ленинградского университета Татьяна Коннова уезжала на практику в Сталинград. Она ехала собирать материалы для своей дипломной работы на строительство крупнейшей гидростанции, еще не названной, не обнародованной, не получившей еще своего крылатого имени «стройка коммунизма».

Был солнечный, яркий день раннего лета, когда начался разъезд студентов и под старинными сводами Ленинградского университета вскипел бурный людской водоворот.

В оживленной толпе молодежи выделялись геологи в своих черных мундирах с золотыми вензелями на погончиках. Они окружили стройную, гладко причесанную девушку, и та не знала, кому раньше протянуть руку, кому раньше ответить.

— Так куда же ты, Таня, едешь? — спросил ее высокий, плечистый юноша, на котором особенно ловко сидел студенческий мундир.

— Еду в филиал нашей кафедры.

— Куда, куда? — переспросил студент.

— Ну вот какой непонятливый! — засмеялась Таня.— Еду к Семену Николаевичу Егорову. Понятно? Ведь там, в Сталинграде, многие ученики Вениамина Васильевича работают, вот мы и называем Сталинградскую грунтовую лабораторию филиалом университета... Однако мне пора.— И Таня стала пробиваться сквозь шумную толпу к двери, на которой висела черная табличка: «Кафедра грунтоведения».

Еще с порога ее охватили знакомые запахи старого дерева, старых книг, сухой земли. За годы учебы Таня привыкла к укромной лабораторной тишине, к этой маленькой прихожей, где у стен стояли высокие футляры с монолитами грунта. Но сейчас, когда ей предстояло сменить эту привычную университетскую лабораторию на неведомую обстановку большой стройки, она смотрела на все так же, как в тот день, когда впервые пришла сюда выбирать свою будущую специальность.

Впервые об увлекательной профессии грунтоведа Таня услышала еще в школе. И тогда же она решила стать грунтоведом. Спустя два года после того, как она получила студенческий билет, Таня переступила порог этой маленькой прихожей, такой домашней, такой жилой, что ей сразу же показалось, будто она вернулась к себе домой, в Вольск...

Когда Таня узнала, что ее мечта сбылась, что она едет на практику не на Волго-Дон, не в Куйбышев и не в Мингечаур, а в Сталинград, именно в Сталинград, она снова почувствовала себя четырнадцатилетней девочкой, плывущей вниз по Волге — из тихого городка в грохочущий мир войны. Вот когда она наконец-то совершит это путешествие не в мыслях, а наяву!..

Отец Тани гвардии старшина Павел Андреевич Коннов, вернувшись после окончания войны из Берлина, рассказывал дочке, что он был разведчиком. И Тане тоже предстояло вести в Сталинграде разведку, но не военную, а мирную. Геологи — разведчики армии строителей. Они определяют пригодность грунта для фундамента громадных зданий, для плотин электростанций. И так же, как военные разведчики помогают командованию нащупать место главного удара, так и грунтоведы помогают проектировщикам определить место строительства. Для того, чтобы сказать эти два решающих слова: «Копайте здесь»,— грунтоведам надо раскрыть тайны земли, получить такие полные, такие исчерпывающие данные о свойствах грунтов, чтобы можно было гарантировать устойчивость сооружения в течение столетий.

...В большой и светлой комнате на длинных лабораторных столах, уставленных прозрачными колбочками, пикнометрами, различными приборами, шли исследования свойств грунта. Таня знала в этой лаборатории всех: и сотрудников кафедры и сотрудников Гидропроекта, работающих здесь в порядке творческого содружества. Но, поздоровавшись со всеми, Таня никому не сказала, что едет в Сталинград. Она искала Вениамина Васильевича Охотина.

Не найдя профессора ни в лаборатории, ни в его сводчатом, обставленном старинной мебелью кабинете, Таня быстро прошла в маленький лекционный зал. Но и здесь его не было... Здесь не было никого, и все же Таня села за стол, где обычно она всегда сидела на лекциях, которые когда-то читал Павел Онуфриевич Бойченко, ближайший помощник Вениамина Васильевича Охотина, один из первых его учеников.

Это Бойченко рассказывал студентам, пришедшим выбирать свою специальность, что такое грунтоведение и как оно зародилось сразу же после окончания гражданской войны у нас, в Советском Союзе.

Когда страна приступила к мирному строительству, инженеры-дорожники потребовали от геологов исчерпывающих данных о рыхлых горных породах, об их физических и механических свойствах, о том, как лучше использовать горные породы на дорожных стройках. Но геологи не могли оказать дорожникам в этом вопросе какую-либо помощь. Геологи занимались земными глубинами, а не верхним поясом земной коры.

Это было каким-то непонятным упущением науки. Казалось бы, что верхний пояс должен быть изучен наиболее полно. Ведь именно здесь трудился человек с давних пор, выращивая хлеб, строя свое жилье. Но почва как объект исследования для геологов оставалась многие годы непрочтенной страницей, пока великий русский ученый Докучаев в XIX веке не создал науку почвоведение.

Не получив ответа от геологов,

Волга в районе строительства Сталинградской ГЭС.

Татьяна Коннова за работой.

[illegible] Таня Коннова и Тамара Князькова ехали по Сталинграду. За [illegible] то здесь, то там [illegible] прекрасных домов и [illegible] застроенных пустырей [illegible] гранитные постаменты [illegible] ленными на них танковыми башнями. Это была увековеченная линия фронта. Таня ехала по линии фронта на северную окраину города, в поселок Рынок, где августовским днем 1942 года началась историческая Сталинградская битва. Теперь в поселке Рынок размещалась геологическая экспедиция Гидропроекта.

Таня внимательно всматривалась в известные всему миру места. Вот склоны Мамаева кургана, а вот и заводские корпуса. Здесь сражался ее отец!

У Тракторного завода была конечная остановка. На площади перед белоснежными цехами стоял настоящий танк, ставший памятником, а мимо него катилась вереница новеньких тракторов.

За площадью улица круто спускалась к оврагу, на противоположной стороне которого виднелись домики поселка Рынок. Там девушки и нашли начальника экспедиции, и он, приняв их путевки, тут же повел в грунтовую лабораторию. В длинной, очень светлой комнате, где, склонившись над приборами, работали грунтоведы, девушек встретил Егоров, о котором столько слышала Таня.

Семен Николаевич тут же спросил девушек, чем они хотят заниматься.

— Мы хотим заниматься механическими испытаниями грунтов,— в один голос сказали Таня и Тамара.

Это была самая интересная часть испытаний, с помощью которой определялась способность грунта сопротивляться сдвигу, его компрессионные свойства, и Егоров понимающе улыбнулся...

В тот же день Таня Коннова по[illegible]ла для испытания керн, доставленный с буровой вышки. Она держала в руках плотный столбик сталинградской земли, и вихрь мыслей проносился в ее голове... Таня хорошо знала, почему этот столбик, состоящий из отдельных частиц, образует монолитную, плотную массу. Но сейчас, разглядывая черную, тяжелую землю, Таня думала о другой ее прочности. Эта земля выдержала тяжесть танковых полчищ врага, топтавших ее. А теперь она лежала на лабораторном столе перед дочерью одного из защитников Сталинграда.

И Таня тут же приступила к работе. Она заложила грунт в приборы и стала давать нагрузки, тщательно регистрируя получаемые данные. Она изучала ответственную толщу, на которую должно было лечь основание гидроэлектростанции.

Впечатлений накопилось столько, что уже нельзя было не поделиться ими с кем-либо, и, несмотря на то, что минуты не было свободной, Таня уже через несколько дней села писать письма. Она написала Вениамину Васильевичу и отцу. Когда-то ее отец в тихую минуту между двумя атаками писал отсюда своей семье в Вольск; теперь из Сталинграда писала дочка.

Таня работала с большим воодушевлением. Весь день она была занята срочными анализами, нужными для стройки, а по вечерам оставалась в лаборатории и изучала материалы для своей дипломной работы. Дни неслись быстро, один за другим. Приближался день отъезда. Тане предстояло провести ряд сложных и кропотливых лабораторных анализов, для того чтобы завершить свою работу. Образцы грунтов для этих анализов ей должны были выслать вслед багажом.

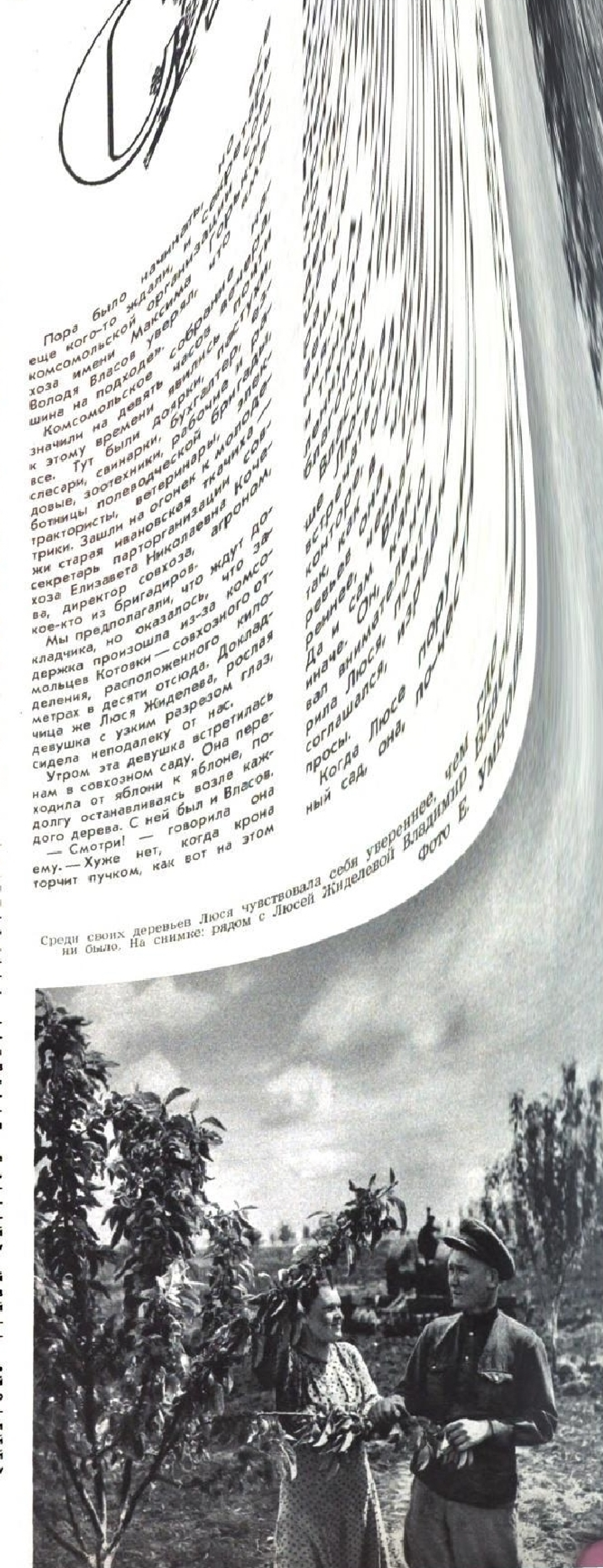
Вернувшись в Ленинград и приступив к занятиям в университете, Таня составила вместе с Павлом Онуфриевичем подробный план своей дипломной работы. Но для того, чтобы приступить к ней, надо было получить сталинградскую посылку, а она все не прибывала. И вот однажды ей вручили квитанцию. Сталинградская земля прибыла! Ее можно получить хоть сейчас на вокзале!

Прямо из лаборатории Таня отправилась за посылкой и привезла тяжелый ящик. В нем лежали запарафиненные, обернутые в плотную бумагу долгожданные керны. Девушка осторожно вынула один из них, подержала земляной столбик в ладонях и понесла его к лабораторному столу.

Она работала полгода, изучала разнообразные свойства грунта и, проводя день у приборов, производя расчеты, записывая свои выводы, обобщая полученные данные, всегда видела перед собой далекую, но близкую ей стройку на Волге.

В такой же солнечный, ясный день, в какой Таня собиралась в Сталинград, она защищала свой дипломный проект «Состав и физико-механические свойства грунтов района Сталинграда».

Вы и сегодня можете встретить Таню Коннову в университетской лаборатории. Молодой инженер геотехнического отдела Гидропроекта, чьи исследования были использованы при закладке одной из величайших электростанций мира, продолжает свою работу для строек коммунизма.

Среди своих деревьев Люся чувствовала себя увереннее, чем где-
ни было. На снимке: рядом с Люсей Жиделевой Владимир Вла[illegible]
Фото Е. Ум[illegible]

Вера Болонкина была старшим лейтенантом.

ря, струсила, подумала, что не справится с таким делом.

— Четыре тысячи деревьев! — твердила она вечером подругам. — Завтра же пойду и откажусь...

Но подруги ее остановили. Они рассказали ей о своих первых, робких шагах в совхозе, после техникума, вспоминали, как волновались, ночами не спали, как без конца проверяли то свинарники, то коровники (подруги Люси были зоотехниками), а сейчас? Да и сейчас они волнуются и в том находят для себя немало радостей. Много дельных советов получила Люся в тот вечер от девчат.

Все это время, спозаранку до глубокой ночи, Жиделева проводила в саду. В совхозе, признаться, садоводство не очень-то жаловали, оправдываясь тем, что совхоз животноводческий.

Люсе на новой работе пришлось нелегко. Кто бывал здесь, особенно весной или в страду, знает, как трудно найти незанятого человека. Люсе нужны были люди для работы в саду, а взять их неоткуда было. Ей нужен был трактор для обработки междурядий, но никто не давал его. И вот она решила обратиться за помощью к своим же комсомольцам.

...Уже раздавались голоса о том, что семеро одного не ждут, но Власов продолжал всех уверять, что машина уже на подходе, что ребят следует подождать. Это казалось ему крайне необходимым, особенно после того, как он вместе с Люсей осмотрел сад. К тому же котовцы жили как бы на отшибе, и было бы просто несправедливо начать собрание без них: опаздывали они (Володя Власов о том знал) не по своей вине.

Но вот с улицы донеслось громкое пение, все кинулись к окнам.

— Они, они! — послышалось сразу несколько голосов.— Едут!

То были котовцы.

Собрание началось, и Власов, прежде чем дать слово докладчице, рассказал поистине интересную историю.

В последний год Отечественной войны вблизи совхоза стояло небольшое воинское подразделение. Среди солдат и офицеров его было немало участников знаменитых сражений. Оказавшись в тылу, они не переставали надеяться вновь попасть на фронт, но случилось так, что 9 мая 1945 года они все еще продолжали оставаться на старом месте и День Победы встретили в том самом доме, где сейчас происходило собрание. Хотелось и им отметить этот день чем-то необыкновенным, но чем? И тут все задумались; предложений было много, остановились же на одном — подсадить в совхозном саду несколько рядов яблонь.

И вот, когда Москва тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий чествовала героев Отечественной войны, солдаты заканчивали посадку деревьев. Многие дома у себя занимались садоводством и знали толк в этом деле. Солдаты работали с упоением. Это был как бы их собственный салют Победы.

Когда же в конце июня в Москве, на Красной площади, к подножью Мавзолея пали знамена поверженной фашистской армии, молодые яблоньки уже украсились первыми побегами.

Не сказал Власов, что в числе тех солдат был и он сам.

Рассказ о солдатах, пожелавших первый же день окончания войны ознаменовать мирным трудом, сразу придал собранию особый, боевой дух.

Слушая Власова, Люся старалась припомнить, как этот день прошел тогда у них дома, в Лопасне.

С утра мать ее, Мария Тимофеевна, учительница начальной школы, собрала всех своих учеников и рассказала им о великой победе, затем, вернувшись домой, обняла ее и старшую сестренку, Дину, произнесла: «Мои девочки!..» — и разрыдалась. Дине тогда было уже четырнадцать лет, а ей едва исполнилось одиннадцать. Отец и трое братьев Дины и Люси погибли на войне.

Теперь в Лопасне мать осталась одна. Дина уехала учительствовать в город, а Люся сразу же после окончания сельскохозяйственного техникума приехала сюда, в совхоз.

Готовясь к сегодняшнему докладу, Люся предполагала, что расскажет о работе в саду по порядку; она предварительно исписала почти целую тетрадку. Увидев же своих товарищей и подруг, она поняла, как смешно читать по бумажке о том, что отныне составляло цель ее жизни. Тетрадка так и осталась нераскрытой, а Люся рассказывала о яблонях и вишнях так, словно все они стояли сейчас перед ее глазами. Комсомольцев взволновало отношение девушки к порученному ей делу; она напоминала им знаменитого русского садовода, который считал, что весь секрет в том, что сад нужно любить, любить, быть может, больше, чем самого себя.

— Речь идет не о кратковременной помощи, — сказала она,— а о постоянной заботе комсомольцев о наших деревьях. Мы с вами растем, и вместе с нами должны расти и развиваться наши яблони и вишни.

Ей хотелось, чтоб ее товарищи заинтересовались садом так же, как и она, чтоб они вместе с ней побывали в соседних садоводческих совхозах, поучились там у новаторов и затем, вернувшись домой, применили этот опыт у себя.

Когда Люся шла на собрание, она еще не представляла себе, как комсомольцы отнесутся к ее просьбе. Люди заняты своей основной работой, и многого от них ожидать нельзя. Но после первых выступлений стало ясно, что все по-настоящему займутся. Условились, что каждый комсомолец возьмет шефство не меньше чем над пятьюдесятью деревьями. Это составляло почти треть всего сада. Директор совхоза обещал на следующее утро дать трактор для обработки междурядий. Комсомольцы же Котовки сказали, что по примеру своих товарищей возьмутся за сад у себя в Котовке, и тут же зачитали обязательства. Теперь Власов был особенно доволен, что не начали собрания без котовцев.

Первыми на другое утро пришли в сад Люся Жиделева и Володя Власов. Они принесли с собой лопаты и колышки, к которым были прибиты фанерные таблички с фамилиями комсомольцев. Так решили на собрании: каждый отвечает за свои деревья, а о работе судить по тому, как деревья будут расти и плодоносить.

Люся и Володя расставляли таблички. Нашли яблони, посаженные в День Победы солдатами, и решили их взять под особое наблюдение. Люся и Володя уже подходили к пасеке, когда заметили несколько приствольных кругов разрыхленной земли. Подсчитали, оказалось — тридцать девять. Девушка хорошо помнила, что вчера, когда она покидала вечером сад, ничего подобного не было, земля тогда лежала нетронутой. Видимо, это было сделано сегодня, еще до ее прихода. Но кто же это постарался?

Вскоре явились и другие комсомольцы. Прежде чем приняться за дело, каждый знакомился со своими деревьями. Люся объясняла, что делать, сама же, взяв острый нож, занялась обрезкой. Время от времени она подходила к комсомольцам: помогала, показывала.

Все время у нее не выходили из головы те тридцать девять кругов. Она спрашивала у ребят, не знают ли они, чья это работа, но никто ничего не знал. В обед появился в саду слесарь комсомолец Иван Хаустов. Он шел рядом с подводой, нагруженной доверху навозом. Все удивились: человек еще ни одного приствольного круга не окопал, а уже удобрения везет. Но когда он сгрузил навоз возле тех тридцати девяти деревьев, все выяснилось. Оказалось, что Хаустов был уже здесь на рассвете, до работы в мастерской.

Пришла помочь комсомольцам и секретарь партийной организации Елизавета Николаевна Кочева. Она попросила, чтоб ей выделили, как и комсомольцам, подшефные деревья. Примеру Кочевой последовали и другие старики. Люся почти не уходила отсюда. Она волновалась еще больше, чем прежде, и тут подружки ее, зоотехники, были тысячу раз правы, когда говорили, что в таких волнениях находят для себя много радостей. Скоро на деревьях должны были показаться первые цветы. Весна была холодная, и Люся, боясь заморозков, заранее приготовила дымовые кучи и по нескольку раз за ночь прибегала в сад. Но все обошлось благополучно. Девушка заинтересовалась пасекой в саду. Она смотрела на пчел, как на помощниц, участвующих в опылении деревьев. Тут она была заодно с пасечником. Вдвоем смотрели они, как на деревьях набухают почки, и друг другу говорили:

— То все цветы будут!

Вот уж зацвела вишня, появились розовые и белые цветы на яблонях, начался массовый лет пчел, и Люся объясняла комсомольцам, какое большое значение это имеет для развития их сада.

Люся уже успела побывать в одном из садов соседнего совхоза и узнала там много нового, важного. В ближайшее время она собиралась повести комсомольцев в знаменитые лебедянские сады. И все же далеко не все, что нужно было, сделали. Не все деревья зацвели, и Люся волновалась, советовалась то с агрономом, то со старыми рабочими. Узнать бы историю закладки всего сада, и это, казалось ей, помогло бы разобраться в поведении некоторых деревьев. Однажды старая работница совхоза рассказала ей о том, что весь сад был заложен в разгар Отечественной войны и сделали это молодые москвички. «Откуда же они взялись?» — недоумевала Люся. Оказалось, что в те годы здесь было подсобное хозяйство одного из московских предприятий, какого именно, работница не помнила, и вот это-то предприятие прислало сюда группу своих молодых работниц.

Уезжая в Москву, мы обещали Люсе разыскать этих девушек. После долгих поисков нам удалось установить, что были это комсомолки московского Гознака, что многие из них сразу же после закладки сада ушли добровольно на фронт и что одна из главных застрельщиц этого дела — комсорг цеха Вера Болонкина — погибла на фронте. Показали нам и фотографию девушки. Снимок был сделан на фронте. Вера Болонкина к тому времени, судя по погонам, была уже старшим лейтенантом. Мы сравнили ее с Люсей Жиделевой. Девушки никогда друг друга не видели, не встречались. Когда Вера уходила на фронт, Люся была еще ребенком. Прошли годы, и, когда сравниваешь жизнь этих девушек, думаешь о той замечательной преемственности, которая существует только в нашей стране, где труд во имя блага народа ставится превыше всего. То, чему в грозные годы войны положила начало Вера, стало целью жизни в наши мирные дни для Люси.

Комсомольское собрание в небольшой рязанской деревушке было, в сущности, лишь продолжением того собрания, что в грозные годы войны происходило в Москве, на Гознаке. И тогда и теперь на повестке дня стоял вопрос о саде.

И то, что 9 мая 1945 года, в День Победы, горсточка советских воинов пожелала внести в этот сад и свою лепту, было как бы продолжением замечательной истории московских комсомолок, которые после закладки сада взяли в руки оружие и пошли на фронт защищать Родину, защищать свой сад. И вот преемниками этой живой истории, этих славных традиций вновь оказались комсомольцы, молодые люди, ухаживающие сегодня за садом.

Строители Минска

Если бы довелось старожилу Минска после нескольких лет отсутствия снова попасть в родной город, он не узнал бы его. На месте обугленных развалин возник новый город с новыми улицами и площадями. Столица Белоруссии стала красивой и просторной. Каждый год тысячи минчан вселяются в благоустроенные здания. Вдоль уходившего ранее за черту города шоссе, на пустынном месте, вырос новый район Минска с многотысячным населением. А самое шоссе, обстроенное сотнями светлых, нарядных домов, превратилось теперь в главную улицу района.

Минск продолжает строиться — почти на каждой его улице многоэтажные корпуса, обнесенные лесами. Едва занимается утро, тысячи строителей столицы уже направляются к местам своей работы. Успешно соревнуясь со строителями города-героя Сталинграда, они каждый день отмечают новыми производственными победами. Минчане гордятся строителями своего родного города. Широко известна фамилия бригадира каменщиков Дениса Григорьевича Булахова.

Двадцать лет назад в далекой Сибири он впервые сложил стены дома. Много с той поры зданий возвел в городах Советской страны Денис Григорьевич, завоевав славу умелого, быстрого на руку каменщика. Его труд вложен и в лучшие здания нового Минска.

Учась у старых строителей, на стройках белорусской столицы вырастает и талантливая молодежь. Всего год назад вышел из ФЗО комсомолец Григорий Жигунов. Сейчас он уже в первых рядах минских строителей и в качестве бригадира пятерки каменщиков соревнуется с Булаховым.

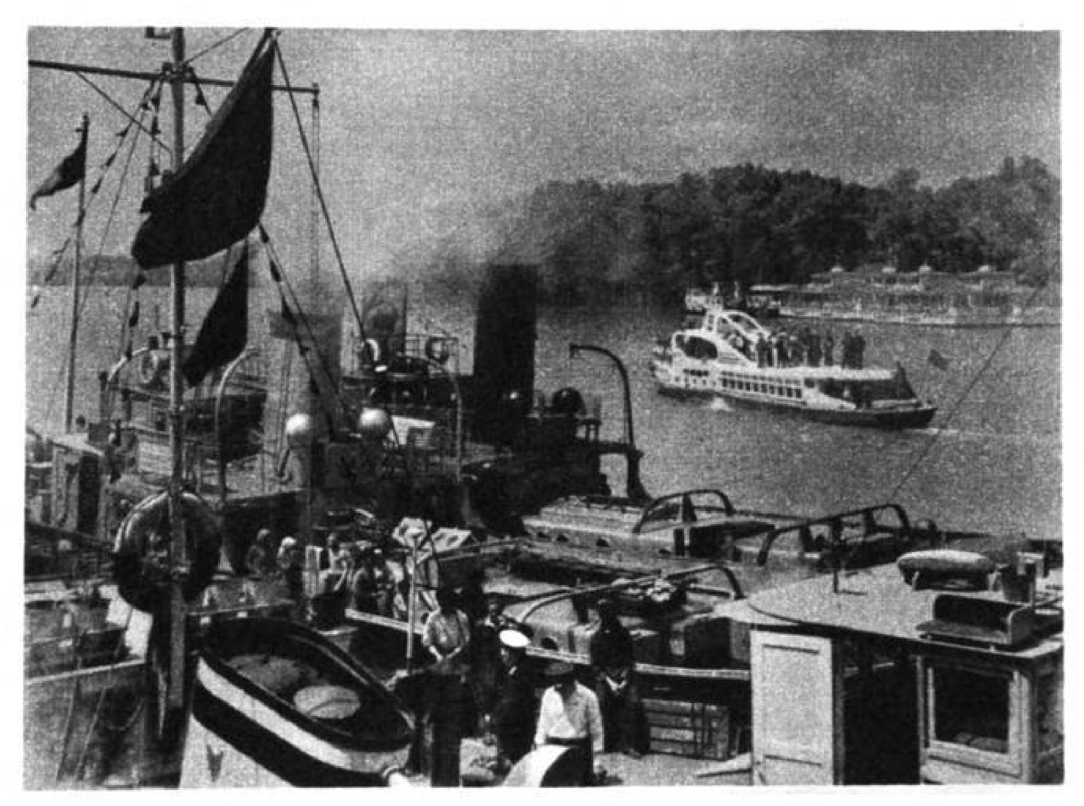
На снимке: Денис Григорьевич Булахов (слева) рассказывает о методах своей работы Григорию Жигунову.

Фото С. Фридлянда

Директор Башкирского ботанического сада (Уфа) О. А. Кравченко в оранжерее сада.

Фото Б. Кузьмина

Оживленно на рейде перед входом в Волго-Донской судоходный канал. Один за другим суда уходят по новой магистрали.

Плещет Цимлянское море...

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Волго-Дон, великая стройка сталинской эпохи, стал готовым сооружением, работающим на коммунизм: действует Волго-Донской судоходный канал, мощная Цимлянская ГЭС дает ток, орошаются сто тысяч гектаров прежде засушливых земель Ростовской области.

Десятки судов проследовали по каналу с Волги на Дон и с Дона на Волгу. Теплоходы № 306, «Академик Павлов», «Академик Быков», «Академик Лебедев», буксиры №№ 301, 303 и 304 «обновили» водную магистраль пяти морей. Степные просторы оглашаются гудками и сиренами теплоходов, плеском волн и криком чаек.

Совсем недавно при появлении судна на канале или в Цимлянском море из поселков строителей, из станиц и хуторов выходили толпы людей. Слышались песни, музыка, приветственные возгласы. Теперь колхозники и строители привыкли к речным кораблям, как привыкли они к названиям улиц в Цимлянской, Нижне-Чирской, Суворовской, Ильевке — «Морская», «Набережная», «Портовая»... В степи, на трассе канала, появились пристани «Советская», «Новый Рогачик» и новые речные вокзалы.

Главная диспетчерская Волго-Дона получила сообщения о выходе судов из Москвы, Ленинграда, Беломорска, Астрахани, Баку, Ростова,— скоро проплывут они по новой водной магистрали. Корабли везут нефть, крепежный лес, уголь, хлеб, цемент, машины, рыбу...

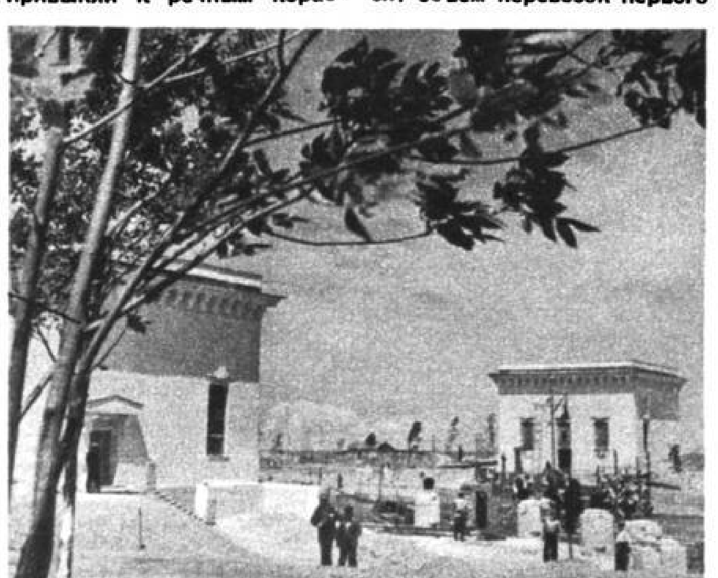
Начальник Управления эксплуатации Волго-Донского водного пути И. К. Бирюков рассказывает, что уже в этом году будут перевезены сотни тысяч тонн различных грузов. Освоение канала, развитие грузооборота на Волго-Доне произойдут невиданно быстрыми темпами. В этом году грузовые потоки превысят объем перевозок первого года на канале имени Москвы. Сейчас ведется деятельная подготовка к открытию пассажирского сообщения. Скоро начнут курсировать комфортабельные теплоходы на линии Москва — Ростов, открывается местное сообщение. Уже прибыли на Волго-Дон быстроходные катера типа «Москвич», которые будут регулярно ходить по каналу.

Цимлянский и Калачевский порты приняли первые «возы» — караваны барж. Через шлюзы №№ 14—15 проследовал с низовий Дона в Цимлянское море буксирный теплоход «Котовский» с наливными баржами. Приняв бакинскую нефть на Волге, они доставят ее в Ростов. Прошли через Цимлянское море суда с углем Донбасса: он адресован предприятиям верхней Волги.

Оживленно в эти дни Цимлянское море. Бороздят его волны самоходные баржи, буксирные теплоходы морского типа, катера лоцманов, рыбачьи парусники. Специальные тральщики заканчивают очистку всего судового хода от затопленных бревен, сучьев и торфа. Несколько земснарядов углубляют и спрямляют трассу судового хода вблизи Нижне-Чирской. Гидрологи на своих кораблях совершают дальние и ближние рейсы, тщательно изучая новое море. Суда лоцмейстерства Средне-Донского технического участка пути расставляют дополнительные пловучие буи.

Когда темнеет, повсюду вспыхивают огни пловучих буев и маяков. На трассе судоходного канала и его водохранилищ уже установлено 280 путевых огней; большое число их освещает по ночам и Цимлянское море.

Бой склянок, гудки и шум корабельных машин сливаются с плеском голубых волн нового моря...

Береславские заградительные ворота на канале пропускают очередное судно.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 25 «Огонька», на странице 10, напечатано: «Совсем недавно у волжского входа в канал была установлена кованая из красной меди грандиозная статуя И. В. Сталина».

Автор этой скульптуры — лауреат Сталинской премии, народный художник РСФСР, скульптор Е. В. Вучетич.

Хороши хлеба!

Председатель колхоза имени Азизбекова Исмаил Караев (справа) и комбайнер Василий Бубнов.

Фото С. Куликова

Бескрайны просторы Муганской степи, раскинувшейся между Курой и Араксом. На сотни километров тянутся густые озимые хлеба.

Сибирь еще сеяла, когда по желтеющим нивам колхозов Астрахан-Базарского района двинулись комбайны. Колхозы Азербайджана начали уборку богатого урожая хлебов.

Хороши в этом году хлеба! Вот по широкому колхозному полю движется мощный «Сталинец-6». Его уверенно ведет комбайнер Василий Бубнов. В бункер сыплется густая струя золотистой пшеницы.

— С каждого гектара возьмем не меньше двадцати шести — двадцати семи центнеров пшеницы,— говорит председатель колхоза имени Азизбекова Исмаил Караев.

— По-моему, многие участки дадут тридцать и больше центнеров,— вытирая с лица пот, добавляет комбайнер.— На каждой четверти круга приходится разгружать бункер.

На полях Астрахан-Базарского района работают десятки комбайнов, из них большинство — мощные «Сталинцы-6» и несколько самоходных. По дорогам одна за другой движутся груженные зерном нового урожая автомашины.

К. ХРОМОВ

ПЕРВЕНЕЦ ОРОШЕНИЯ НА ЮГЕ УКРАИНЫ

Вода идет по каналу Каменской оросительной системы.

Фото В. Калюжного

По всей трассе Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов идет строительство жилых домов, промышленных предприятий, культурно-бытовых учреждений. Предстоят большие работы по прокладке оросительных каналов.

В настоящее время уже введен в эксплуатацию первенец орошения на юге Украины — Каменская оросительная система. Это дает возможность обеспечить поливной водой 3 500 гектаров земель в колхозах и совхозах Каменско-Днепровского района, Запорожской области.

Наш Жак

Жан КУЭН,
ответственный секретарь газеты «Юманите»

На стене тюрьмы Сантэ есть мемориальная доска. На ней начертано: «За этими стенами восемнадцать патриотов, борцов с фашистскими захватчиками, были казнены по приказу правительства, состоящего на службе у врага». Далее следуют имена этих мужественных, пламенных патриотов, которых вишийские предатели бросили во дворе тюрьмы Сантэ под нож эсэсовской гильотины. И после этих имен следуют слова: «Французы, не забывайте!..»

Сильный духом и мужеством своего рабочего класса, верный себе, Париж остался хозяином своих улиц, своих мостовых, где каждый камень — свидетель славной истории.

Творя фашистский произвол, бросая в тюрьму Жака Дюкло, Андрэ Стиля и десятки других честных борцов за мир, французские приказчики американских толстосумов главный удар направляют против Французской коммунистической партии. Они вообразили, что этим смогут утихомирить разбушевавшееся море народного негодования и протеста.

Они просчитались. Посеяв ветер, они пожинают бурю.

Миллионы французов окружают любовью и уважением Жака Дюкло. Они зовут его тепло, по-братски: «Наш Жак». Это о нем сказал Морис Торез на 10-м съезде Французской коммунистической партии:

«Жак Дюкло — его ум, работоспособность, политическую прозорливость и мужество можно сопоставить только с его замечательной скромностью и братской теплотой, которую он проявляет к каждому из нас».

Тридцать с лишним лет неустанной борьбы Жака Дюкло за дело трудящихся — живое свидетельство его преданности народу и Франции. Двадцать лет в качестве секретаря ЦК французской компартии он является ближайшим соратником Мориса Тореза. Совместно с Морисом Торезом он подписал историческое июльское воззвание 1940 года, воззвание, с такой жизненной остротой звучащее в наши дни:

«Франция, еще истекающая кровью, хочет жить свободной и независимой. Никогда такой великий народ, как наш, не будет народом рабов. Франция не станет колониальной страной. Франция, с ее столь славным прошлым, не упадет на колени перед кучкой презренных лакеев.

Народ — вот в чем надежда нашего национального и социального освобождения. Только вокруг рабочего класса, полного силы и благородства, полного веры и мужества, может быть выкован фронт свободы, независимости и возрождения Франции».

Американские оккупанты Франции и их французские марионетки подняли руку на человека, который в черные годы оккупации был душой героической подпольной войны французов против гитлеровских захватчиков. Бывшие вишисты вознамерились рассчитаться с Жаком Дюкло, сумевшим благодаря поддержке и заботе народа избежать расправы от рук палачей Пэтэна и Лаваля. Наследники вишистских предателей осмелились состряпать провокационное обвинение в «заговоре» против человека, который был вдохновителем парижского восстания, освободившего нашу столицу от оккупантов и вписавшего великую страницу в историю французского народа.

Жак Дюкло словно из железа, когда он борется против волков империализма. Он плоть и кровь своего народа, когда он в среде простых людей Франции. На трибунах народных собраний Парижа или в окружении крестьян в глубине Франции, всюду, где только бьется сердце честных, простых французов, Жак Дюкло умеет находить слова, которые пробуждают у людей национальное достоинство, поднимают дух борьбы, вооружают верой в торжество мира и свободы.

Бастующие рабочие автомобильного завода в Париже ожидают возвращения своей делегации, направившейся к министру юстиции с требованием немедленно освободить Жака Дюкло. Бастующие распространяют газету «Юманите».

Сейчас в эту тюрьму брошен Жак Дюкло, верный сын французского народа, его избранник, пламенный борец за величие и свободу Франции.

Кто арестовал Жака Дюкло? Те, которых народ презрительно называет «вооруженная трусость». Его арестовали те, кто раньше продавал врагу кровь Франции, а теперь желает взять свой грязный реванш,— предатели, над которыми всегда висит грозный гнев народа. Дюкло арестовали люди, на которых печать национальной измены, получившие приказ Вашингтона «успокоить тыл» в те дни, когда идет подготовка к агрессивной войне против Советского Союза и против других миролюбивых стран.

Жак Дюкло был схвачен полицейскими в тот день, когда «социалист» Бейло, префект столичной полиции, стянул по приказу генерала-чумы Риджуэя к самому сердцу Парижа 30 тысяч винтовок. Они хотели под свист пуль, под грохот солдатских сапог и удары дубинок вырвать у народа «да», согласие на подчинение и рабство, на фашизм и войну.

В этот день на площади Сталинграда, возле дерева Свободы, посаженного в честь бойцов восстания Парижа против гитлеровцев и в знак благодарности славной Советской Армии-освободительнице,— на этой исторической площади полиция Бейло стреляла в народ.

Но Париж в этот день, как и всегда, сказал: НЕТ! Нет — фашизму и антисоветской войне; нет — американскому генералу — палачу Кореи; нет — правительству лакеев Уолл-стрита, торгующему жизнью нации.

Жалкие людишки, приспешники американских империалистов, действуют методами, соответствующими их собственной низости. Они роются в архивах и выискивают там чрезвычайные жандармские законы Наполеона III. Этими «законами» они хотят прикрыть вопиющее беззаконие, свои трусливые маневры полицейских провокаторов. Пусть роются в мусоре истории — им не возродить прошлого. Пусть громоздит французская «юстиция» провокации и фальшивки, следуя по пути организаторов поджога рейхстага, шпиков Геринга. «Всем известно, как он окончил свою карьеру лжеца и военного преступника»,— напоминает Жак Дюкло судебному следователю.

На сотнях заводов перестают вертеться станки — освободить Жака Дюкло! Пустуют шахты — свободу Жаку Дюкло! Такова воля народа Франции: он требует свободы для одного из самых честных и благородных своих сынов.

Рабочий класс Франции не уступит американизированным вишистам, он добьется свободы для «нашего Жака». В эти дни борьбы и протеста рабочие выражают свою любовь к коммунистической партии, сотнями вступая в ее ряды. Все больше и больше поворачиваются лицом к партии крестьяне во всех уголках Франции. Народ знает, что партия, воспитавшая таких пламенных борцов за счастье трудящихся, как Морис Торез и Жак Дюкло,— эта партия не отступится, не покинет народ в его трудной борьбе за мир, хлеб, свободу.

Дневник
ОГОНЬКА

Магазин на Арбате

В книжном магазине № 59. Постоянные покупатели делают предварительные заказы на книги.
Фото О. Борисова

На ступеньке переносной лесенки стоит профессор. Перебирая книги на верхних полках, он вынимает их одну за другой, перелистывает и, отобрав нужную, кладет ее в сторону.

Преподаватель одного из столичных вузов, профессор — частый посетитель розничного магазина № 59 «Москниготорга». Он приходит сюда, в магазин на Арбате, чтобы познакомиться с новинками литературы, приобрести лучшие из них. Гостеприимно встречают его продавцы, рекомендуя только что полученную литературу.

Таких покупателей тут много. Их фамилии занесены в особую картотеку. Ученые, писатели, инженеры, композиторы, офицеры, рабочие, студенты... Людей различных профессий заботливо обслуживает небольшой коллектив магазина. Бывает и так, что отсюда звонят кому-нибудь из постоянных покупателей или посылают открытку, сообщая: «Приезжайте. Получены новинки...»

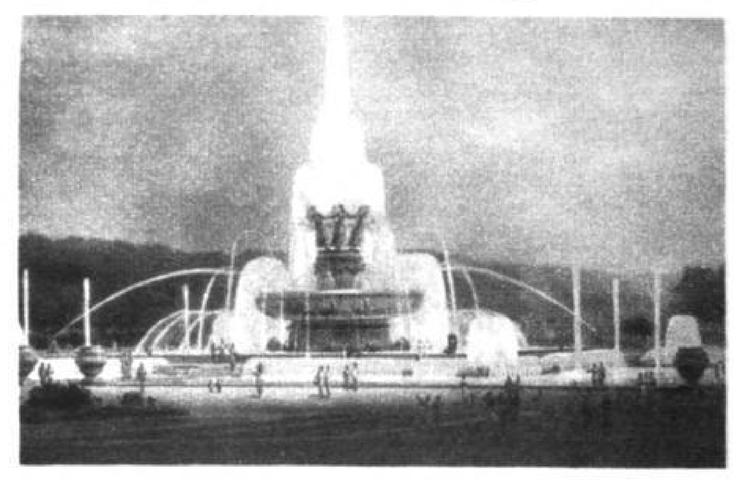
Директор магазина Мария Ивановна Павлова тридцать лет занимается книжной торговлей. Она любит это дело и вместе с коллективом продавцов много трудится над тем, чтобы покупатель всегда нашел на полке магазина нужную ему книгу. Магазин организовал торговлю книгами на предприятиях, в клубах, дворцах и домах культуры. Киоски магазина на заводе, на станциях метро и в Промбанке.

Каждую неделю работники магазина слушают лекции-обзоры новой литературы, узнают о книгах, которые следует посоветовать покупателям.

Недавно постоянные «клиенты» получили приглашение отметить вместе с продавцами радостное событие: лучшему книжному магазину страны вручено переходящее Красное знамя Совета Министров СССР.

С. БОГОРАД

1162 водяные струи

Проект фонтана «Хоровод».

В Центральном парке культуры и отдыха имени Горького по проекту действительного члена Академии архитектуры СССР А. Власова и соавторов архитекторов Е. Шейнина и Г. Константиновского будет строиться крупнейший в Москве фонтан «Хоровод» с обширным бассейном площадью 75 × 75 метров. Внутри этого бассейна, на более высоком уровне, расположится другой, с зеркалом воды 30 × 30 метров. Обходная дорожка шириной в четыре метра, соединенная с аллеями парка, разделит водяной пояс и даст возможность приблизиться к бронзовой орнаментальной чаше. Она покоится на гранитном цоколе. В центре ее на постаменте, украшенном позолоченным фризом, скульптурная группа. Шесть взявшихся за руки девушек в русских народных костюмах ведут хоровод.

1 162 струи! Вертикальные, горизонтальные, веерообразные, они будут бить из разных точек обоих бассейнов, с разных направлений, в несколько ярусов. В центре образуется водяной столб высотой в 23 метра. Ни одна деталь фонтана или, вернее, ансамбля фонтанов не останется в бездействии. Навесные потоки воды создадут купол над хороводом девушек. С журчанием вода падает в чашу. Зрители, гуляющие по дорожке между двумя бассейнами, очутятся в «водяном коридоре».

Новый фонтан будет выбрасывать в 15 раз больше воды, чем фонтан на площади Свердлова.

Новый мировой рекорд

Нина Плетнева.
Фото Н. Волкова

Прошлой осенью в Минске во время состязаний на первенство страны по легкой атлетике в беге на 800 метров для женщин был установлен мировой рекорд. Молодая спортсменка из Дружковки (Донбасс) Нина Плетнева неожиданно для всех обошла П. Солопову и В. Помогаеву и первой прибежала к финишу.

Ее результат — 2 минуты 12 секунд — превышал официальный мировой рекорд.

Сравнительно недавно в Киеве на соревновании сильнейших легкоатлетов Полина Солопова пробежала эту дистанцию за 2 минуты 11,7 секунды.

В минувшее воскресенье в Киеве в перерыве между футбольным состязанием А. Никулина, Н. Черношек и Н. Плетнева приняли старт на 800 метров.

Молодая спортсменка Н. Плетнева прекрасно прошла всю дистанцию. Секундомеры показали отличный итог: 2 минуты 8,5 секунды. Это — новое мировое достижение.

М. ЗАСЛАВСКИЙ

Четвертая победа

ЗАКОНЧИЛАСЬ ВСТРЕЧА ВЕЛОСИПЕДИСТОВ ШЕСТИ ГОРОДОВ

Р. Варгашкин набирает скорость.

Первые крупные велосипедные соревнования летнего сезона — традиционная встреча гонщиков шести городов — собрала на московском стадионе Юных пионеров тысячи зрителей. На треке выступало около ста велосипедистов Москвы, Тулы, Риги, Ленинграда, Тбилиси и Киева.

...Низко пригнувшись к рулю, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, мчится велосипедист по треку. Дистанция — 1 000 метров. Прославленные гонщики сменяют один другого.

По радио объявляют, что на старте Ростислав Варгашкин. Это имя мало известно зрителям, но зато известно на стадионе Юных пионеров. Здесь, на треке, Варгашкин вырос как спортсмен. Сегодня у него первое «боевое крещение»: проба сил вместе с признанными мастерами.

Девятнадцатилетний студент Варгашкин развивает бурный темп. Круг он проходит быстрее всех, удерживает он скорость и в дальнейшем. Молодой спортсмен показал лучшее время. Результат Варгашкина сумел повторить тбилисец Отар Дадунашвили. Они и разделили первое и второе места.

Закончившиеся на прошлой неделе состязания велосипедистов шести городов примечательны прежде всего выдвижением новых имен.

В спринтерской женской гонке на один километр решительную победу одержала Галина Куриленко. До ее выхода на старт о ней мало кто знал. И пока знатоки прикидывали, кому отдать предпочтение — то ли тулячкам Донченко, Коптевой, то ли москвичке Зверевой,— Куриленко, уверенно пройдя предварительные испытания, вышла в финал и опередила всех. Второе место заняла Т. Зверева и третье место — Любовь Разуваева, которой нет еще 17 лет. Она учится в 12-й школе города Тулы. Живет она возле трека. Это «соседство» не могло не оказать влияния на подвижную школьницу, пристрастившуюся к быстрой езде на велосипеде. Теперь имя Разуваевой стоит одним из первых в списке сильнейших гонщиц страны.

Встречу выиграла команда Москвы, на втором месте — команда Тулы, на третьем — Ленинграда. До этого (состязания проводятся с 1947 года) три раза побеждали москвичи, два раза — туляки.

Л. Разуваева закончила гонку.
Фото А. Бурдукова

В упорной борьбе

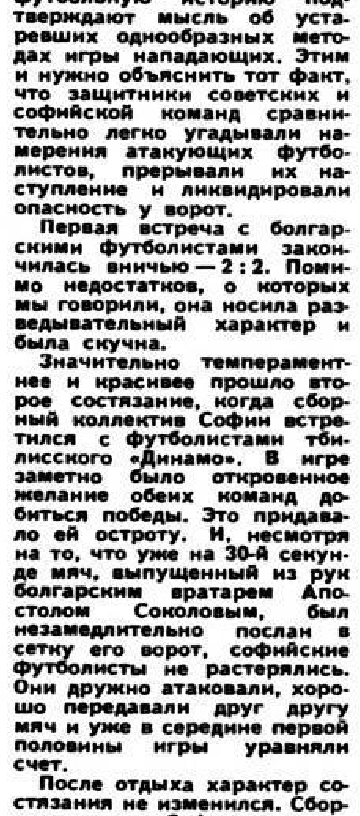
Сборная команда г. Софии (Болгария), выступавшая в Москве.

Москвичи вновь увидели болгарских футболистов. Они были знакомы с темпераментной игрой клуба «Славия», видели дружный, напористый коллектив «Локомотива» и вот теперь, спустя шесть лет, стали свидетелями выступлений сборной команды Софии.

Можно смело сказать, что мастерство болгарских спортсменов заметно возросло. Во всяком случае, мы увидели вполне современный футбол, с быстрым темпом, хорошей тактической манерой, с точным исполнением сложных технических приемов.

Судья международной категории Иордан Таков высказал мысль, что болгарский футбол растет под влиянием советского.

Эта правильно подмеченная черта была особенно заметна в играх сборной команды Софии на московском стадионе «Динамо»: тот же принцип коллективизма, та же манера взаимосвязи всех звеньев, умение сочетать игру в своей зоне с персональной опекой игрока, наконец, те же недостатки — неточные удары по воротам. Впрочем, говорят, что этим больны почти все форварды мира.

В двух состязаниях, за которыми мы наблюдали 11 и 14 июня, было забито семь мячей, из коих пять было пропущено по вине вратарей, один влетел в сетку в результате штрафного без защиты и лишь один — после игровой ситуации и сильного меткого удара по воротам.

Это сделал В. Трофимов. Он открыл счет в первом состязании футболистов ЦДСА со сборной командой Софии.

Невольно вспомнилось, как шесть лет назад он же послал третий мяч в ворота болгарского «Локомотива» и спас свою команду от поражения.

Статистика и экскурс в футбольную историю подтверждают мысль об устаревших однообразных методах игры нападающих. Этим и нужно объяснить тот факт, что защитники советских и софийской команд сравнительно легко угадывали намерения атакующих футболистов, прерывали их наступление и ликвидировали опасность у ворот.

Первая встреча с болгарскими футболистами закончилась вничью — 2 : 2. Помимо недостатков, о которых мы говорили, она носила разведывательный характер и была скучна.

Значительно темпераментнее и красивее прошло второе состязание, когда сборный коллектив Софии встретился с футболистами тбилисского «Динамо». В игре заметно было откровенное желание обеих команд добиться победы. Это придавало ей остроту. И, несмотря на то, что уже на 30-й секунде мяч, выпущенный из рук болгарским вратарем Апостолом Соколовым, был незамедлительно послан в сетку его ворот, софийские футболисты не растерялись. Они дружно атаковали, хорошо передавали друг другу мяч и уже в середине первой половины игры уравняли счет.

После отдыха характер состязания не изменился. Сборная команда Софии вела атаки краями, где быстрый К. Янев и неутомимый Д. Миланов то и дело создавали опасные моменты у ворот «Динамо», а тбилисские нападающие, хорошо поддержанные полузащитой, пытались пройти главным образом по центру поля, где были активны К. Гагнидзе и А. Гогоберидзе. Уравновешенный ход состязания был прерван штрафным ударом с далекого расстояния.

А. Чкуасели сильно пробил, а К. Гагнидзе ударом головы мастерски направил мяч в ворота. Счет стал 2 : 1 в пользу грузинских спортсменов. Гости, которые до этого придерживались оборонной тактики и оттягивали к своим воротам полузащитников А. Цанова и Т. Петкова, теперь перешли к активным, наступательным действиям. Выход на поле П. Панайотова способствовал этому. Однако все их старания отыграться, серия угловых ударов на последних минутах не принесли успеха.

Встречу выиграли дружные игроки тбилисского «Динамо», еще раз подтвердив, что единство и взаимопонимание команды способствуют успеху.

М. МАРТЫНОВ

Счет открыт. В. Трофимов забивает первый гол.

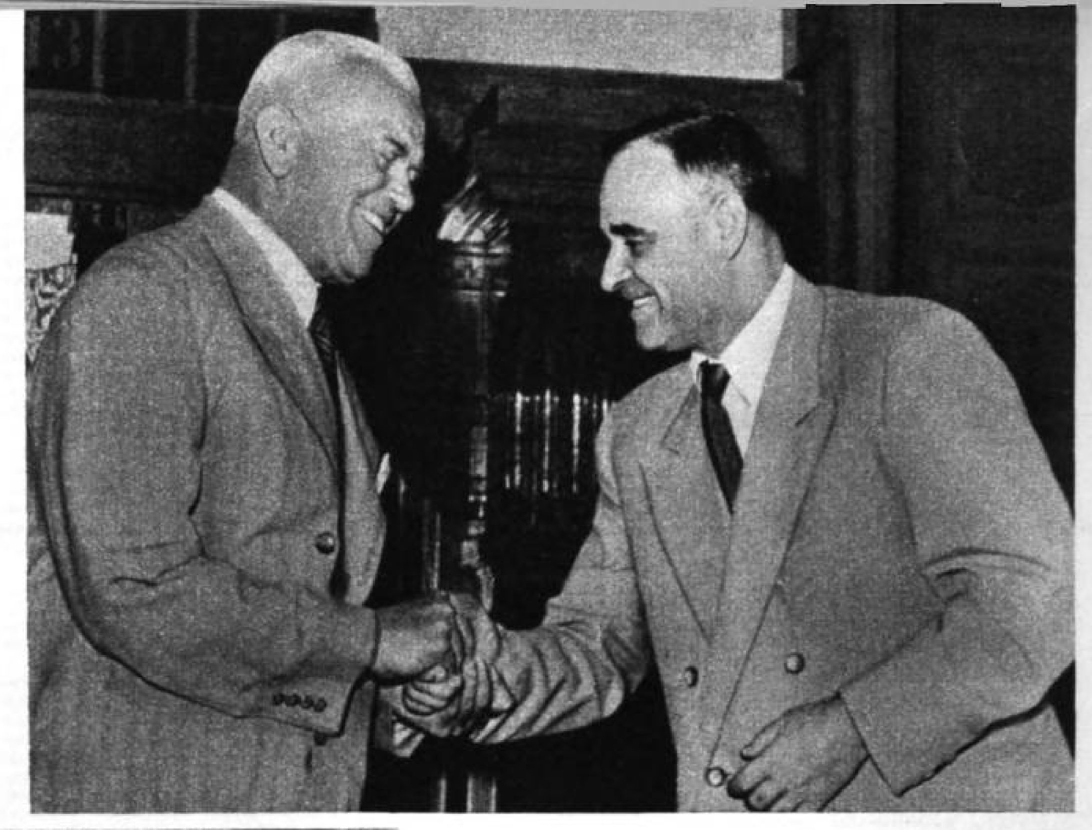
Болгарский вратарь А. Соколов перехватывает высокую передачу тбилисских нападающих.
Фото А. Вочинина и О. Кнорринга

ЗА РУБЕЖОМ

Двенадцатая сессия Великого национального собрания Румынской Народной Республики единодушно избрала доктора Петру Гроза председателем президиума Великого национального собрания. Товарищ Георге Георгиу-Деж избран председателем Совета Министров Румынской Народной Республики. На снимке: д-р Петру Гроза (слева) приветствует товарища Георгиу-Деж после его избрания председателем Совета Министров.

→

В Гааге состоялся съезд голландских безработных. Две тысячи представителей различных профессиональных организаций и не входящих в профсоюз безработных резко протестовали против гонки вооружений, сокращения производства товаров широкого потребления и против дискриминации в международной торговле.

На снимке: демонстрация участников съезда в Гааге. Плакаты требуют расширения торговли с Советским Союзом, народным Китаем, странами народной демократии.

↓

Около шести месяцев 650 тысяч металлургов США, входящих в Конгресс производственных профсоюзов, ведут борьбу с металлургическими компаниями за повышение заработной платы. Усилиями правительства и продажных лидеров КПП удавалось несколько раз отложить начало стачки, которая разразилась наконец 2 июня. Опасаясь за сверхприбыли, наживаемые на гонке вооружений, стальные монополии требуют от правительства подавить стачку с помощью драконовского закона Тафта — Хартли. Но рабочие стойко продолжают борьбу. Их поддерживает ряд предприятий смежных отраслей промышленности.

На снимке внизу: стачечный пикет у заводских ворот компании «Юнайтед Стейтс стил» в Чикаго.

Чехословацкий народ отметил десятилетие со дня зверского уничтожения гитлеровскими палачами деревни Лидице. Все мужское взрослое население этой деревни было уничтожено, а женщины, старики и дети заточены в концентрационные лагери. В те годы эта расправа вызвала негодование всего прогрессивного мира. Сегодня память о трагедии Лидице вопиет против восстановления очага фашистской агрессии в Западной Германии, проводимого американскими империалистами.

Так выглядела Лидице после 10 июня 1942 года.

Одна из улиц вновь отстроенной деревни Лидице сегодня.

Возвратившаяся из фашистского концлагеря жительница Лидице Мария Пинчакова со своим маленьким сыном Вацлавом.

КАЖДЫЙ ВЕРИТ В ПОБЕДУ

Читая письма друзей...

Вера КЕТЛИНСКАЯ

Когда перебираешь эти листки, испещренные иероглифами, не понимаешь ни одного слова, ни одного знака и все-таки чувствуешь, что ты держишь в руках нечто близкое, волнующее, понятное и без переводчика.

Письма из Кореи, из героической, сражающейся Кореи, перепаханной американскими бомбами, изрешеченной снарядами, задыхающейся в дыму пожаров... Так и кажется, что эти листки пахнут дымом, что вот эти знаки начертаны в минуты, когда взрывы потрясали здание... Еще до того, как переводчик раскроет конкретное содержание письма, знаешь, что в нем написано, потому что в этих письмах душа человека, а душа познается в делах, в свершениях...

Как же нам не знать души наших далеких друзей, когда мы знаем главное: вот уже два года они самоотверженно сопротивляются американской кровавой агрессии.

Два года высокого подвига! За эти два года американские громилы и их прихвостни покрыли себя неслыханным позором, позором всяческим: и военным, и дипломатическим, и просто позором. За эти же два года маленький корейский народ в глазах всего мира вырос в исполина, в легендарного героя, завоевав самую светлую славу на земле — славу борца за свободу, за справедливость, за человеческое достоинство.

«Наш дух крепче тела, наше сердце горячее огня», — пишут мне работницы энского завода Кореи. Читая эти письма, сквозь слезы видишь этих скромных женщин и девушек, которые стискивают зубы над трупами своих близких, произносят клятву борьбы и откапывают из-под обломков свои станки, трудятся днем и ночью во имя мести убийцам и во имя жизни и независимости своего народа. И веришь — нет, знаешь! — что они победят, потому что нельзя сломить такой дух, нельзя принудить к покорности такие сердца...

«Американцы их оберегают...» — с гневным сарказмом пишет врач Ким Хван Чжун о черных зловещих насекомых, напичканных бактериями. Страшно думать, что в XX веке может твориться такое... И радостно знать, что мощные силы подымаются на борьбу с двуногими зверями, превратившими самую гуманную из наук в источник смерти.

Передний край великой борьбы за жизнь, за самое существование человечества проходит сегодня по опаленной земле Кореи. Как прост героизм этой борьбы!

Слабые руки девочки, у которой американская бомба в один день отняла всех родных, неутомимо управляют тяжелым станком — больше, больше оружия для фронта!

Крестьянин выходит в поле, осыпаемое американскими снарядами, и упорно выращивает богатый урожай — больше, больше риса для армии-защитницы!

Среди развалин ютятся в землянках юноши и девушки и ни на один день не прекращают учиться — скорее, скорее стать полезными родине!

Мы видим и понимаем этот повседневный быт героического сопротивления. Мы знаем цену труда водопроводчика, пекаря, почтальона, монтера и других рядовых тружеников города-фронта, среди воя бомб и свиста снарядов поддерживающих нормальную человеческую жизнь. Знаем, что вода, освежающая воспаленные губы и омывающая раны, свет, освещающий убежища, письма, доставленные в землянку, радио, снова и снова поднимающее свой ободряющий голос среди развалин, — это и опора для слабеющих и вестник победы и утверждения жизни.

Слава героям непокоренной Кореи! Мы принимаем их в свои сердца, как близких и дорогих, так же, как они приняли в свои сердца русскую девушку Зою, победившую смерть.

Непонятны иероглифы, труден незнакомый язык, но есть язык братства, объединяющий борцов за общее дело. Есть голос сердца и совести, понятный без переводчиков. Символом великого единения летят, летят на многие тысячи километров простые, согретые любовью и уважением письма — перекличка верных друзей.

БОРЬБА ЗА УРОЖАЙ — БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ

Московская область,
колхоз «Соцсоревнование»
Из деревни Найден, уезда Дярен

Я недавно слушал лекцию о трудовых подвигах вашего колхоза «Соцсоревнование». Из этой лекции я узнал о том, как вы героически боролись за высокий урожай в период Великой Отечественной войны. Я внимательно изучал и изучаю ваш опыт, и он хорошо помогает мне выполнять приказ нашего вождя Ким Ир Сена: «Бороться за высокий урожай и дать фронту побольше хлеба».

Я знаю: борьба за хлеб — это борьба за родину, борьба за победу!..

Весной прошлого года мы на каждый гектар в среднем дали по 2 тонны удобрения. Я посеял рис для рассады на 5 дней раньше, чем другие крестьяне. Я сумел перепахать землю два раза и своевременно высадил рассаду, хотя американские летчики убили моего бычка. Пропалывать пришлось под налетами американской авиации, но я все сделал, и лучше, чем в прошлом году. И так я занял в деревне первое место по сбору урожая риса.

Все эти мои труды высоко оценило наше правительство: оно меня трижды наградило.

Товарищи! Мы, корейские крестьяне, вместе со всем народом самоотверженно продолжаем свою борьбу за свободу. Мы всей душой ненавидим американских варваров, и каждый мстит за их злодеяния в Корее, и каждый верит в нашу святую победу.

Желаю успеха в вашей работе.

Ли Ен Сен

ПИСЬМО НЕЗНАКОМОМУ И ЛЮБИМОМУ ДРУГУ

Ленинград, Медицинский институт
Из Медицинского института в Хамхыне

Любимый товарищ! Я с чувством большой радости пишу это письмо Вам, незнакомому, но дорогому и близкому моему другу. Я студент 1-го курса Медицинского института города Хамхына. Ныне мы все, студенты Северной Кореи, учимся в условиях тяжелой, ожесточенной войны, которую ведет корейский народ против кровавых американских агрессоров, напавших на нашу землю.

Сейчас, когда я пишу это письмо, здание, где я нахожусь и где находятся мои товарищи, сидящие за столами над книгами, сотрясается от сильных взрывов американских бомб. Мы, студенты Хамхынского мединститута, живем в развалинах, но все же мы упорно и усердно изучаем передовую, прогрессивную науку, которая освещает наши перспективы, помогает в борьбе с врагами.

Мне хочется рассказать Вам, моему советскому другу, голос которого я никогда еще не слышал, но с которым живу одной душой, рассказать о том, что мы учимся в неимоверно тяжелых условиях. Но, несмотря на это, мы прилагаем все усилия к тому, чтобы стать медиками — достойными гражданами нашей республики. Мы учимся старательно, по примеру советского студенчества.

Мы твердо уверены в окончательной победе над врагами нашей родины — американо-английскими интервентами, — так как наше дело правое, за нами стоит весь демократический лагерь, возглавляемый великим Советским Союзом.

Крепко жму вашу руку.

Студент Ген Бон Чен

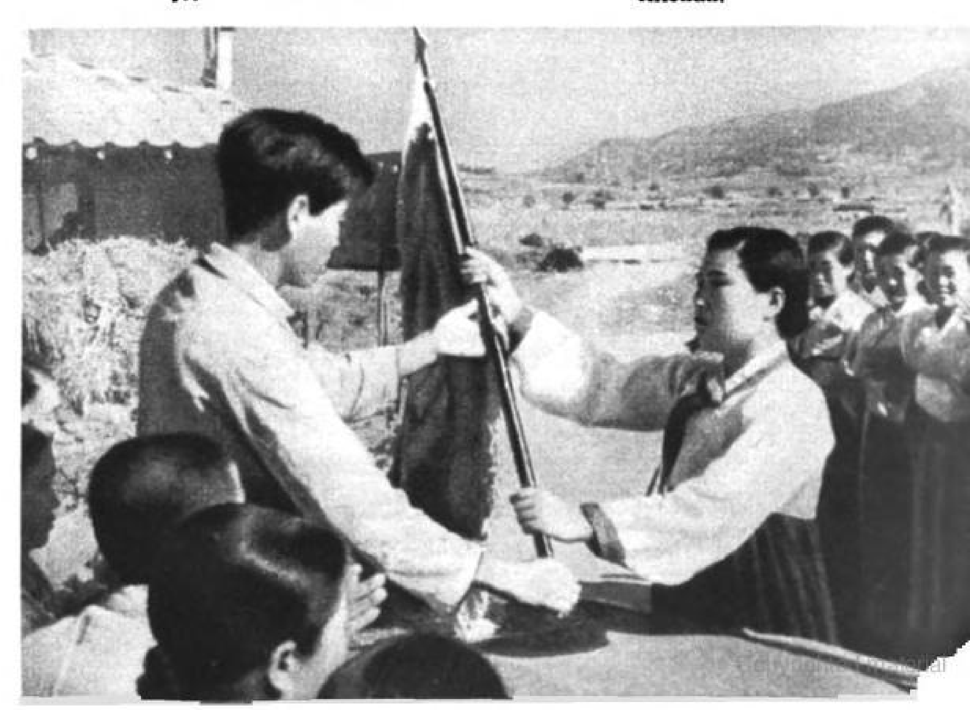
НАШ ДУХ — КРЕПЧЕ ТЕЛА, НАШЕ СЕРДЦЕ — ГОРЯЧЕЙ ОГНЯ...

Ленинград, писательнице
Вере Кетлинской
Из корейского города Н.

Мы думаем, что Вам уже хорошо известно трагическое положение наших городов, превратившихся в груды развалин и пепла. Действительно, ни в одном городе, селе и деревушке не найти того, что было...

Но мы не падаем духом. Наш дух — крепче тела, наше серд-

Вручение «Знамени Победы» передовикам соревнования, крестьянам села Себубри провинции Южный Пхенан.

Медицинские работники делают противоэпидемические прививки сельским школьникам. Провинция Северный Хамген.

це — горячей огня. Мы восстанавливаем разрушенные цехи, собираем разбитые и обожженные станки, располагаемся в землянках или в полууцелевших зданиях и продолжаем бороться, не зная сна и отдыха.

Однажды в убежище нашего завода погибло сразу 14 молодых работниц. У всех, кто видел эту ужасную картину, сжималось сердце, и каждый хотел взять оружие и идти на врага, чтобы мстить ему и чтобы ему отомстить. «Смерть американским извергам!» — так говорит каждый из нас.

Дорогая наша сестра! Как рассказать о боли сердца, когда мы успокаиваем детей, рыдающих около убитой матери!

В дни временной, но тяжелой эвакуации никто из нас не жаловался на трудности. Мы перевезли наш завод и продолжаем сегодня свою работу на новом месте.

Среди наших работниц есть много жен и матерей. Они проводили своих родных на фронт и совершают трудовые подвиги.

Товарищ Пак Чон Ок после ухода мужа на фронт работает за станком. О, какой ненавистью сверкают ее быстрые и блестящие глаза! Она всегда говорит: «Послать моему мужу больше снарядов — в этом моя слава, в этом мое счастье!»

Товарищ Ким Сун Не потеряла мать, отца и младшую сестру и чудом уцелела сама, осталась одна-одинешенька. Когда она пришла на завод после похорон всей семьи, она сказала: «Мстителем американским и лисынмановским варварам в нашем доме осталась только я. Отныне цель моей жизни — месть врагу. Я буду мстить и мстить за моих родителей и моих товарищей!»

Встав за станок, который был гораздо больше нее, она своими маленькими умелыми руками выработала две нормы, а это очень много и очень нелегко!

Когда мы смотрим на груды развалин и пепелища, то еще больше закаляется наша воля к победе, а когда мы слышим голоса сторонников мира, возглавляемых великим Советским Союзом, то мы еще больше верим в грядущую победу нашего народа.

Работницы энского завода Корейской Народно-Демократической Республики

СООБЩАЮ ОБ УСПЕХАХ...

Москва, советским водопроводчикам
Из города Н.

Я, как один из мастеров городской водопроводной конторы, сообщаю вам об успехах, которых мы достигли в трудных условиях войны. Мы обеспечили бесперебойное снабжение водой жителей нашего города и промышленные предприятия. Под бомбежкой мы восстановили водохранилище и часть водопровода. Пять мастеров из двенадцати получили медали «Трудовая заслуга» от Президиума Верховного Народного собрания Корейской Народно-Демократической Республики. Нам помогает в этом прекрасный пример советских людей.

Мастер водопроводной конторы Тян Ден Ер

Восстановительный отряд на улицах Пхеньяна.

ВЫСТОИМ И ПОБЕДИМ!

Москва, больница имени Боткина
Из больницы в Пхеньяне

Мой дорогой коллега! Последние события, которые обрушились на мой город, так ужасны, что я решил написать о них вам, хотя мы не знакомы и, может быть, никогда не встретимся. Но сначала, если позволите, несколько слов о себе.

Я стал врачом, хотя это было трудно сделать в старой Корее. Но я стал врачом, потому что наш народ косили страшные эпидемии. Тяжелые болезни считались неизбежным бичом Кореи.

Советские врачи помогли нам победить все эти болезни. Мы научились с ними бороться и уже стали забывать об эпидемиях. И вот, как, быть может, это ни покажется вам невероятным, на моем рабочем столе стоит сегодня пробирка с черными зловещими насекомыми, которых я никогда у нас не видел. Эти насекомые были сброшены на Пхеньян американскими летчиками. Я сам осматривал место падения бактериологической бомбы, пустотелой, с переборками, чтобы насекомые не задохнулись. Их берегут! С ними не должно случиться ничего плохого! Ведь это — новое оружие американских убийц, оружие, которое, по их мнению, должно убивать и малых и старых. Я смотрю на этих обезвреженных насекомых и думаю с гневом и болью о людях, нет, простите меня, не людях, а зверях, которые начиняли их смертельным ядом холеры, чумы, тифа.

Я внимательно слежу за газетами и недавно прочитал высказывание директора Хартфордского «научного центра» по международным делам Альфреда Зиммери. «Биологическое оружие уже готово к употреблению и может быть тотчас же пущено в ход. Нечего увиливать, различая законное и незаконное применение силы».

Подумайте только, как это спокойно выражено! Я написал — звери. Нет, простите меня, они хуже зверей. На моих глазах скончались от холеры три невинные жертвы американских империалистов. Да пусть они будут прокляты, эти изверги! Я расскажу вам о факте, который я видел своими глазами в Пхеньяне. Старый кореец Хан Сан Гук проснулся рано утром, и, как это у нас часто бывает, привязал одеялом за спину двухлетнего внука, и стал подметать свой дворик. Старший внук помогал ему. Он первым увидел в углу дворика пакеты. Они шевелились! Из них выползали жуки и пауки. Мальчик позвал деда. Тот взял пакет в руки, с удивлением рассматривая насекомых. Младший внук тянулся ручонками к деду, пытаясь разглядеть диковинных насекомых. Мимо проходил сосед Цой У Сеп. Старик окликнул его. Сразу сообразив, в чем дело, Цой У Сеп, не притрагиваясь к пакетам, кинулся в медицинский пункт. Уже через час старика и внуков увезли в больницу, поместили в особую палату, а дом, двор, улицу дезинфицировали. Но спасти несчастных было уже нельзя. Старик умер от холеры через два дня, его старший внук в тот же день, в 8 часов вечера, младший в 10 часов. Я видел это своими глазами...

Я обвиняю американских убийц, и я верю, что вы присоедините к этому обвинению свой голос. Я обвиняю американских врачей, тех, кто свои знания использует для того, чтобы сеять смерть на нашей земле. Они позорят медицину, превращая ее из науки жизни в науку смерти. И я еще хочу сказать вам, дорогой друг, что мой народ не боится чумных мух так же, как он не боится напалма и фугасок. Мы выстоим, несмотря ни на что, мы выстоим и победим! Смерть не может победить жизнь! Не может! Воля миллионов честных людей, которые преграждают путь новой войне, восторжествует! Она восторжествует потому, что во главе движения за мир и справедливость стоит ваша прекрасная страна и вождь всего прогрессивного человечества, любимый друг корейского народа, великий Сталин.

Врач Ким Хван Чжун

Корейские дети завязали дружбу с бойцами одной из частей китайских народных добровольцев.

ДОРОГОЙ НАМ ОБРАЗ

Москва, Л. Т. Космодемьянской — матери Зои
Из ремесленного училища имени Ким Ден Сук

Образ славной Зои особенно дорог нам сейчас, когда весь наш народ сражается за свободу и независимость своей родины, против заокеанских агрессоров.

Когда мы слушали рассказ о том, как отлично училась ваша дочь, каким она была хорошим другом и каким добрым сердцем она обладала, когда мы слушали рассказ о ее беспримерном подвиге, наши сердца наполнялись трепетным волнением. Зоя — это великая дочь великого народа.

Дорогая мать! Наших любимых родителей отнял у нас презренный враг. Он убил и замучил их. Но мы не чувствуем себя сиротами в нашей народной республике. Мы учимся в ремесленном училище, которое носит имя славной дочери корейского народа, боевой партизанки, покойной супруги нашего вождя Ким Ир Сена.

Спасибо вам за то, что вы вырастили Зою.

Ученицы ремесленного училища имени Ким Ден Сук

ПЕНТАГОН И НАРОДЫ АЗИИ

Заметки журналиста

Джозеф КЛАРК

«ВОИНСКИЕ ДОБЛЕСТИ» ПЕНТАГОНА

Третьего марта читатели «Нью-Йорк таймс» имели случай не поверить своим глазам. В первом выпуске газеты они прочли телеграмму корреспондента «Ассошиэйтед пресс» с острова Кочжедо, в которой утверждалось, что среди военнопленных сектора № 62 оказалось якобы «большое количество» таких, которые пожелали «быть изъятыми из-под красного влияния». «Уже в первые два дня отбора,— говорилось в телеграмме, — 1 600 пленных попросили, чтобы их перевели куда-либо в другое место».

Затем последовал второй выпуск «Нью-Йорк таймс». Та же дата, тот же корреспондент из Кочжедо. Но на этот раз события излагались так:

«Только **девять** гражданских лиц из числа опрошенных 1 600 пленных сектора № 62 согласились воспользоваться возможностью быть переведенными в другой лагерь... Малое число желающих вызвало следующее замечание коменданта лагеря, бригадного генерала Фрэнсиса Г. Додда: «Я не могу вдаваться в объяснения этого факта. Я могу только удивляться».

В то время только немногие из американских читателей могли догадаться, что эта «поправка» приоткрывает завесу над тщательно охраняемой правящими кругами США тайной так называемого «отбора» пленных в Корее. Теперь драма Кочжедо известна во всех ее ужасающих подробностях. Никому уж не скрыть каннибальских расправ американской военщины с безоружными военнопленными. Уже подтверждено десятками фактов, что так называемую «свободную репатриацию» палачи из комендатуры Кочжедо вымогали у пленных голодом, пытками, убийствами в течение долгих недель и месяцев. Известна и история завершения гнусного вероломства американского командования, взявшего назад свои «торжественные обещания» немедленно после того, как был освобожден захваченный пленными комендант лагеря Додд. Известно, наконец, какие кровавые зверства творит на Кочжедо новый комендант Боутнер, которого собственные подчиненные наградили кличкой «буйвол»...

Однако главным «героем» зверств на Кочжедо является сегодня генерал Марк Кларк, сменивший «генерала от чумы» Риджуэя.

Кто он, этот новый американский босс в Азии?

Разумеется, Марк Кларк — такая же пешка в руках Уолл-стрита и Пентагона, какими были до него Макартур и Риджуэй. Стоит, однако, приглядеться к этой фигуре, не лишенной колоритности.

НОВЫЙ «БОСС»

Долговязый, с грубыми чертами лица, генерал Кларк родился в военном казарменном городке, в семье пехотного полковника. Военная академия в Вест-Пойнте выпустила его из своих стен кадровым офицером. Во вторую мировую войну он дослужился до командующего армией, хотя, как мы увидим ниже, и не прославился особыми воинскими подвигами.

Многое, однако, в его биографии не было достоянием гласности. Поэтому и показался столь неожиданным поворот, наметившийся в его карьере 20 октября прошлого года. В этот день президент Трумэн решил назначить генерала Марка Кларка послом Соединенных Штатов в... Ватикане!

Ровно через два дня после того, как стало известно это намерение президента, раздался вдруг голос председателя сенатской комиссии по иностранным делам Конелли. «Генерал Кларк, — заявил сенатор,— сам не считает себя пригодным для высоких постов — будь то гражданские или военные».

Что потянуло за язык такого близкого политического соратника Трумэна, как сенатор Конелли? Вспомнили, что вскоре после разгрома гитлеровской Германии ветераны 36-й дивизии, служившие в Италии под командованием Кларка, посвятили ему публичное выступление. Они открыто обвиняли генерала в том, что он пожертвовал жизнью многих американских солдат в бесплодных и бессмысленных попытках форсировать реку Рапидо. Операция проводилась по прямому и категорическому приказу Кларка, хотя многие военные специалисты предупреждали его, что лобовая атака позиций у Рапидо была только наруку немецкому командованию. Но Кларк, как отмечали ветераны, уперся и ни за что не соглашался отменить приказ. В результате, понеся большие потери, американские войска должны были отступить. Эту историю штурма позиций у Рапидо напомнили теперь оставшиеся в живых солдаты дивизии генерала Кларка.

Весьма возможно, что в некоторых влиятельных кругах сочли неудобным направить послом к папскому престолу незадачливого «героя» Рапидо. Характерен, однако, самый факт назначения Кларка на такой, казалось бы, не подходящий для него пост. Ясность внес сам президент, сообщивший, что главной задачей генерала Кларка в Ватикане должна была стать негласная работа по сколачиванию международного «крестового похода против коммунизма».

Кое-кто из официальных представителей Белого дома старался потом изобразить это назначение Кларка как «чисто дипломатическое» и даже «идеологическое». Но сам генерал пришел на помощь сомневающимся, высказавшись с полной откровенностью: он заявил, что рассматривает свою миссию прежде всего как **военную**. Это разъяснение генерала полностью поддержала «Нью-Йорк таймс». «В эпоху тотальных войн, — писала газета, — любая информация о том, что происходит в странах, могущих в перспективе рассматриваться как вражеские, имеет военно-разведывательное значение». Ватикан имеет агентов в Восточной Европе, — откровенничала «Нью-Йорк таймс», — и такой опытный человек, как генерал Кларк, мог бы «идеально» наладить связь с ними...

Между тем в самой Италии социалистическая газета «Аванти» напомнила и о другом «отличии» бравого генерала: оказывается, именно Кларк отдал приказ бомбить старинное аббатство Монте-Кассино; это ни на километр не продвинуло вперед американские войска, зато один из национальных итальянских памятников был стерт с лица земли.

В конце концов президент Трумэн был вынужден взять обратно — временно, как он выразился, — свой приказ о назначении Кларка руководителем американской военной разведки при Ватикане.

Надо отдать справедливость друзьям Кларка из Пентагона: они продолжали прилагать усилия к тому, чтобы создать вокруг личности генерала хоть какой-нибудь ореол «славы». Для этого был пущен в оборот один романтический эпизод, относящийся к октябрю 1942 года. По их версии, генерал высадился в единственном числе на побережье Африки еще до того, как последовала общеизвестная высадка западных союзников. Высадился он из подводной лодки и притом... совершенно голый. Армейские биографы не уточняют, зачем генералу потребовалось для этого подвига снять не только мундир, но и исподнее... Но одно совершенно ясно: никакого риска для жизни генерала это индивидуальное «геройство» отнюдь не представляло. Генерал Кларк просто прибыл для переговоров с представителями Виши. И он, кажется, преуспел в дружеских переговорах с теми, кто, продав Францию гитлеровцам, пытался для перестраховки заручиться американской поддержкой.

Таковы черты из биографии преемника Риджуэя, который достаточно прославил себя в Корее и поражениями на фронте и «победами» над мирным населением и безоружными пленными. Трумэн и Кларк не замедлили объявить совместно, что новый главнокомандующий будет неуклонно продолжать «линию» Риджуэя». «Линия» эта хорошо известна. Это — варварское уничтожение мирных городов и сел, это — бактериологическая война, это — расстрелы и пытки на Кочжедо.

«СТРАТЕГИЯ ПОКОРЕНИЯ»

Было бы ошибочно думать, что чудовищные зверства на Кочжедо, как и истребление корейских женщин и детей, — нечто случайное или дело рук отдельных садистов. Все это звенья хладнокровно разработанного плана, рассчитанного на то, чтобы зажечь пожар войны во всей Азии и на Тихом океане.

В официальных кругах Америки упорно пытаются скрыть существование такого плана. Между тем это давно уже стало секретом полишинеля.

В октябре государственный департамент США выпустил бюллетень. Там сказано, что страны Юго-Восточной Азии дают 80 процентов каучука и 50 процентов олова, производимых в капиталистических странах, и к тому же являются богатейшими в мире районами рисосеяния. Этим бюллетень «обосновывает» намерение правителей Соединенных Штатов потопить в крови национально-освободительное движение народов Вьетнама и других народов Юго-Восточной Азии.

Но наиболее отчетливо весь «азиатский план» в целом был обрисован в послании Трумэна конгрессу в начале этого года. Трумэн заявил без всяких обиняков, что США «могут и желают выиграть битву в Корее», но что для осуществления этой агрессивной цели нужны «более значительные усилия» британцев в Малайе и французов в Индокитае.

Вторя президенту, всем известный Джон Фостер Даллес провозгласил в январе в сенатской комиссии по иностранным делам, что ежели желательно добиться «изменений» в Китае и других местах Азии, то это «не может быть реализовано путем оборонительной тактики».

Вот для чего находились в Токио Макартур и Риджуэй, вот для чего послан туда сейчас генерал Марк Кларк.

ГЕНЕРАЛ-БАНКИРЫ

План «покорения» Азии — это плод открытого бракосочетания Уолл-стрита с Пентагоном. Американские генералы по уши сидят в бизнесе. Люди же бизнеса с исключительной легкостью получают генеральские эполеты.

Можно показать целую галерею «героев» второй мировой войны, ныне удобно сидящих в креслах директоров крупнейших финансовых и промышленных монополий. Генерал Бреон Самервилл — сейчас президент медной корпорации Меллона; генерал Л. Кампбэлл — ныне вице-президент «Интернэйшнэл Харверстэр» и директор стальной корпорации «Амэрикен Стил Фаундрис»; адмирал Стоун — директор «Интернэйшнэл Телефон энд Телеграф» (дом Моргана). Список можно при желании продлить до бесконечности.

С другой стороны, крупнейший банкир Вильям Дрэйпер, президент фирмы Диллон Рид (Морган — Рокфеллер), во время войны был назначен генералом; Вильям Кнудсен, один из боссов

корпорации «Дженерал Моторс» (Морган — Дюпон), тоже получил генеральский чин; Чарльз Зальцман, занимавшийся преимущественно спекуляциями на нью-йоркской фондовой бирже, стал бригадным генералом и т. д.

Вот эти-то банкир-генералы или генерал-банкиры хотят залить Азию кровью, чтобы потом делать из пота азиатских народов золото. Генерал Марк Кларк не исключение среди этих «сверхчеловеков», соединяющих в себе кровожадность гестаповцев с цинизмом биржевых спекулянтов.

Чьи поручения выполняет генерал Кларк за шесть тысяч миль от Соединенных Штатов? Известно, что за последние два года сотни миллионов долларов были вложены американскими монополиями в японскую промышленность. «Монсанто Кэмикл», «Ремингтон Ранд», «Гуд-ир Раббер», «Америкэн Вискоз», «Генри Кайзер Ауто Корпорэйшн», «Калифорния-Техас Ойл» — это их интересы соблюдает генерал Марк Кларк, сидя в своей резиденции в Токио. Это для них — а за их спиной стоят все те же морганы, рокфеллеры, дюпоны и меллоны — устраиваются кровавые «сортировки» на Кочжедо. Бандам Ли Сын Мана и Чан Кай-ши нужно пушечное мясо, ибо магнаты американской биржи мечтают о великой азиатской империи доллара...

ОНИ НЕ БУДУТ ГОСПОДАМИ АЗИИ

Взгляд американских империалистов на народы Азии не изменился за последнее полстолетие. Еще в 1899 году сенатор Альберт Беверидж задал тон, которого придерживаются и теперь потерявшие голову даллесы, макартуры и кларки. Беверидж сказал в сенате:

«Тихий океан — это океан коммерции будущего... Поэтому сила, господствующая на Тихом океане, есть сила, правящая миром».

И он добавил (речь шла тогда о народе Филиппин):

«Они не способны к самоуправлению. Откуда им уметь это? Это — азиаты, малайцы... Какая алхимия может изменить восточный состав их крови и сделать их способными к самостоятельности? Бог недаром в течение тысячелетия благоволил народам, говорящим по-английски... Бог предназначил нас быть господами дряхлых и диких народов...»

Так говорил в свое время американский предтеча гитлеровца Розенберга. Те же слова бормочут теперь потомки Бевериджа, для которых рассеивание бактерий чумы и убийство безоружных военнопленных — символ высшей «воинской доблести» XX века...

Люди Уолл-стрита и Пентагона так высоко занеслись в своих завоевательных планах в Азии, что не способны видеть, что творится на грешной земле. Они не видят, какой смертельной ненавистью ненавидят их народы Азии; как непреклонна решимость океана людей, населяющих азиатский континент и острова Тихого океана, рассчитаться со своими вековыми душителями — империалистами; какую гигантскую силу патриотизма, человеческого достоинства, какое презрение к мукам и смерти показывают патриоты Кореи, Китая, Вьетнама, Малайи даже тогда, когда, безоружные, они оказываются в руках американских палачей.

Дельцы Уолл-стрита и Пентагона задирают нос, видимо, считая уже Азию «своей». Не удивительно, что они все чаще получают по носу. В конце октября 1950 года, почти накануне того, как зарвавшаяся «армия ООН» была отброшена из Северной Кореи и покатилась к югу, газета «Лос-Анжелос таймс» напечатала следующие хвастливые строки, посвященные «успехам» оружия Макартура:

«Соединенные Штаты выиграли новую войну!.. Мы не только стали могущественнейшей военной державой: мы стоим во главе всего мирового дипломатического руководства и всего мирового материального благоденствия... Кто другой может господствовать над семью океанами и в небесах над ними? Воистину мы возвышаемся над земным шаром, как колосс. Кому же быть боссом, как не нам!»

Глиняные ноги «колосса» обнаружились перед всем миром, когда корейская народная армия и китайские добровольцы нанесли американской армии одно из самых сокрушительных поражений во всей военной истории США. Теперь «колосс» на глиняных ногах в бешеном неистовстве бьется о несокрушимую стену обороны корейских и китайских воинов.

Но желание быть боссом в Азии одолевает господ из Уолл-стрита и Пентагона. Им не терпится поставить на колени эту непокорную Корею...

Как безнадежно слепа эта кровожадная клика банкиров и генералов! Народы Азии проснулись, они поднялись для нового исторического бытия. Полумиллиардный китайский народ утвердил свою свободу и суверенитет, навсегда изгнав собственных тиранов и американских угнетателей. Огонь освободительной войны полыхает в Малайе, Вьетнаме, на Филиппинах. Растет грозный гнев японского народа. Растет возмущение кровавой авантюрой в Корее и в массах простых американцев.

А Корея, мужественная, героическая Корея, с непревзойденной силой показывает американским империалистам, что времена Бевериджа прошли безвозвратно.

«ЭКСПЕРИМЕНТЫ» ЛЮДОЕДОВ

Американские агрессоры уличены перед всем миром в том, что они используют корейских и китайских военнопленных для преступных бактериологических опытов. Еще до войны в Корее американская военщина занималась подобными же бесчеловечными «экспериментами» на эскимосах Канады.

Как пишет газета «Берлинер цейтунг», в средине 1949 года в канадской печати появились сообщения, что в одном из отдаленных районов Канады неожиданно вспыхнула эпидемия бубонной чумы. Газеты указывали, что как раз в это время около шестидесяти американских научных работников из Колумбийского университета и бактериологического отдела американского военного министерства проводили свой «отпуск» в этих местностях Канады, чрезвычайно мало подходящих для отдыха и туризма.

Экспедиция была доставлена на место на американских военных самолетах. Эти же самолеты снабжали затем с воздуха «отдыхающих» продовольствием и после окончания «отпуска» доставили их обратно в Вашингтон и Нью-Йорк. На период пребывания «туристов» в эти районы был строжайше воспрещен въезд лицам, не имевшим на то специального разрешения. После «экскурсии» от бубонной чумы погибли шесть племен эскимосов.

Как раз в это время военный обозреватель крупнейшей американской газеты «Нью-Йорк таймс» Болдуин опубликовал статью, в которой сообщал, что результаты новых исследований доказали возможность распространения чумы, тифа, холеры и других инфекционных заболеваний через зараженных насекомых, сбрасываемых с самолетов.

В том же 1949 году в США появилась книга «Мир или чума». Ее автором был небезызвестный Теодор Розбери, профессор Колумбийского университета, ставший затем руководителем бактериологического отдела военного министерства США. В этой людоедской книге Розбери заявлял: «Такая нация, как американская, сбросившая атомные бомбы и тем самым приобретшая опыт быстрого и непосредственного уничтожения людей, может и должна добиться успехов и в биологической войне».

Очевидно, что и это разбойничье заявление было выводом из злодейских «опытов», жертвами которых стали канадские эскимосы.

Памяти Н. В. Гоголя

В президиуме юбилейного заседания Американо-русского института культурных связей с СССР в Сан-Франциско. Слева направо: профессор Г. Робертс, А. Сэкстон, И. Милтон и Д. Имшинецкий.

В дни, когда миллионы людей в разных странах мира отмечали столетие со дня смерти Н. В. Гоголя, прогрессивные американцы Сан-Франциско собрались в здании Американо-русского института культурных связей с СССР, чтобы отдать дань уважения и благодарности гениальному русскому писателю.

— Произведения Гоголя, — сказал президент института профессор Голланд Робертс, — проникнуты теплотой к простым людям и презрением к хищникам, которые обирают их. Мы, борющиеся сегодня за то, чтобы обуздать диких зверей, разгуливающих на свободе по нашей стране, действуем и в традиции Гоголя. Мы куем дружбу и взаимопонимание с русским народом, эту гарантию мира во всем мире.

Председатель собрания учительница Изабел Милтон отметила международное значение творчества Н. В. Гоголя. «Высоко в горах Греции,— сказала она,— патриоты, сражавшиеся за свободу родины, читали отрывки из произведений великого русского классика. Во всем мире, где только свежий ветер прогресса веет над рядами школьных парт и над университетскими аудиториями, люди на разных языках прославляли гений Гоголя. Сегодня и мы присоединяем свой голос к этим миллионам людей, которые имеют одно желание — защищать жизнь, красоту и правду».

На вечере выступил американский писатель Александр Сэкстон. Аудитория живо реагировала, когда оратор, цитируя выдержки из текущей буржуазной американской прессы, показывал, как Гоголь дал в своих сатирических образах убийственные портреты современных американских реакционеров. «Сатира никогда не была оружием класса угнетателей,— сказал Александр Сэкстон.— Подлинная, высокая сатира всегда отражает думы и чаяния народа».

О воспитательном значении, которое имеют для всех народов бессмертные литературные типы, выведенные Н. В. Гоголем в его сочинениях, говорил студент литературного факультета Д. Имшинецкий. На собрании были оглашены данные о распространении сочинений Гоголя в США. Впервые сцены из драматических произведений Гоголя были разыграны в 1908 году студентами Иельского университета.

Для участников собрания была организована выставка переводов сочинений великого писателя на английский язык, плакатов и брошюр, изданных в СССР в связи со столетним юбилеем Н. В. Гоголя.

А. Д. Соколов. ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ. Дипломная работа. Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова.

«НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919 ГОД» — цветной художественный фильм. Постановка М. Чиаурели. Сценарий В. Вишневского, М. Чиаурели, А. Филимонова. Операторы — Л. Косматов и В. Николаев. Композитор — Д. Шостакович. Художник — В. Каплуновский. «Мосфильм». 1952 год.

Кабинет В. И. Ленина в Кремле. В роли В. И. Ленина народный артист СССР П. Молчанов.

Береговой участок фронта. В роли И. В. Сталина народный артист СССР М. Геловани.

Эпизод в госпитале. **Катя** (артистка М. Ковалева): «Говорят, есть решение об эвакуации Питера? Но это же невозможно!..»
Шибаев (народный артист РСФСР Б. Андреев): «Никто не разрешит эвакуацию. Ленин не позволит».

Смольный. Отряд революционных моряков выезжает на Красную Горку.

К. П. Брюллов (1799—1852). АВТОПОРТРЕТ. 1848 ГОД.

Государственная Третьяковская галерея.

НЕВЕСТА

Рассказ

Юлия ШЕСТАКОВА

Рисунки П. Караченцова

В то время, как Бамба и сын его Николай поднимались по лестнице на четвертый этаж, Анга Бельды, ничего не подозревая, готовила уроки. Она сидела за столом. Перед ней был раскрыт учебник английского языка. В комнате никого не было. Девушки только что ушли на концерт. Пользуясь тишиной, Анга читала вслух очередной «экзэрсайс». В дверь постучали.

— Войдите,— сказала она, слегка приподымаясь со стула.

Но никто не входил. Через минуту снова послышался тихий, вкрадчивый стук.

— Можно! — крикнула девушка уже громко и подумала: «Это, наверно, Тоня Мулинка стоит за дверью. И ведь нарочно не открывает, испытывает терпение». Анга нехотя направилась к двери. И что за привычка у Тони вечно кого-нибудь разыгрывать!

Но дверь отворилась, и Анга чуть не присела от неожиданности:

— Николай! Откуда ты? Здравствуй! Почему так тихо стучишь? Заходи в комнату.

— В комнату заходить не будем,— возразил Николай, протягивая девушке руку.— Если можно, ты сюда к нам иди.

— Куда?

— Там, на третьем этаже, остался мой отец. Он устал, пока поднимался по лестнице. Понимаешь?

— Нет, я ничего не понимаю,— смутилась девушка.— Подожди минутку.

Набросив на плечи теплую белую шаль, она пошла по коридору рядом с Николаем.

— Ты что, в командировку приехал? — спросила она, глядя под ноги, как будто боялась оступиться.

— Да как сказать,— он помолчал, посматривая сбоку на девушку.— Я приехал на шахматный турнир. Здесь сейчас все колхозные шахматисты собираются. Через сорок минут мне надо быть во Дворце культуры. Ну вот, понимаешь, отец вчера целый день скучал, ходил по городу. Сегодня стал просить, чтобы с тобой познакомил. Ты не обижайся. Он чудак, но хороший старик. Захотел посмотреть на тебя. Видишь, ожидает?..

Бамба сидел на последней ступеньке лестницы, и Анга едва разглядела его в клубах табачного дыма. Старик курил трубку.

— Батькафу!—поздоровалась девушка с ним по-нанайски.

Бамба сразу вскочил на ноги и встал перед ней, маленький, круглый, в своем коротком ватном пиджаке, подпоясанном зеленым ремнем от рюкзака. Лохматая шапка из рыжей лисы, слишком большая для его головы, сидела на Бамбе, как растрепанное ветром гнездо. В пушистом обрамлении меха сухое скуластое лицо Бамбы казалось еще меньше. Когда он улыбнулся, глаза его стали совсем узкими, седая и реденькая бородка затряслась...

— Высоко живешь,— сказал он, дотронувшись рукой до плеча девушки и разглядывая ее с головы до ног.— У меня голова закружилась. Ноги устали. Плохо так жить высоко.

Анга засмеялась:

— Нет, ничего. Я привыкла. Вы на чем приехали?

— На машине,— отозвался Николай, поймав на себе ее радостный взгляд.

От волнения он не знал, что делать: зачем-то снимал шапку и снова ее надевал, поправляя свой черный чуб, улыбался. Рядом с отцом он был такой высокий, большой. Чтобы стать с ним вровень, она поднялась на одну ступеньку выше и прислонилась к перилам лестницы.

— Холодно было ехать? — спросила она участливо.

— Нет, мы не замерзли,— сказал Николай и опять замолчал.

Он не находил места своим меховым перчаткам, расшитым цветными завитушками, мял их в руках и молчал. Перед тем как идти сюда, отец сказал ему: «Если девчонка не понравится, я уйду с тобой сразу же. Погляжу, как играют в шахматы. Буду твою удачу караулить, чтобы никто не обыграл тебя». По тому, как теперь безучастно сосал Бамба свою трубку и только изредка поглядывал на девушку, Николай не мог определить, пойдет он с ним или останется...

— Как живешь? — нарушил молчание Бамба.— Я слыхал, вас тут бесплатно учат, бесплатно кормят, одевают даром, обувают? Это правильно говорят?

— Конечно,— сказала девушка.

Она смотрела то на старика, то на парня, стоявших перед ней в каком-то оцепенении. Полгода прошло с тех пор, как она познакомилась с Николаем на пароходе. Приезд его ничуть не удивил девушку. Он ведь писал ей в письмах о том, что обязательно зайдет к ней, когда будет в городе. Вот и зашел. А старику зачем понадобилось ехать сюда? Тут Анга улыбнулась: разве она не знает, что интерес к городской жизни часто заставляет даже старых нанайцев предпринимать самые неожиданные путешествия? Проникаясь сочувствием к Бамбе, Анга спросила:

— Вы, может быть, есть хотите? У нас можно поужинать...

— Нет! — отказался старик.— Не хочу,— и глянул на девушку исподлобья.— Чем тебя кормят тут?

Анга стала перечислять названия блюд, большинство которых Бамба, как видно, слышал впервые, а потому переспрашивал: «Что такое?», «Как ты сказала?» — и делая вид, что понял, кивал утвердительно:

— Ага, так, так.

— Рыбу дают? — осведомился он, а когда узнал, что рыба занимает в меню студентов не очень почетное место, возмутился: — Нанайский человек должен рыбу каждый день кушать — утром, в обед, вечером. Каша с маслом, колбаса, булочки там всякие — это чепуха! Понимаешь? Я не знаю: почему смеетесь? — спросил он, заметив, как Николай и Анга переглянулись.— Разве так весело, когда рыбы нет? Теперь я вижу, ты совсем худая, живота не видно. Куда такое дело годится? — и покачал головой.

— Ну, ладно,— заговорил Николай, прерывая отца и спеша переменить разговор.— Я надеюсь, мы еще увидимся. А сейчас,— он посмотрел на свои часы,— мне нужно идти. Ну, отец, идем, что ли?

Старик нахохлился, с минуту молчал, потом шагнул к сыну и решительно заявил:

— Нет, я немножко останусь. Ты иди. Я потом приду,— и помахал ему лисьей шапкой.

Когда Николай скрылся в пролете лестницы, Анга предложила старику осмотреть здание.

— Пойдемте, я покажу вам, где учимся. А то приедете в Джален, о чем будете рассказывать?

Не надевая шапки, Бамба важно шагал по коридору вслед за девушкой. Весь третий этаж был занят аудиториями, расположенными по обеим сторонам коридора. Здесь занимались студенты отделения народов Севера, или, как их называли, «северники». В этот час кабинеты были пусты. Открывая двери, Анга включала свет, просила Бамбу входить, не стесняясь. Тот с минуту топтался на месте, затем делал несколько шагов вперед и, опустив руки по швам, останавливался перед какой-нибудь таблицей или географической картой. Разглядывая портреты знаменитых ученых, Бамба удивлялся: почему у них в Джалене таких портретов не видно? Анга объясняла ему все, что знала сама, и вела старика дальше. В пустом коридоре отчетливо раздавался стук ее каблучков и громкий голос Бамбы, выражавший то восторг, то удивление. Проходившие мимо них студенты понимающе кивали Анге, видимо, считая старика отцом девушки.

— А теперь вот сюда идемте.

Анга решила показать старику класс, где занимались студенты подготовительного отделения. Здесь стояли обыкновенные черные парты, знакомые Бамбе по джаленской школе, куда он наведывался не раз. Усаживаясь за первую парту, Бамба засмеялся:

— Давай учи меня: а, бэ, увэ... Так, что ли? — сказал он по-русски и расписался пальцем на крышке парты.

— Так, так,— девушка прыснула, кутаясь в шаль, но тут же овладела собой и заговорила мечтательно: — Вот здесь я два года назад сидела...

Прошло минут пять, пока она вспоминала, как впервые пришла в институт и как все здесь показалось ей вначале странным, а теперь вот таким хорошим. Бамба слушал ее рассеянно, все время кивал головой, при этом седая бородка его тряслась, а в глазах горели нетерпеливые искорки.

— Ты долго будешь жить в этом доме?

— О, еще три года! Потом поеду в Нанайский район. Куда,— не знаю. Буду учительницей где-нибудь в селе.

— Три года? — изумился Бамба, поднимаясь из-за парты.— Так нельзя, это дело плохо. Я думаю, хватит учиться. Поедем с нами.

— С вами? Почему с вами? Куда?

— В Джален. Мой сын-то будет жениться на тебе. Поняла? Бросай свои книжки, поедем.

Анга засмеялась. Она смеялась так звонко и долго, что на глазах у нее появились слезинки.

— Вы шутите? — наконец проговорила она.

— Нет, я правильно сказал. Мы ехали к тебе в такой холод зря, что ли? Я три лестницы прошел — ноги устали. В шахматы играть не пошел, с тобой остался. Николай тебе разве скажет! Он молчит, как рыба. Глядит на тебя, радуется, как будто ленка проглотить хочет. Думаешь, я не знаю, что ты письма ему писала? Зачем писала? Парень из-за тебя заболел совсем. Надо немножко головой думать. Приедешь к нам — будешь хозяйкой. Рыбы много, мясо есть, конфеты разные покупаем. На работу ходить не надо. Что, плохо? Или тебе сын мой не нравится? Может, у тебя другой жених есть?

— Нет у меня никакого жениха,— сказала серьезно девушка.— Я об этом пока не думаю. Мне надо учиться. И вообще такой разговор мне не нравится.

Она замолчала, потупившись. Молчал и старый Бамба. Он глядел на нее отчужденно, и хотя ему было обидно услышать отказ, Бамба решил не отступать:

— Хватит! Два года книжки читала. Теперь, однако, все знаешь. Я так думаю. Давай собирайся. Мой сын — самый лучший бригадир в колхозе, а жены у него нету. Понимаешь, как плохо без жены?

Анга, до сих пор сидевшая за партой, тоже поднялась и всем своим видом, внезапно утратившим беспечную живость, дала понять, что не может продолжать разговор на эту тему. Надевая шаль, она посмотрела на Бамбу с укором:

— Мне удивительно слушать ваши слова! Столько лет живем при советской власти, и вы до сих пор не узнали, что замуж выходят, когда любят друг друга. Я не пойду замуж, пока не окончу институт. И никогда не буду женой такого человека, который хочет проглотить меня, как ленка! Вот так и передайте своему сыну.

Она дошла до двери и вернулась:

— Пойдемте, я провожу вас вниз.

Бамба надел шапку, но не двигался с места.

— Даю тебе одну ночь подумать. Завтра в такое время опять придем. Согласна? — не унимался старик.

— Ничего не выйдет.

— Как не выйдет? Я, понимаешь, такую дорогу ехал. Мне кто командировку будет платить? Кругом деньги тратим. Где кушаем, где спим,— надо деньги давать. Ты хорошенько думай. Мой сын очень ловкий. Рыбу хорошо умеет ловить.

— Может быть, ловкий, но пусть сюда больше не заходит. Я не рыба, и меня он не поймает.

В тоне девушки слышалась обида. Она не могла ее заглушить, пока спускалась по лестнице, провожая Бамбу, и, когда пришла к себе в комнату, не находила места. Если бы не Тоня Мулинка, Анга, пожалуй, даже заплакала бы с досады. Но вошла Тоня, полненькая, небольшого роста девушка с такими смешными размашистыми косичками, в красной вязаной шапочке, румяная от мороза. Она быстро разделась и, усаживаясь рядом с Ангой, обняла подружку:

— Ой, как интересно было! Зря ты не пошла со мной.

— Теперь сама жалею,— призналась девушка и рассказала о том, как ее сватал старик.— Нет, ты подумай, какие темные люди! Им нужна хозяйка в доме, и вот они приехали за мной. Я думала, что Николай — умный парень... Пусть лучше сюда не заходит...

Но Николай появился снова. На другой же вечер, вместе с отцом, как и обещал Бамба. Теперь старик прошел все четыре лестницы, не жалуясь на усталость. Но дверь в комнату Анги была заперта. Постояв с минуту в коридоре, они спустились на третий этаж, потом на второй. Шли медленно, словно считали ступени. И тут до слуха их донеслись звуки оркестра.

Какой-то юноша, должно быть, заметивший их растерянность, подошел к Николаю и спросил, кого они ищут, а когда узнал, предложил пройти в зал, но прежде помог им раздеться у вешалки. И когда он открыл перед ними двери в зал, там уже было темно. На бархатный красный занавес струился свет нижней рампы, освещая фигуру пожилого человека, который объявлял очередной номер программы. Отец и сын Ходжеры прошли через весь зал. Кто-то указал им свободные места в четвертом ряду, и они сели.

Художественная самодеятельность студентов северного отделения началась с того, что сводный хор, едва уместившийся на сцене, исполнил песню о Сталине. Чистые и звонкие голоса, слитые воедино, светлым потоком хлынули в зал и вызвали долгие, шумные аплодисменты.

— Хлопай! — подтолкнул Николай отца, и тот изо всей силы ударил в ладоши.

Не прошло и пяти минут, как на сцене появился смуглый юноша в белой рубахе. Он стал что-то рассказывать на своем языке.

Бамба откинулся на спинку стула, мягко тронув сына за руку, спросил так громко, что в первых рядах оглянулись:

— Кто это? Чего говорит?

Николай, не знавший чукотского языка, только пожал плечами и попросил отца не шуметь. Чукчу сменила девушка с черными косичками, торчащими чуть пониже ушей. Она запела песню, мотив которой Бамба сразу узнал — точь-в-точь как поет у них дома пластинка, только слова оказались совсем непонятными. «Попробуй, разбери, о чем щебечет птичка?» — думал старик.

Девушка удалилась под взрыв рукоплесканий, уступая место музыкантам струнного оркестра. Пока звенели балалайки, мандолины и гитары, Бамба, скучая, поглядывал по сторонам, но в полумраке зала видел лишь тесные ряды слушателей, их замершие лица. Рядом с ним справа сидела женщина, скрестив на груди руки. Бамба повернул голову, украдкой разглядывая ее уже немолодое скуластое лицо, блеснувшую в ухе серьгу. «Неужели и старухи учатся?!» — подумал он, тяжело вздыхая.

Но вот Бамба услышал со сцены родную речь. Стройный черноголовый парень в сером костюме, с галстуком остановился у самого края сцены, взмахнул рукой и громко, на весь зал, заговорил по-нанайски. И о чем? О паспорте. Вот это действительно верно. У него есть паспорт, и этот паспорт лучше, чем у американцев и англичан, потому что он советский.

Чтецу аплодировали долго. Бамба, не знавший, что это были стихи Маяковского, переведенные нанайцем на язык своего народа, с радостью присоединился к общей овации.

— Здесь нельзя курить,— сказала Бамбе пожилая соседка, видя, что он чиркает спички.

— Нельзя, нельзя! — встрепенулся Николай и выдернул трубку у него изо рта.— Потерпи немножко.

Старик покорно вытянул на коленях руки. На минуту опущенный занавес раздвоился и пополз в обе стороны, полилась удивительная музыка, будто большие, поменьше, совсем маленькие молоточки застучали на разные лады. Услышав знакомое имя, только что прозвучавшее в тишине, Николай с трепетом ждал появления Анги. Волнение сына передалось отцу. Старик уже приготовился слушать какую-нибудь песню: кто ее знает, что она споет, эта девчонка из рода Бельды, которая отказывается от своего счастья.

И вдруг... Вот она, с голыми ногами, совсем без платья, в одних трусиках, выскочила на сцену и начала ходить на голове. То подпрыгнет, то перевернется, то ходит на руках. Даже лица не рассмотришь как следует. Бамба попробовал встать — его одернули сзади. Он опустился на стул.

— Это чорт знает, как так получается! Она совсем без костей, что ли?

В это время фигура девушки превратилась в сомкнутое кольцо, и это кольцо покатилось, покатилось по сцене. Зал аплодировал. Бамба сидел, не шевелясь. Он думал о том, что если рассудить как следует, то зря Николай тянется к этой девчонке. Что в ней хорошего? От такой жены в доме Ходжеров не прибавится порядка. Напрасно Николай всех невест от себя оттолкнул, за этой гонится. Вон как глаза на нее уставил. А она-то совсем без платья, стыдно поглядеть...

— Такая жена тебе понравится, что ли? — не выдержал Бамба и толкнул сына.

— Тише... — испуганно зашептал Николай. — Зачем говоришь так, отец?

— Она сказала вчера, что не пойдет за тебя замуж. Понял? Будет еще три года книжки читать.

— А ты ее спрашивал? — встревожился юноша.

— Немножко поговорили...

— Мне совсем не нравится такое дело! — возмутился Николай.— Ты меня зачем так подвел?

Он сказал это шепотом и снова стал смотреть на сцену. Бамба виновато понурил голову. Он ничего не мог понять. Как это так? Сын все время скучает об этой девчонке, ни на ком жениться не хочет. А она только письма ему посылает. Сколько месяцев можно так терпеть? Парень высохнет, потеряет силу. Потом кто пойдет за него замуж? Надо сейчас жениться. Вот Бамба и хотел помочь сыну по-

скорее невесту достать. Выходит, зря старался?

— Курить пойду,— сказал Бамба расстроившись.

Но тут запел нанайский хор, и старик раздумал уходить. Через несколько минут под потолком вспыхнула большая люстра, и стало совсем светло, зал оживился, люди задвигали стульями, потянулись к выходу. Увлекаемый потоком, Бамба зашагал к двери и как-то сразу потерял из виду сына. Куда девался Николай? Старик оглядывался по сторонам, но не видел.

А Николай тем временем направлялся в другую сторону. У самой сцены, около барьера, он заметил Ангу. Одетая в строгое темное платье, девушка шла в окружении подруг, кого-то разыскивая. Взгляд ее скользил по первым рядам. Николай шагнул к ней навстречу.

— Ты очень хорошо выступала,— сказал он, ощутив тепло ее легкой ладони.

— Да? — зачем-то спросила она.— А ты... а ты опять пришел? Я же просила больше не приходить...

Чтобы не встретиться с ним глазами, она смотрела на его темносиний пиджак: справа на груди отчетливо выделялся орден Красной Звезды, а слева — маленький круглый значок шахматиста.

— Я ищу свою маму. Ко мне приехала мама. Она здесь,— объясняла девушка так, будто искала защиты у матери; лицо ее выражало нетерпение.

— Послушай, мне надо сказать несколько слов.

— Ничего не надо говорить,— нахмурилась Анга и тут же просияла.— Вижу маму, вон где стоит!

Николай хотел попросить ее подождать немножко и не успел — так быстро она ускользнула. Он стоял растерянный и удивленный. Между тем в зале начинались приготовления к танцам. Студенты сдвигали стулья, складывали их горкой, освобождая середину зала. Николай видел, как Анга подошла к матери, взяла ее под руку и отвела к окну, усадив на свободный стул. Лицо этой женщины показалось Николаю знакомым. Где он видел ее? Молодой рыбак вдруг зашагал через весь зал прямо к ним: «Так ведь это же Аксинья Бельды!»

— Вот где встречаемся,— сказал он, протягивая женщине руку.

— Сидели рядом, друг друга не видели. Где глаза были, не знаю,— засмеялась Аксинья, говоря по-нанайски.

— Глаза туда смотрели,— Николай кивнул в сторону сцены и покосился на Ангу.— Вы что, к дочке в гости приехали?

Нанайка утвердительно качнула головой.

— Откуда знаете друг друга? — заговорила Анга недовольным голосом, но в душе обрадовалась, видя, что Николай усаживается рядом с ними.

— Рыбак рыбака видит издалека, говорится по-русски,— подмигнул Николай.— Верно?

Присутствие старой женщины подействовало на него ободряюще, хотя знакомство их состоялось при таких обстоятельствах, о которых лучше бы и не вспоминать. Но как тут не вспомнишь! Все равно Анге надо рассказывать. Прошлой весной Николай Ходжер со своей бригадой забрался на озеро Телемсу и целую неделю ловил рыбу в водоеме соседнего колхоза. Все было хорошо. Но тэргенские рыбаки узнали об этом и возмутились. Как это так: в нашем озере джаленские колхозники рыбу ловят? Вот тут-то и увидел Николай председателя колхоза «Красный маяк» Аксинью Бельды. Она сама пришла на Телемсу. Остановила катер как раз возле кунгаса. Встала, подбоченившись, перед Николаем:

— Почему так делаете нехорошо, закон нарушаете?

— Мы государственный план выполняем.

— А мы, по-твоему, что делаем?

— Не знаю. Целый год сюда не заглядывали, а теперь обидно стало, да?

— Сколько рыбы поймали? Покажите.

И пошло, и пошло. И дошло дело до райисполкома. А там рассудили так: озеро Телемсу действительно принадлежит колхозу «Красный маяк». Но бригада Николая Ходжера никакого преступления не совершила, потому что хозяева этого озера совсем его не облавливают, забыли, что ли? Почему такое богатство должно под запретом быть? Государственный-то план — дело общее. Рыбу надо ловить везде, искать ее днем и ночью. Вот так Николай и делал. Немножко поссорились.

Все это сейчас в устах молодого рыбака приобретало какую-то новую окраску. Слушая его, Аксинья лукаво щурилась и думала о том, что если Анга понравилась такому парню, то он от нее не отступится.

— Вижу рыбака. Смелый. Сперва у меня рыбу из-под самого носа взял, теперь дочку хочешь забрать. Знаю, знаю,— сказала Аксинья и шутя погрозила пальцем.

Николай придвинулся вместе со стулом поближе к Аксинье.

— Рыбу в другой раз тоже возьмем, если сами будете плохо ловить. А насчет нее,— Николай посмотрел на Ангу,— это еще неизвестно. Жениться пока не думал. Есть дела поважнее.

Анга вскинула на него полный удивления взгляд и покраснела.

— Старики иногда здорово подводят,— продолжал Николай.— По-моему, каждый парень сам себе невесту найдет. Правильно?

— Теперь время такое,— согласилась Аксинья.— Родители могут советовать, не советовать. Сердце само выбирает.

«Вот это интересно! — думала Анга.— Значит, отец по своей воле вчера ее уговаривал!» Она с благодарностью посмотрела на Николая. Стена отчуждения, которая возникла за одни сутки между нею и Николаем, сразу рухнула, и стало легко на душе. А почему легко? Нет, в самом деле, почему? Николай приехал позавчера и к ней не явился. Вчера пришел и оставил ее со своим отцом. Сегодня он здесь.

Но Анга-то как обошлась с ним?.. Она даже не захотела его выслушать! Нет, нехорошо получается. Вот сейчас он стоит перед ней такой гордый и независимый. Кажется, хочет уйти совсем.

— Ты не будешь с нами сидеть? Тебе скучно, наверно? — в голосе девушки послышались невеселые нотки.

— Я ищу своего папу...— заговорил он, передразнивая Ангу.— Где-то здесь мой папа...

Анга засмеялась. В это время грянула музыка. Разделившись на пары, юноши и девушки стали танцевать. Николай рванулся к выходу. В дверях он увидел отца. Ну, конечно, так и есть: Бамба прохаживался по коридору уже одетый. Никогда еще он не казался таким смешным, как сейчас. Маленький, приземистый, словно гриб под своей рыжей шапкой, он стоял рядом с сыном и, ни на кого не глядя, пускал клубы едкого табачного дыма.

— Ну, как? Ты пойдешь со мной? — сердито спросил он сына.

— Я останусь. И ты не ходи. Зачем оделся так рано? — Николай расстегнул ему верхнюю пуговицу куртки.— Сними шапку, сними куртку,— приговаривал он.— Положим все это на стул. Вот так. Пойдем. Сейчас увидишь свою землячку.

— Кого? Кого? — Бамба пригладил рукой взъерошенные волосы и заковылял вслед за сыном.

Николай объяснил отцу, кто такая Аксинья Бельды, а потом усадил его рядом с ней. Старик внимательно поглядел на женщину.

— Я думал, ты тоже здесь учишься...— пошутил он.

— Нет, я дома учусь понемножку,— улыбнулась Аксинья.

Бамба часто-часто заморгал глазами, как будто хотел что-то вспомнить и не мог.

— Как это твоя девчонка прыгает так ловко? Я глядел, думал, наверно, костей нету. Ай, яй, яй!.. Вот беда! Совсем плохое дело получается. Если так все время прыгать, скакать,— детишек-то не будет. Верно? Вот беда! Она моему сыну письма писала. Ты знаешь это?

— Люди молодые. Могут друг другу письма писать. Разве нельзя? Сын у тебя хороший. Настоящий рыбак! Николай! — крикнула Аксинья стоявшему поодаль парню.— Ты почему не танцуешь, Николай?

Тот неопределенно пожал плечами. Не говоря ни слова, он смотрел на танцующих. Юноши в скромных костюмах, то чернявые, то светлорусые, торопились в танце обогнать друг друга. Мелькали пестрые платья девушек. Вихрем проносилась Анга по залу с каким-то парнем, смуглой рукой обхватившим ее за талию. У Николая перехватило дыхание. Вот так, пожалуй, Анга оставит его в дураках... Окончит она институт, и подхватит ее какой-нибудь парень, вроде этого. Симпатичный парень, а танцует неважно. Кто такой? Почему пошла танцевать с ним? О, уже наступил ей на ногу. Николай хотел подойти к нему и сказать: «Хватит, довольно, отпусти ее»,— но удержался. Он стоял, прислонившись к подоконнику, и Анга его заметила. Лицо девушки, до сих пор не выражавшее радости, просияло. В ту же минуту она потянула своего партнера из круга танцующих, и тут же к ней подскочил другой парень. Но девушка замахала руками, отказываясь... Она пошла через весь зал к Николаю и молча позвала его на круг.

— Не могу,— сказал он, кивая на ноги,— в унтах неудобно.

Но Анга сама взяла его за руку, и, плавно вступая в ритм старинного вальса, они понеслись по паркету, закружились так слаженно, ловко, как будто всегда только вдвоем и танцевали.

— Хорошо с тобой! Но ты почему так крепко держишь меня? — шептала Анга, смущаясь, когда они перешли на легкий и медленный шаг.

— Хочу проверить. Отец говорит, что ты без костей.

— Ну, вот еще...

— Верно, верно. Я же тебя предупредил вчера, что отец мой — большой чудак.

— Он тоже здесь?

— Конечно. Разве не видела? Сидит вместе с матерью твоей. Старик хочет, чтобы я женился поскорее. А ведь я уезжаю. Ты знаешь, меня посылают в рыбный техникум учиться.

— Да? — спросила она и почему-то перестала улыбаться. Живые и шустрые, как мальки, глаза ее заблестели.— Это очень хорошо, Николай. Это просто замечательно! А когда?

— Потом расскажу...

Они опять закружились, понеслись по паркету.

А Бамба с Аксиньей смотрели на них издалека, и кто знает, о чем они думали!

Стальная стружка

Быль

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунки О. Верейского

Посвящается знатному токарю П. Б. Быкову

В столицу Венгрии от нас,
Как знатный гость к друзьям,
Приехал токарь как-то раз
К таким же токарям.

Посланца сталинской земли
Венгерский ждал народ.
Наутро гостя повели
Смотреть большой завод.

В цехах завода москвича
Встречали мастера,
«Привет, Москва!» ему крича
И «Сталину — ура!»

И в тот же самый день и час
На этот же завод
Пришел с экскурсией как раз
Совсем другой народ.

То был датчанин-финансист,
Румяный господин,
А с ним английский журналист—
Знаток венгерских вин.

Они вошли в тот самый миг,
Важны, как индюки,
Когда советский скоростник
Осматривал станки.

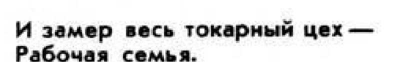
Туристы слышали о нем
И знали из газет,
Что обогнал в труде своем
Он всех на много лет.
И к русскому проявлен был
Особый интерес.

Датчанин громко заявил:
«О-о-о! Это есть прогресс!»

«Наш просит, мистер показал
Работа рекордист, —
По-русски кое-как сказал
Английский журналист.—
То невозможно есть понять,
Что есть — догнать и
перегнать?»

Сказал и посмотрел на всех,
Усмешки не тая.

И замер весь токарный цех —
Рабочая семья.

Подумал токарь: «Честный друг
Не усмехнется так!»
И токарь посмотрел вокруг,
И расступился тесный круг,
И токарь снял пиджак.

Он отступать уже не мог,
Как воин, как боец,
И встал он за чужой станок
И взял чужой резец.

Он понимал, что здесь сейчас
Он принимает бой
За весь родной рабочий класс,
За честь страны родной.
И тот, кто рядом с ним стоял,
Тот это тоже понимал.

Он должен был в минутный
срок,
Сам гость среди гостей,
Дать англичанину урок...
А вдруг не выдержит станок
Высоких скоростей?!

Для пробы он рычаг нажал,
Знакомясь со станком.
И врезался резец в металл,
Который тут же побежал
Спиральным ручейком.

«Олл райт!» — сквозь зубы
процедил,
Пожав сухим плечом,
Турист, что пристально следил
За знатным москвичом.

«Нет, не олл райт, не вэри
гуд! —
Москвич в ответ сказал.—
Не посчитайте, сэр, за труд
И потерпите пять минут —
К станку я только встал!»

И на гостей из дальних стран,
Стоящих в стороне,
Тут брызнул огненный фонтан
В тревожной тишине.

«Что ж, для начала подойдет! —
Подумал скоростник.—
Но так токарит в первый год
Любой мой ученик!»

«Олл райт! Олл райт!» — сказал
турист
И сделал шаг назад.
«Что? — улыбнулся коммунист.—
Смекаешь, дипломат?
Теперь ты лучше будешь знать,
«Что есть — догнать и
перегнать?»!

И токарь на рычаг налег,
И выдержал напор
Венгерский молодой станок,

Не знавший до сих пор
Всем существом своих частей
Режима наших скоростей.

Турист еще на шаг назад,
Друзья — на шаг вперед:
Рабочей гвардии солдат
Им опыт свой, как старший
брат,
При всех передает.

Он рядом чувствует друзей
Народа своего,
Всем сердцем и душою всей
Стоящих за него.

Стальная стружка вниз, и вверх,
И вбок летит, звеня,
Как разноцветный фейерверк
В честь праздничного дня.

Вокруг кричат: «Москва!
Москва!»
И токарь не сдает,
Он, засучивши рукава,
Свои рекорды бьет.

Когда бы стружку растянуть,
Что шла из-под резца,
Пять километров будет путь
С начала до конца.

И вот он выключает ток,
Последний взяв рекорд.
И тем, что выдержал станок,
Народ венгерский горд.

В цеху триумф и праздник был
Такой, как никогда!
Ну, а туристов след простыл —
Исчезли господа...

...Все шло в это утро по заведенному порядку. Гладиаторы сидели на своих местах — на полу, скрестив ноги. Кухонные рабы — это были в большинстве женщины — разносили еду. Четверо надсмотрщиков расхаживали взад и вперед посреди столовой. Снаружи дверь охраняли двое легионеров. Остальные солдаты, как уже сказано, завтракали под деревьями шагах в ста от столовой.

Спартак видел все это и отмечал про себя. Ел он мало. Во рту у него было сухо, и сердце стучало, как молоток. Будущее было открыто для него не больше, чем для любого из окружавших его гладиаторов. Но он знал, что многие уже говорят себе: «Я должен это сделать — иначе нет смысла жить». А когда все приходят к такому решению, тогда содрогается земля!

Удар следовало нанести раньше, чем опустятся сумерки и наступит ночь; но Спартак не знал этого. Он видел ясно только первый шаг, и об этом надо было дать знать гладиаторам.

Он заговорил шепотом с Криксом и в эту минуту увидел Варинию. Она стояла в раскрытых дверях кухни и, не отрываясь, глядела на мужа. Многие гладиаторы тоже смотрели на Спартака, и в глазах у них был немой вопрос. Иудей Давид словно хотел прочесть что-то у него на губах. Ганник склонил ухо, а африканец Пракс придвинулся поближе, чтобы лучше слышать.

— Я сейчас встану и буду говорить, — вполголоса произнес Спартак. — Я хочу открыть вам мое сердце. Но если я заговорю, уже не будет возврата назад, а надсмотрщики постараются закрыть мне рот...

— Они не смогут это сделать,— проворчал Крикс, огромный рыжеволосый галл.

Движение, как ветер, волной прошло по сидящим людям. Двое надсмотрщиков повернули головы к тому месту, где сидел Спартак, тесно окруженный гладиаторами. Они защелкали бичами и наполовину вытащили мечи из ножен.

— Говори! — крикнул Ганник.

— Мы не собаки, чтобы щелкать на нас бичом,— отозвался африканец.

СПАРТАК

Главы из романа

Говард ФАСТ

Рисунки В. Высоцкого

Спартак вскочил на ноги, и десятки гладиаторов встали вместе с ним. Надсмотрщики бросились вперед с обнаженными мечами, но гладиаторы облепили их, как саранча. Все четверо были убиты в одно мгновение. Женщины на кухне прикончили повара. Все произошло почти без шума, только зал глухо гудел от движения сгрудившихся гладиаторов. И тогда Спартак отдал свою первую команду. Тихо, мягко, неторопливо он сказал Криксу, Ганнику, Давиду и Праксу:

— Пойдите к двери и держите ее крепче, чтобы я мог говорить.

Один миг они колебались. Потом эти четверо повиновались ему, как и впоследствии выполняли в точности все, что приказывал он им, став их вождем. Они уже любили его. Крикс знал, что они идут на смерть, но это не тревожило его. А иудей Давид, который давно привык быть безучастным ко всему, вдруг ощутил в себе волну теплоты и близости к этому фракийцу со сломанным носом и застенчивым выражением глаз.

— Придвиньтесь еще ближе ко мне, — сказал Спартак.

Все произошло так быстро, что ни звука не донеслось до стоявших снаружи солдат. Вокруг Спартака теснились гладиаторы. Сзади стояли рабы из кухни — тридцать женщин и двое мужчин. В глазах Варинии, устремленных на мужа, были страх, и надежда, и жалость, она старалась пробраться к нему. Перед ней расступились, она подошла к Спартаку вплотную, и он положил руку ей на плечо.

Он думал: «Вот я и свободен. Ни мгновения свободы не было для моего отца и деда. А я стою здесь, и я свободен». Он словно опьянел, неизведанное чувство возбуждало его, как вино. Но рядом с этим новым чувством еще жил страх. Не такое это легкое дело — стать свободным рабу, сыну и внуку раба! Спартак понимал, что принятое решение бесповоротно, и он знал, что на каждом шагу их стережет смерть. Он строго проверял себя и видел: эти люди, ремеслом которых было убивать и которые только что убили своих надсмотрщиков, охвачены теперь тем скорбным сомнением, которое неизбежно возникает у раба, поднявшего руку на господина. Их глаза были неотрывно прикованы к нему.

— Пойдете вы со мной, люди? — спросил он, когда все собрались возле него. И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Я больше никогда не буду гладиатором. Лучше наложу на себя руки...

У некоторых на глазах блеснули слезы, они все ближе тянулись к нему. Некоторые были испуганы, но сердца каждого уже коснулся этот первый, слабый луч надежды, и Спартак сам удивился, как легко это удалось ему сделать.

— Теперь мы все должны быть друзьями,— сказал он. — Всегда вместе, как один человек! У себя на родине я слышал такое предание: в старые времена, когда народ подымался на войну, все шли по своей доброй воле, не так, как идут римские солдаты, а по велению своего сердца.

— Что мы будем делать? — крикнул кто-то.

— Мы будем сражаться. И мы будем хорошо сражаться, ибо мы лучшие воины во всем мире.

Его голос вдруг зазвучал металлом, и эта перемена в его мягкой, спокойной манере говорить потрясла и захватила всех. Его голос стал яростен и громок, и, должно быть, солдаты там, снаружи, услышали, как он воскликнул:

— Мы покажем им такие игры, что во все времена Рим будет помнить гладиаторов Капуи!

Так наступил час, когда люди должны делать то, что им надлежит. Вариния поняла это, она была горда и счастлива, как никогда ранее, потому что он был ее муж и такого не было во всем свете.

— Прежде всего солдаты,— сказал Спартак.

— Нас пятеро против одного, но они, может быть, убегут,— сказал кто-то.

— Они не убегут,— ответил сурово Спартак. — Знайте, что эти солдаты не обратятся в бегство. Или они убьют нас, или мы убьем их. А если мы уничтожим их, другие придут на их место. Солдатам Рима нет числа.— Они смотрели на него молча. Тогда он добавил: — Но нет числа и рабам.

Все кинулись искать оружие. В одно мгновение были разобраны ножи и мечи убитых надсмотрщиков. В кухне хватали все, что может заменить оружие в бою,— ножи, топоры, вертела, песты для толчения зерна. Вооружались поленьями, кто-то размахивал большой говяжьей костью, крышки котлов шли взамен щитов. Таким было их оружие. Они поставили женщин в задних рядах, распахнули огромную дверь столовой и, как поток, вырвались наружу.

Гладиаторы действовали с лихорадочной быстротой, но не настолько быстро, чтобы застать врасплох солдат. Двое часовых, стоявших у двери, предупредили остальных, и легионеры успели надеть доспехи и построиться в боевой порядок, по десяткам. Они стояли в привычном строю по ту сторону ручья, сорок солдат и два начальника, и с ними вместе двенадцать тренеров, вооруженных, как и солдаты, мечами, щитами и копьями. Пятьдесят два солдата против двухсот полуголых, почти безоружных гладиаторов! Число было неравным, но сила была на стороне солдат. Это были римские солдаты, против которых не смог устоять никто на земле.

С копьями наперевес солдаты двинулись вперед, десяток за десятком. Приказы командиров звучали в свежем утреннем холодке громко и отчетливо. Колонна двигалась, ощетинившись копьями, как железная метла, го-

Продолжение. См. «Огонек» № 25.

товая смести все со своего пути. Ноги солдат разбрызгивали воду ручья. Дикие цветы расступались в страхе, когда десятки подымались на берег. Сбежались дворовые рабы Батиата, они собирались в кучки, глазея на то неслыханное, что происходило здесь. Устрашающе колебалась щетина склоненных копий, наконечники сверкали на солнце, и вся эта сила оружия Рима — какой бы ничтожной ее частью ни были полсотни солдат — должна была, как всегда, раздавить, разметать, обратить в бегство, затоптать в грязь толпу рабов.

Римской силе надо было дать отпор, и Спартак начал командовать. Трудно определить, что такое человек, командующий другими людьми. Есть много людей, умеющих отдавать приказы, но приказывать так, чтобы другие слушались, — большое искусство. И это искусство оказалось по плечу Спартаку.

Он велел стоявшим толпой гладиаторам рассыпаться, и они это выполнили. Он приказал окружить римских солдат широким кольцом, и мгновенно было образовано это кольцо. Четыре наступающих римских отряда замедлили шаг. Нерешительность охватила солдат, они замялись, топчась на месте. Могли ли даже лучшие солдаты на земле соперничать в скорости перебежек с гладиаторами, для которых быстрота была жизнь и жизнь была быстрота! На гладиаторах были только льняные хитоны, а каждый римский пехотинец был нагружен мечом, копьем, щитом, шлемом, латами. Кольцо гладиаторов было шагов сто пятьдесят в поперечнике. Солдаты поворачивались то в ту, то в другую сторону, наклоняли угрожающе копья, но страшное оружие было бесполезно сейчас: его можно было метнуть только на тридцать — сорок шагов.

В эту минуту Спартак каким-то внутренним оком увидел нужную боевую тактику, ту, которой он руководствовался потом, в последующие годы. С какой-то сверкающей ясностью промелькнуло перед ним видение воинственных полчищ варваров, слепо налетающих на железного римского ежа, чтобы отступить в беспорядке перед грозной тяжестью разящего копья и потом быть изрубленными в куски обоюдоострым римским мечом. Но чего стоила тяжелая, железная сила Рима здесь, перед лицом непривычной и неуловимой массы кричащих, проклинающих, отчаянных голых гладиаторов?!

— Камни! — закричал Спартак. — Камни будут воевать за нас! — Он бежал по кругу, легкий в беге, стремительный. — Беритесь за камни!

И вот римские солдаты согнулись под шквалом каменного дождя. Весь воздух заполнился летящими каменными обломками. В кольцо вступили женщины, домашние рабы, с полей бежали рабы-пахари. Солдаты прятались под широкими щитами: это позволяло отдельным гладиаторам врываться в их строй, наносить смертельный удар и убегать обратно. Один из десятков попытался прорвать кольцо. Солдаты бросились вперед, метнули копья, но только одного гладиатора сразило страшное оружие. Теперь гладиаторы ринулись на солдат, опрокинули их, топтали, душили голыми руками.

Два десятка стали в круг. Скоро только небольшая кучка осталась на ногах под непрерывным градом камней. Солдаты продолжали биться и были все истреблены после того, как гладиаторы налетели на них, как стая волков.

Четвертый десяток пытался отступить за ручей, но был смят и уничтожен. Были убиты и тренеры; двоих из них, на коленях умолявших о пощаде, забили камнями женщины.

Ожесточенное маленькое сражение, начавшееся почти у самой столовой, продолжалось в поле, прилегающем к школе, и на дороге, ведущей в Капую, — там был настигнут и прикончен последний солдат. Всюду валялись трупы — сорок два римлянина, двенадцать тренеров, но еще больше лежало вокруг убитых и раненых гладиаторов.

Это было только началом. Упоенные первой победой, гладиаторы кричали, пели. Стоя на дороге, Спартак видел вдали стены Капуи, он видел весь город, пестрый, сверкающий в лучах полуденного солнца. И он слышал: барабаны уже бьют в городе тревогу. Нет, не время еще отдыхать: слух уже несется, как по ветру, а в Капуе большой гарнизон... Спартак оглянулся. Он увидал смеющегося рыжеволосого галла Крикса, ликующего Ганника, иудея Давида с окровавленным ножом в руке и жизнью в глазах. Он отыскал глазами рослых африканцев, как всегда, сдержанных, тихо напевающих свои боевые песни.

Спартак только теперь увидел Варинию, которая во время боя не отходила от него ни на шаг. Он обнял ее. Вокруг них гладиаторы целовали жен, подымали их на руки, смеялись и шутили. Домашние рабы тащили меха с винами Батиата. Раненые, казалось, забыли о боли и подавляли стоны. Вариния, германская девушка, смотрела в лицо Спартака; смеясь и плача, она ощупывала его лицо, плечи, руку, державшую меч.

Мехи с вином уже были вскрыты, когда Спартак подошел, чтобы вернуть людей к действительности. Войска уже выходили из ворот Капуи, и Спартак сказал об этом гладиаторам. Он приказал Ганнику раздать гладиаторам оружие убитых солдат и послал Нордо, африканца, взглянуть, нельзя ли взломать склад, где хранились мечи и ножи для гладиаторских схваток. Его мягкость пропала теперь: упорное желание вывести этих людей из западни горело в нем, как пламя, и это делало его другим. Всю свою жизнь он прожил для этого дня. Ему казалось даже, что он ждал его долгие века — с тех времен, когда бич хозяина погнал первого раба рубить дрова и таскать воду.

Вначале он просил их, теперь он им приказывал. Он отбирал людей и строил их в четыре десятка. Кто может биться римским оружием? Кто владеет копьем?

— Женщин отошлите внутрь здания, — сказал он. — Им нельзя быть впереди. Им не надо сражаться.

Гнев женщин поразил его. Это было страшнее ярости мужчин. Женщины желали сражаться, они кричали и плакали, они хотели биться с римлянами. Они требовали римского оружия и, когда он твердо отклонил это, кинулись собирать камни в подолы туник.

Вокруг лежали просторные холмистые поля и плантации. Рабы с полей, привлеченные тем непривычным, странным и диким, что происходило, сходились со всех сторон, карабкались на каменную ограду, смотрели в щели на толпу восставших — и они прозревали: собственное будущее представало перед ними во всей его заманчивой простоте. Спартак позвал Давида, сказал ему что-то, и иудей побежал к рабам ближних плантаций. Спартак не ошибся: три четверти этих рабов пришли с Давидом. Они бежали, запыхавшись, кланялись гладиаторам и целовали им руки. Они несли на плечах свои мотыги — на худой конец и мотыги могли служить оружием. Вернулись африканцы: им не удалось проникнуть в склад, для этого требовалось не менее получаса. Но они взломали только что полученный ящик с трезубцами. Трезубцев было тридцать, и Спартак роздал их неграм. Африканцы прижимали оружие к губам, гладили его, молились на своих странно звучащих языках.

Все это заняло не слишком много времени. Но необходимость спешить все тяжелее нависала над Спартаком. Надо было уходить отсюда, подальше от ненавистной школы Батиата, подальше от Капуи.

— Бегите за мной! — закричал он. — За мной!

Вариния бежала рядом с ним. Рабы-гладиа-

торы и просто рабы двинулись прочь от проезжей дороги, бегом пересекли поле и, ускоряя бег, стали подниматься по пологому склону холма.

— Никогда не оставляй меня позади, никогда не оставляй! — просила Вариния. — Я умею сражаться, как мужчина.

С холма уже были видны солдаты, двигавшиеся по дороге из Капуи. Их было более двухсот. Они перестроились, заметив, что гладиаторы уходят на холмы. Потом начальник двинул их в обход: они должны были отрезать восставшим путь. На стенах Капуи собирались горожане: им хотелось увидеть бунт рабов и насладиться бесплатно гладиаторскими играми на этой широкой, залитой солнцем арене.

Все могло кончиться в течение какого-нибудь часа или могло длиться годы. Надо было найти исход немедленно. Спартак знал, что рабы не раз искали спасения в бегстве. Убегая от господ, они прятались в диких пустынях, в лесу; они жили, как звери, питаясь тем, что находили на земле или ухитрялись красть. За ними охотились, как за зверями, вылавливали по одному и по одному распинали на крестах. Не было милости к рабу — на этом стоял мир. Спартак взглянул на солдат гарнизона, бегущих наперерез гладиаторам, и понял простую истину. Вокруг не было никакого укрытия: ни леса, ни пещеры. Чтобы спастись, надо было изменить то, на чем стоял мир.

Он замедлил бег, остановился сам, остановил гладиаторов и сказал:

— Мы примем сражение с солдатами.

...Много позже Спартак спрашивал себя: «Кто напишет о наших сражениях, о тех, которые мы выиграли, и о тех, где мы терпели поражения? Кто расскажет правду?»

Правда рабов была противоположна правде того времени, в которое они жили. Поэтому правда о войне рабов была невозможна не потому, что не было самих событий, а потому, что эти события не могли быть объяснены в привычных понятиях той эпохи.

Солдат из Капуи было больше, чем восставших, и солдаты были вооружены до зубов. Но солдаты не ожидали, что рабы будут сражаться, а рабы знали, что солдаты будут нападать и убивать. С высоты холма рабы устремились лавиной на солдат, которые растянулись в длинную цепь и бежали кучками или в одиночку, как охотник, который гонится за убегающей дичью. И солдаты не выдержали натиска, они метали беспорядочно копья, пригибались к земле и отступали под градом камней, которыми забрасывали их женщины.

Правда была та, что войско гарнизона Капуи было разбито рабами и обращено ими в бегство. Рабы преследовали солдат почти до самого города и уничтожали без пощады. В первой битве возле школы рабы понесли очень тяжелые потери, во втором сражении погибли только немногие. И римские солдаты бежали от них в страхе...

...В пяти милях к югу от Капуи, немного в стороне от Аппиевой дороги, гладиаторы, их жены, рабы, ушедшие с ними, остановились на склоне холма невдалеке от большого поместья какого-то римского патриция. Был послеполуденный час, жара начинала спадать. После двух схваток с солдатами и усиленного марша на юг толпа гладиаторов незаметно превратилась в маленькую армию. Издали, не будь среди них чернокожих, их можно было принять за отряд римских солдат. Всем было роздано оружие, на всех были шлемы и тяжелые латы, в руках копья и щиты. Не было ни одного безоружного, и им уже казалось, что никакая сила, кроме гарнизона Рима, не осмелится померяться с ними. Вместе с дворовыми и сельскими рабами их было теперь двести пятьдесят человек, не считая женщин. Галлы, африканцы, фракийцы шли отдельными колоннами, и у каждой был свой вожак. Гладиаторам часто приходилось видеть римских солдат, и как-то само собой вышло так, что они разбились по десяткам.

Спартак вел их. Это не вызывало споров. Они готовы были умереть за него. В их памяти еще жили предания о людях, близких к богам. Когда они смотрели на Спартака, вера была в их глазах.

Он шел впереди, германская девушка Вариния шла рядом, держась за его пояс. То и дело она подымала на него глаза: нет, он не другой, он тот же. Уже давно она жена этого человека, лучшего и храбрейшего среди людей, и разве не знала она этого тогда, как знает теперь? Их глаза встречались, и она улыбалась ему. Она сражалась с легионерами. Доволен он этим или нет? Он видит нож в ее руке и не говорит ни слова. Значит, они равны. Мир был полон мифов об амазонках, которые в древние времена шли в битву наравне с мужчинами. И есть еще другие сказания, они живут в народе теперь, в дни Спартака: некогда мужчина и женщина были равны, и не было хозяев и рабов, и все принадлежало всем. Эти времена окутаны туманом тысячелетий, это был золотой век. Разве не может золотой век придти вновь?

Золотой век пришел. Как благодатны нагретые солнцем долины и холмы! Вокруг Спартака суровые люди арены, «люди песка», как звали их в Риме. И эта юная рабыня-германка, глаза которой вопрошают о многом... Лужайка, место недолгого отдыха, вся в мягкой, зеленой траве... Гнезда желтых цветов возвышаются над зеленым ковром, бабочки резвятся в воздухе, ласкает ухо пчелиный гуд.

Эти люди называют его отцом, по обычаю фракийцев...

— Что мы будем делать и куда пойдем?

Он стоял в кругу сидящих и лежащих людей. Вариния опустилась на траву и прижалась щекой к его колену. Все смотрели на него — черные ширококостные негры, смуглолицые галлы с голубыми глазами, черноволосые, крепко сбитые фракийцы.

— Мы теперь племя, — сказал Спартак. — Хотите вы этого?

Они закивали головами. В племенах не было рабов и все люди были равны, предания об этом времени жили у каждого в памяти.

— Хочет ли кто-либо говорить? — спросил он. — Кто будет нашим старейшиной? Пусть встанет тот, кто хочет вести нас.

Не встал никто. Фракийцы стали бить рукоятками ножей по щитам, и грохот поднял в воздух тучу обеспокоенных птиц. Какие-то люди появились у построек поместья, они вглядывались, но не могли издали различить, что за войско стало лагерем на лужайке. Черные гладиаторы приветствовали Спартака, ударяя ладонями по собственным лбам. Все были растроганы, они жили, как во сне. Вариния теснее прижалась щекой к колену мужа. Ганник крикнул, обращаясь к Спартаку:

— Привет тебе, гладиатор!

Медленно приподнялся умирающий от ран галл. Рука у него была отсечена по плечо.

— Вы не сложите оружия? — спросил он.

— Разве сдались мы, когда солдаты пошли против нас? — сказал в ответ Спартак. — Мы бились с солдатами и дважды побили их. — Знаете вы, что должны мы делать отныне? — обратился он к гладиаторам. Они молча глядели на него. — Можем ли мы убежать куда-либо? — спрашивал он.

— Куда бежать? — проворчал Крикс. — Везде то же, что здесь. Везде господа и рабы.

— Мы не будем искать спасения в бегстве, — твердо сказал Спартак. Теперь он видел это ясно, сомнений не было больше. Он продолжал: — Мы пойдем от поля к полю, от дома к дому. И всюду, где ступит наша нога, мы будем отпускать на волю рабов, и они умножат наше число. Если те пошлют против нас солдат, мы будем биться с ними.

— А оружие? Где найдем мы оружие? — спросили некоторые.

— Мы возьмем его у солдат. И мы сами будем ковать оружие. Что такое Рим, как не кровь, и пот, и горе рабов? Разве есть что-либо на свете, чего не делают своими руками рабы?

— Рим пойдет войной на нас.

— Тогда мы пойдем войной на Рим, — спокойно проговорил Спартак. — Мы положим конец Риму. И мы сделаем так, что не будет господ и рабов!

Это было как сон, но им всем хотелось быть во сне. Если бы этот непонятный фракиец с черными глазами и сломанным носом сказал им, что поведет их против самих богов, они бы поверили ему и пошли за ним.

— Мы не запятнаем себя бесчестием. — Спартак говорил тихо и задушевно, словно обращаясь к каждому в отдельности. — Мы не будем делать так, как делают римляне. Мы не подчинимся законам Рима. У нас будет свой закон.

— Какой он, наш закон?

— Наш закон прост. Все, что будет в наших руках, принадлежит всем. Никто не будет владеть ничем, кроме меча и одежды на теле, как было в старые времена.

Один фракиец воскликнул:

— Всюду много богатства — богаты могут быть все!

— Вы сами скажете, каким быть закону. Не я даю его вам.

Так текла их беседа. Были и жадные люди среди них, мечтавшие стать богатыми, как римляне; были и такие, что хотели сделать римлян своими рабами. Они говорили долго и порешили так, как сказал им Спартак.

— И мы не будем брать себе многих женщин, — сказал Спартак. — Пусть не будет у мужчины более одной жены. Пусть будет между ними мир и справедливость и, если не могут жить в мире, пусть покидают друг друга.

Такими были их законы. Законов было мало, и все согласились на них.

Потом гладиаторы взяли в руки оружие и двинулись к поместью. Там оставались только рабы, ибо римляне бежали в Капую. И рабы поместья присоединились к гладиаторам.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ

(Окончание следует)

«Весенняя пора»

Эта книга не отличается новизной темы и необычными сюжетными ситуациями. По своему жизненному материалу она напоминает некоторые другие романы и повести, посвященные жизнеописанию «малых» народов царской России, гражданской войне и становлению советской власти в отдаленных уголках страны. И в этом романе показана жизнь царских «окраин», беспросветная участь угнетаемого чиновниками и местными князьками и кулаками, забитого и обездоленного трудового народа. И здесь читатель найдет картины, рисующие постепенно крепнущий в народе протест, его мечты о свободе и счастье, его идейное прозрение.

Новизна книги — в своеобразии писательской манеры, в художественных средствах, в свежести авторского подхода к материалу, в неповторимости, конкретности деталей.

В центре книги история Никиты, сына якутского батрака Егордана. Развитие этого образа, определяющее сюжет романа, раскрывает перед читателем процесс превращения суеверного, неграмотного, забитого якутского мальчика в сознательного революционного борца.

Перед глазами Никиты Ляглярина с первых дней его сознательной жизни раскрывается страшный мир, которым управляют кулаки-мироеды Сыгаевы и Веселовы, в котором мучительно жить обездоленным беднякам, таким, как мать и отец Никиты, как их близкие друзья и соседи Эрдэлиры.

И в душе Никиты растет и крепнет ненависть к баям и кулакам, отобравшим у его семьи последний клочок земли, преследующим своими издевательствами близких сердцу мальчика людей. Большое влияние оказывают на героя бесконечные рассказы бабушки Дарьи, проникнутые горячей мечтой о неизведанной счастливой жизни, о сказочных героях, всегда помогающих бедным людям, и вольнолюбивые устремления ее сына, старшего друга Никиты, Дмитрия Эрдэлира.

Решающую роль в судьбе героя играет его дружба с фельдшером Бобровым — русским революционером, сосланным в Якутию, который помогает Никите поступить в школу и внушает мальчику веру в возможность борьбы против угнетателей. Книги русских писателей, с которыми впервые знакомится маленький якут, раскрывают перед ним иной, не знаемый им мир, в котором живут и борются за счастье народа мужественные и благородные люди. С такими людьми Никита встречается в годы гражданской войны, и эти встречи окончательно укрепляют в нем решимость бороться за переустройство веками сложившейся мрачной, беспросветной жизни якутского народа.

Читатель расстается с Никитой Ляглярином накануне его отъезда в Москву, в Институт журналистики.

Жизненный путь героя романа — путь миллионов людей, приобщившихся после Великой Октябрьской социалистической революции к свету, к знаниям, к новой, свободной жизни. Раскрывая конкретное своеобразие характеров главных героев романа, реальных условий их быта, обстановки, их судеб, автор дает представление об участи целого народа. В этом — художественная сила романа «Весенняя пора», его большое достоинство. Обобщения, к которым приходит читатель, не навязаны автором, они возникают сами собой, естественно и просто.

Описание детских и юношеских лет Никиты Ляглярина тесно переплетено в книге с изображением важнейших исторических событий, о которых автор сумел рассказать ярко, увлекательно. Поставив в центре повествования судьбу маленького якута, Н. Мординов не ограничился детальной разработкой характера главного героя, а создал целую галерею живых, самобытных, тщательно выписанных образов. Полон жизни и подлинной поэзии образ сказочницы Дарьи, напоминающей чистотой и несгибаемой силой своей души бабушку из «Детства» М. Горького. Несмотря на некоторую традиционность этого образа, Н. Мординову удалось раскрыть в нем такие черты и особенности характера, которые сохраняют его в памяти читателя цельным и во многом неповторимым.

Один из главных героев романа — талантливый якутский юноша батрак Дмитрий Эрдэлир, наделенный подлинным артистическим дарованием, чувством юмора, неукротимым жизнелюбием. Свою ненависть к эксплуататорам Дмитрий изливает в едких насмешках над моральными и физическими уродствами местных богатеев. Одним из первых в поселке он вступает в большевистскую партию, становится председателем ревкома и в борьбе с врагами отдает свою жизнь во имя счастья своего народа.

Глубоко трогает горькая участь невесты Дмитрия — Майыс, бесправной якутской девушки, насильно отданной замуж за богатого семидесятилетнего старика. Писатель с большим художественным тактом показал горе молодой женщины, казалось бы, глубоко ушедшее внутрь, но на самом деле готовое превратиться в активный протест против насилия.

После гибели Дмитрия Майыс вступает в партизанский отряд, чтобы продолжить дело любимого ею человека. И это решение воспринимается читателем как вполне закономерное, подготовленное логическим развитием характера героини. В конце книги мы видим ее среди новой якутской интеллигенции; окончив техникум, она возвращается в родной поселок.

В образах Никиты, Дмитрия, Майыс писатель раскрывает горячее стремление якутского народа к счастью, к радости, к светлой жизни, которая для веками угнетаемого народа стала возможной только в советскую эпоху.

В книге с большой теплотой показана помощь русских людей якутскому народу, оказываемая в его революционной борьбе, в становлении новой жизни, в его приобщении к творческому социалистическому труду.

Н. Мординов любовно описывает природу родного края, находя для этого зримые и выразительные образы. Автор умело использует якутский фольклор — народные сказки и легенды органически вплетены в художественную ткань произведения. Все это придает роману особую яркость, своеобразие, поэтичность.

Роман «Весенняя пора» — первое произведение Н. Мординова, переведенное на русский язык. Очень хорошо, что издательство «Советский писатель» дало нам возможность познакомиться с творчеством талантливого якутского писателя. Жаль только, что роман чрезмерно растянут. Редактору Н. Бузикошвили следовало более строго отнестись к его композиции, устранить излишние длинноты, повторяющиеся однообразные эпизоды, которые тормозят развитие сюжета и ослабляют впечатляющую силу произведения.

С. ИЛЬЧЕВА

Н. Мординов. Весенняя пора. Роман. Авторизованный перевод с якутского. «Советский писатель». М. 1951. 780 стр.

Путь к высоте

«Осталось 88 дней до пуска домны». Эти слова на щите-календаре строительства сразу вводят нас в атмосферу романа Евгения Воробьева «Высота».

Этот щит-календарь проходит через все произведение, является как бы постоянно ощутимым пульсом его. Живое биение этого пульса определяет собою все развитие романа, поведение действующих лиц, самый темп повествования. А темп этот — живой, стремительный, в нем хорошо передано напряжение последних дней работы, когда простое, будничное слово «график» звучит величественно, торжественно и в то же время неумолимо.

«Ведь тот чугун, который домна будет выплавлять, начиная с первого октября, уже внесен в железный баланс страны. Ведь если первого октября не будет выдана первая плавка, значит, кто-то не получит нужных дозарезу и уже запланированных, обещанных рельсов, проволоки, плугов, автомашин, кровельного железа, топоров, радиаторов, сковородок, гвоздей — мало ли чего еще!»

Мы хорошо понимаем: та напряженность, с которой развивается действие, — это не просто полюбившаяся автору, случайно избранная им манера письма. Она определяется тем жизненным материалом, который лег в основу его произведения.

Герои романа строят домну. В центре произведения отважные верхолазы, а «верхолаз на стройке — тот же разведчик». Это веселые, смелые люди, они любят свою красавицу-домну, любят высоту, тот бескрайний простор, который открывается глазу с вышек строительства.

Название романа Евгения Воробьева «Высота» не просто определяет тему произведения. Высота не только «рабочее место» героев. На празднике открытия домны начальник строительства Дымов говорит: «Мы построили ее в рекордно короткий срок — это раз. Мы построили ее дешево — это два. Мы построили ее отлично — это три. Но не это все-таки самое главное. Самое большое наше достижение — на этой стройке сильно выросли люди».

Нагревальщица Катя Петрашень работала хорошо, но она сама не придавала этому особого значения. Вела себя Катя грубо, вызывающе, одевалась вульгарно, она любила щегольнуть залихватским словечком, была дерзкой, самоуверенной, громко и неестественно смеялась. Но вот однажды Катя увидела свою фотографию на доске почета; там было написано: «Привет лучшей нагревальщице стройки Екатерине Петрашень, давшей 300% плана!»

Это общественное признание произвело на девушку огромное впечатление. Она как бы почувствовала свою ценность, значительность. Писатель очень тонко показывает, как путь к высоте облагораживает Катю, меняет ее отношение к себе самой. И это проявляется во всем, даже в мелочах: в новой, строгой прическе, в том, что девушка начинает стыдиться своей развязной манеры говорить.

И вот—«все реже в ее словаре появлялись лихие присказки. С некоторых пор Катя стала говорить медленно, с трудом подбирая слова, она как бы училась говорить заново».

Веселый, озорной верхолаз Пасечник прошел свой путь к высоте. Этот образ — один из наиболее удачных в романе. В нем много живого юмора, огонька, доброжелательства к людям, жадности к работе, таланта. Он любит побалагурить, посмешить товарищей, любит порисоваться перед ними своим бесстрашием, удалью. Для Пасечника ничего не стоит пройтись по тоненькой жердочке на верхушке домны без предохранительного пояса, пройтись только для того, чтобы все видели его смелость. Он не понимает, что это бессмысленный риск, серьезное нарушение трудовой дисциплины, к которой он еще относится с легким пренебрежением. Однажды Пасечник получил тяжелый урок: он сорвался, упал и на долгое время выбыл из строя. Тогда он понял, что подвел коллектив, в самое ответственное время оставил товарищей.

Писатель умеет показать характер в развитии, уловить и донести до читателя неразрывную связь между работой человека на стройке и изменениями в его духовном облике. Это хорошо видно на том, как рисует писатель любовь Пасечника и Кати. Оба они работают самозабвенно, с радостью и гордостью, и это участие в строительстве обогащает их характеры, расширяет кругозор, меняет отношение к себе, к окружающим. И эти новые черты делают по-новому ясной и праздничной их любовь.

Образы Кати и Пасечника свидетельствуют о том, что Е. Воробьев умеет создать характеры живописные, яркие, колоритные. В них много радости жизни, богатства красок. Но, к сожалению, это умение не всегда проявляется в романе с достаточной силой и широтой. Вот, например, прораб Токмаков. Герой этот задуман весьма интересно. Писатель стремится раскрыть в нем черты талантливого руководителя — вчерашнего рабочего, завтрашнего инженера. В ряде сцен, например, в изображении подъема царги в бурю, виден незаурядный характер этого человека, его новаторская смелость, сила воли. Но образ Токмакова написан неровно, и очень часто в романе теряются контуры его характера, он становится вялым, неопределенным, лишенным живых красок.

И уже совсем отсутствуют эти краски в образах строителей Вадима, Бесфамильных, «Иван-да-Марья». Создается впечатление, что и сам автор чувствует эту расплывчатость и схематизм своих героев и поэтому старается хотя бы фамилией или прозвищем придать некоторым из них какие-либо отличительные признаки, чтобы читатель не путал их.

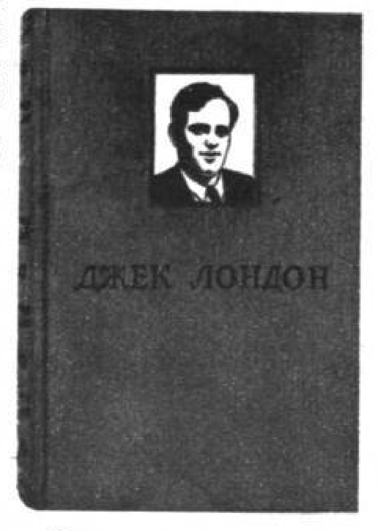
Е. Воробьев ставит в своей книге очень важную проблему. Автор показывает, что и в строительном деле должны быть постоянные кадры рабочих, что стройка должна быть постоянно действующим передовым заводом, который в полном «боевом» порядке переезжает с одного места на другое.

Роман «Высота» — первое крупное произведение Евгения Воробьева, который раньше был известен как автор рассказов. Произведение написано с подлинным увлечением, большой любовью к отважным строителям и их труду.

А. БЕРЗЕР

Евгений Воробьев. Высота. Роман. «Новый мир» №№ 11—12. 1951.

Коротко о книгах

В однотомник произведений Джека Лондона, выпущенный Гослитиздатом массовым тиражом, вошли романы «Железная пята» и «Мартин Иден» и избранные рассказы («За тех, кто в пути!», «Тысяча дюжин», «Любовь к жизни», «Отступник», «Польза сомнения», «Мексиканец» и другие) — произведения, отражающие наиболее сильные стороны таланта писателя. В них звучит вера в творческие силы человека, любовь к людям труда, ненависть к лживой буржуазной морали, ко всему капиталистическому строю, основанному на угнетении и растлевающему душу человека.

Внимание читателя, несомненно, привлекут включенные в книгу статьи Джека Лондона. Мировоззрение писателя в период его наибольшей близости к рабочему движению нашло выражение в публицистических статьях «Гниль завелась в штате Айдахо», «Что значит для меня жизнь», «Революция».

«Я смотрю вперед и верю — придет время, когда нечто более достойное и возвышенное, чем мысль о желудке, будет направлять развитие человека», — писал Лондон в марте 1906 года в статье «Что значит для меня жизнь».

К. П. Брюллов (1799—1852). ЛЮБОВНОЕ СВИДАНИЕ.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

К. П. Брюллов. Праздник сбора винограда.

К. П. Брюллов. Гулянье в Альбано.

КАРЛ ПАВЛОВИЧ БРЮЛЛОВ

К столетию со дня смерти

Бледное, вдохновенное лицо, обрамленное золотистым ореолом кудрявых волос, тонкая рука, небрежно, усталым жестом откинутая на ручку кресла. Таким изобразил себя художник в автопортрете, своей артистической манерой напоминающем традиции великих классических мастеров.

Ныне мы отмечаем столетие со дня смерти Брюллова — автора грандиозной картины «Последний день Помпеи». Картина эта принесла ее автору огромную и заслуженную славу. Гоголь говорил об этом произведении художника с восторгом: «Картина Брюллова — одно из ярких явлений XIX века. Это — светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полулетаргическом состоянии... Картина Брюллова может назваться полным, всемирным созданием... на всем у него разлита необыкновенная яркость. Фигуры он кинул сильно, такою рукою, какою мечет только могущественный гений: это вся группа, остановившаяся в минуту удара...»

Работал над этим полотном Брюллов с большим подъемом. То, что задуманный художником образ отчетливо сложился перед его умственным взором, видно не только из феноменальной быстроты, с которой создал мастер свое гигантское полотно, но также и из весьма небольшого количества подготовительных эскизов.

Глядя на «Помпею», невольно преклоняешься перед бесспорным великолепием мастерства, понимая и оправдывая то, что художник вряд ли прислушивался к дошедшим до нас преданиям летописцев. Ведь подобно Плинию-младшему они рисовали это событие происходившим во мраке, тучах пепла и всеобщем смятении.

Конечно, художник мог мыслить совершенно иначе, ибо его интересовал больше всего человек со всеми его переживаниями. Его-то и поставил он в центре своей работы. И сделал он это могуче, сильно и выразительно, не скрывая своего романтически взволнованного подхода к избранной теме.

Несмотря на отдельные отрицательные оценки, картина Брюллова была встречена с триумфом. Недаром итальянские мастера в изумлении и восторге останавливались перед нею. Выставленная на родине в залах Академии, она вызывала всеобщие восторги. «Если в чужих краях,— восклицает академик Мокрицкий, — встречали и принимали Брюллова с торжеством, то могли ли мы оставаться равнодушными, когда весть о славе его достигла и в наше отечество!»

Но и помимо этой грандиозной работы Брюллов интересен в наши дни своим огромным творческим наследием, вошедшим в сокровищницу лучших произведений живописи нашей отечественной школы. Личность и творчество этого великолепного мастера в разные времена воспринимались по-разному. Теперь, когда по прошествии ста лет оценка деятельности художника стала достоянием беспристрастного суда истории, мы вправе определить место, которое он занимает на страницах истории русского искусства рядом с А. Ивановым, И. Репиным и В. Суриковым.

Брюллов был питомцем Академии художеств. Он работал и учился в то время, когда художественной подготовкой молодежи руководили такие мастера, как А. Иванов, В. Шебуев и А. Егоров. Будучи сам человеком огромного дарования, он взял от своих учителей то лучшее, чем владели они сами, — профессиональное мастерство, любовь к реальной жизни, глубокое проникновение в психику человека. Последнее особенно ярко сказалось в великолепной серии брюлловских портретов — выразительной и правдивой повести о людях минувшей эпохи.

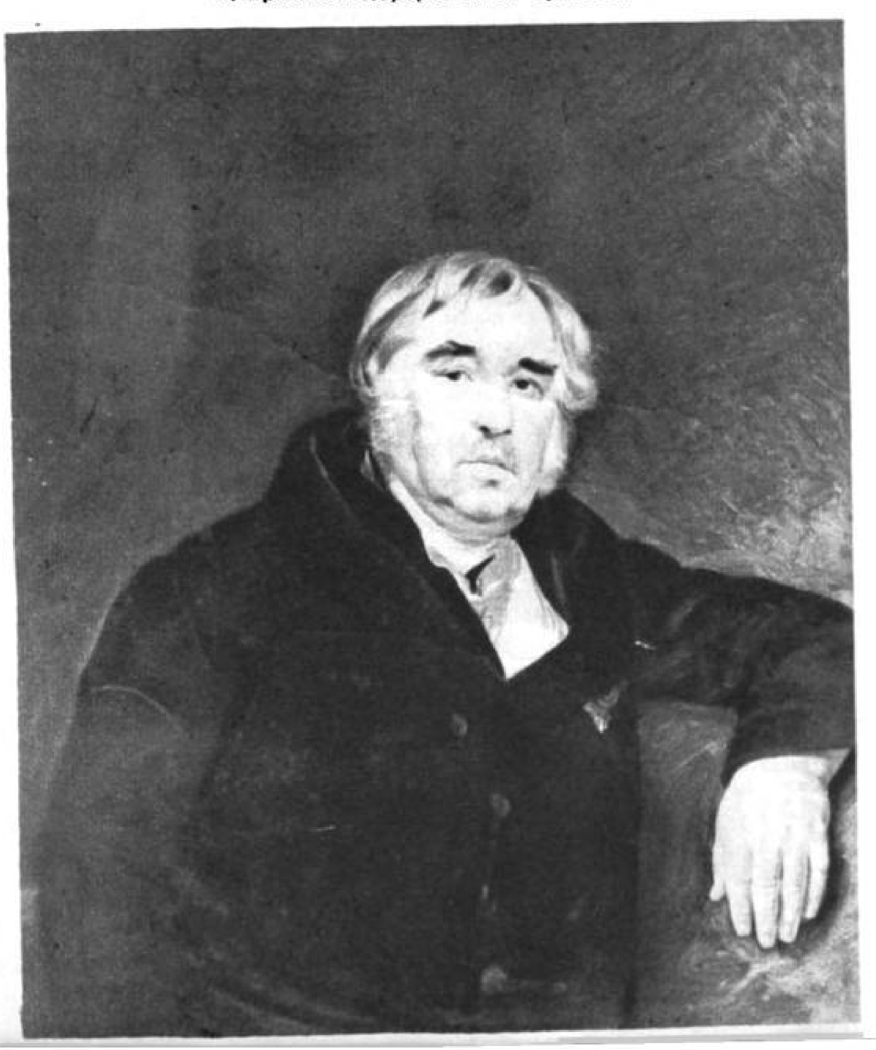
Горячий патриот родной страны, Брюллов всеми корнями своими, симпатиями, мировоззрением связан с Россией. Только здесь чувствовал он себя дома, сюда стремился, тосковал на чужбине. Стоит только перебрать его письма, чтобы убедиться, какое русское билось в нем сердце. Он и языком владеет очень характерным и выразительным.

«...нам, вдалеке от родины,— пишет он родным,— от друзей, от всего, что делало нас счастливыми — каково нам... ни сосенки кудрявые, ни ивки близ него... хотя вместо сосен здесь растут лавры, а вместо хмеля — виноград — но... кажется все вокруг умирающим для того, кто думает о Родине».

Брюллова не раз упрекали в излишней аффектации, в помпезности композиции его «Гибели Помпеи» и даже в отсутствии верности исторической правде. Свое отношение к Брюллову часто менял и Стасов, нетерпимый к «затхлому застою нерушимых академических канонов». Но с этими же канонами в какой-то мере боролся и сам Брюллов. Сумел ли он сам полностью преодолеть их, в полной мере освободиться от их тесных оков? Бесспорно, нет. И в этом мы должны отметить некоторую его ограниченность. Ему, слишком долго оторванному от родины, присуще несколько ходульно-приподнятое представление об исторической действительности. Но наряду с этим мы вправе указать и на те его принципы, за которые боролся и сам Стасов,— стремление к высокому совершенству и подлинному реализму,— широко и ярко воплотившиеся в замечательных портретах Брюллова, в серии его акварелей и рисунков.

С беспощадной реалистической правдой и профессиональным мастерством рисует кисть Брюллова своих современников. Тут уж всякая академическая схоластика уступает место живой жизни. Особенно удавались художнику интимные, согретые теплом, дружеским чувством портреты близких ему людей. Сюда в первую очередь надо отнести такие шедевры, как портреты братьев П. и Н. Кукольников, с вандейковской силой вылепленную голову архитектора Болотова, брата художника Александра, Виельгорского, Львова, молодого поэта Толстого, скульптора Витали, баснописца Крылова, Струговщикова, Прянишникова и еще многих других.

К. Брюллов. Портрет И. А. Крылова.

В этих работах реалистическое дарование художника, не связанное никакими узами, развертывалось в полном блеске замечательного мастерства. Глубоко прав был его ученик художник Григорий Гагарин, утверждавший, что «портрет был для Брюллова главным успехом, какой когда-либо выпадал на долю самых великих художников».

Вспомним хотя бы одну стену в Государственной Третьяковской галерее, занятую его портретами. В центре искрится очаровательный, артистически написанный портрет гарцующей на лошади молодой красавицы Орловой. Вглядитесь, как легка и изыскана вся композиция, сколько виртуозности и блеска в каждой детали! Прелестна фигурка девочки. Замечательно написаны животные.

Работал Брюллов с огромным увлечением и напором, доходя иногда до перенапряжения своих сил. «Не раз, проработав три, четыре часа с натуры,— рассказывает современник, — он бросал палитру, срывал с себя галстух и ложился на диван. Голова его горела и нервная дрожь пробегала по телу...»

Художник любил после этих минут душевной усталости переходить от капитальных своих работ к исполнению разнообразных миниатюр в акварельной технике. Владея ею в совершенстве, он с необычайным мастерством создавал акварельные шедевры, равные которым трудно сыскать. От широкой, свободной, виртуозной манеры в таких вещах, как «Неаполитанские рыбаки», «Голгофа», «Лацарони», он переходит к чисто классической миниатюре. Таковы его «Чета Олениных на развалинах Рима», чудесный портрет «Бутениной с дочерью», грациозные сценки «Прерванное свидание», «Прощание пастуха», «Сон невесты», «Мечтание молодого послушника в монастыре» и восхитительное «Пострижение в монахини».

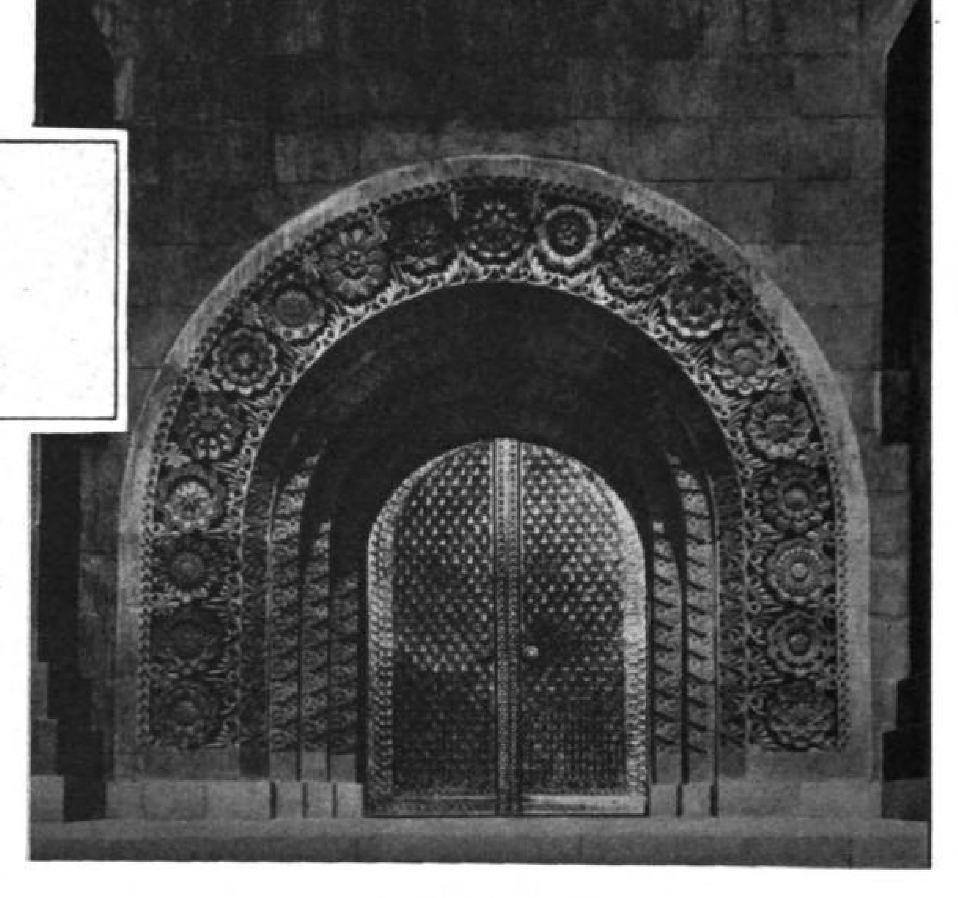
К этим же работам следует отнести серию карандашных и акварельных портретов, исполненных в самой разнообразной манере. В них поражает красота колорита и композиции, совершенство рисунка.

Перед возвращением на родину Брюллов проездом через Константинополь создает ряд отличных работ: «Бахчисарайский фонтан», «Турчанка в чалме», «Сладкие воды в Константинополе» и несколько рисунков и акварелей.

Вспоминая сегодня Брюллова, мы чтим его за то, что он утверждал в живописи стремление к совершенству мастерства, помогающего художнику с предельной ясностью раскрывать свои творческие замыслы. Один из лучших рисовальщиков мировой живописи, он сумел преодолеть многие отрицательные стороны ложноклассической школы. В его наследии есть вещи огромной реалистической силы и жизненной правды. Это и делает художника близким, нужным и понятным широкому советскому зрителю.

Василий ЯКОВЛЕВ,
народный художник РСФСР

МОНУМЕНТ *победы*

Арка монумента Победы.

Когда выйдешь на высокое Канакерское плато и оглянешься вокруг, кажется, что видна отсюда вся Армения. И не потому, что она, вернее, значительная часть ее, лежит перед глазами. Бывает так, что видишь дальше и глубже от одного лишь присутствия рядом чего-то большого, умного, великолепного. Это великолепное — монумент Победы. Армяне возвели его здесь, на бровке Канакерского плато, над своей столицей.

Монументальную скульптуру открыли в год тридцатилетия советской Армении, в 1950 году. Колоссальная громада из темного джирвежского туфа, сооруженная по проекту архитектора Рафала Исраеляна, как бы светится изнутри теплым багровым огнем. На постаменте чеканная из алавердской меди фигура великого зодчего коммунизма, созданная народным художником СССР Сергеем Меркуровым.

Далеко видно с площадки монумента Победы. Он стоит на южном форпосте Союза Советских Социалистических Республик. Перед глазами — Араратская долина, нагорье и снежный Арагац вдали. Внизу — новый Ереван, весь в бледнорозовых, желтых, светлосиреневых туфовых новостройках.

Виден отсюда — будто он совсем рядом — белоголовый Арарат...

Чьими руками воздвигался монумент? Кто строил его?

Оганез Карамян работал еще с академиком архитектуры Александром Таманяном над зданиями правительства Армении и оперного театра. Он резал туф, базальт, гранит, создавал вместе с художниками скульптуры. Его труд перешагнул границы ремесла и стал искусством. Карамян принят в Союз архитекторов Армении.

Вместе с Оганезом резал камень другой старый мастер, Геворк Абгарян. Если первому посчастливилось всю жизнь быть на своей земле, то у второго судьба сложилась иначе. Земля, на которой он родился, была армянская, но ее топтали турецкие захватчики. Они зверски вырезали всю семью Геворка — семью рабочего гипсового завода. Сирота попал в Грецию и уже оттуда вместе с тысячами других беженцев-армян в 1924 году вернулся на свою родину, в советскую Армению.

Эти два каменотеса были опорой архитектора. Но вот резка орнамента подходила к концу, оставалось только оформить вход во внутреннюю часть монумента, а архитектор медлил. Он все искал верный рисунок. Тем временем на строительной площадке появились два новых человека. Один из них, Грачик Степанян, ходил вокруг старого Геворка и просил дать ему топорик. Это был молодой чеканщик по серебру, которого каменотес встречал в Доме народного творчества.

Другим новым человеком был молодой колхозник из села Гохт — Левон Мелконян. Недалеко от этого села много древних архитектурных памятников. Юноша до того работал в колхозе, но его влекло к камню. Он видел вокруг себя, среди обломков старинных сооружений, камни, искусно выделанные рукой человека. Архитектор почувствовал в нем то, что называется природным даром. Колхозный парень Левон угадывал его мысль по одному лишь рисунку, без чертежей и точных размеров, работал уверенно и размашисто, как будто всю жизнь только этим и занимался.

— Вы понимаете,— рассказывает Исраелян,— эти молодые были как бы моими руками. Чертежа я так и не сделал. Мы с каменотесами стояли у стены, на которой высекалась арка, я набрасывал детали на бумаге, они брали у меня рисунок и высекали. Так родились эти девятнадцать роз, которые сейчас венчают главный вход в здание монумента. Все цветы разные, и в центре каждого — пятиконечная звезда, тоже решенная в каждом случае по-своему. Старики, вероятно, исполнили бы их не хуже... Но мне казалось, что этот орнамент портала должны делать молодые руки.

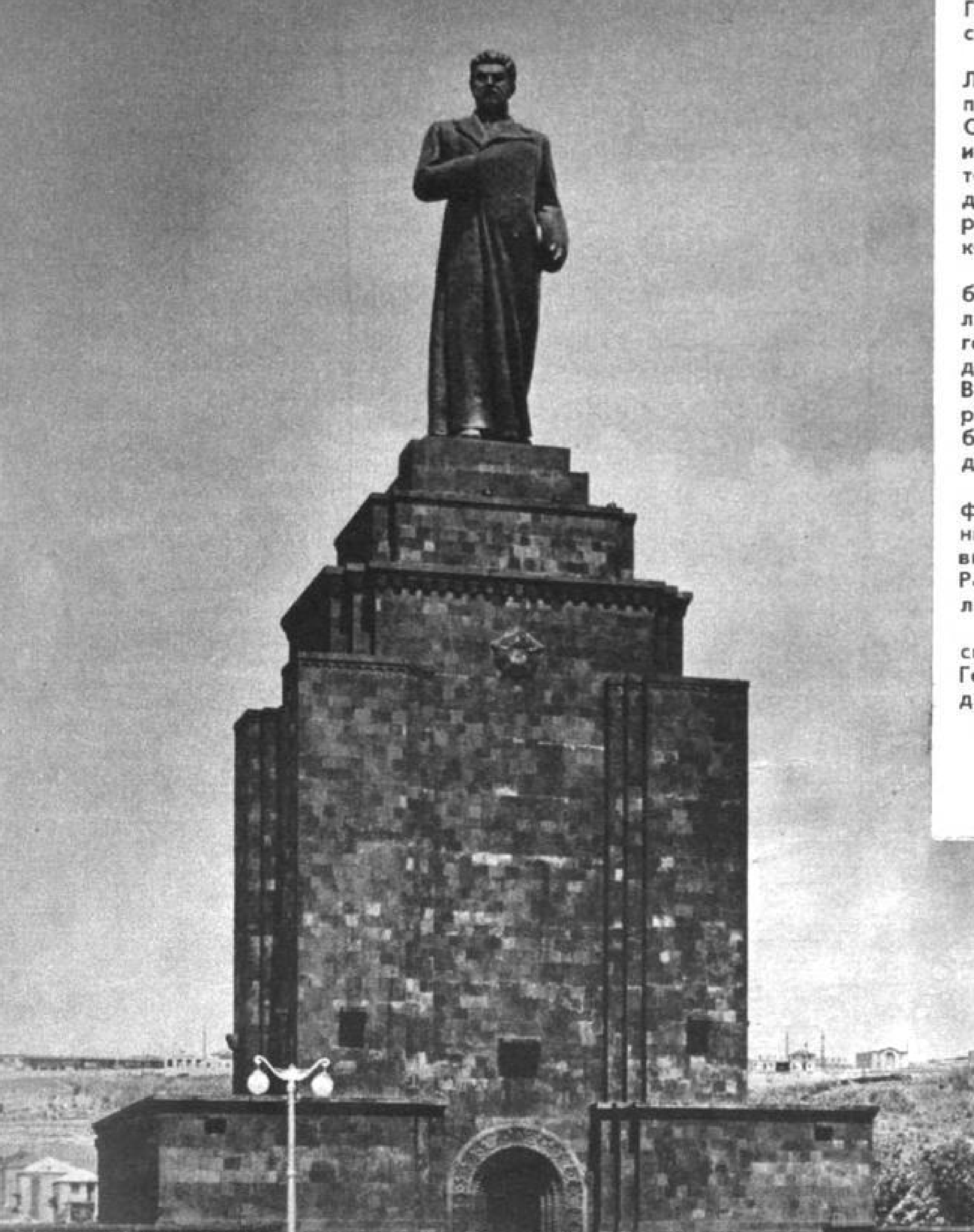
На стенах монумента есть каменные выступы — подставки для алых флажков. Подставок двадцать, и на каждой знак родов войск, принимавших участие в Великой Отечественной войне. Когда каменотесы вырезали эти знаки, они обратились к архитектору с просьбой: «Оставь, Рафо, и наш знак...» Он набросал рисунки: тесака, бетономешалки, пилы, камнерезного станка... И они их исполнили. Это справедливо.

...Ясный день. Светлый, весенний день 9 мая. Люди утром выходят из своих домов, как тогда, в сорок пятом, и идут. Куда они идут? К бюсту Героя? На улицу Мира? В парк Победы? Везде есть места, памятные и дорогие людям.

В Ереване идут к монументу.

И. МЕСХИ

Фото А. Соркина

Искусство КОРЕЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Артистка Ли Ок Сун и ансамбль исполняют ритмический танец.
Фото Е. Умнова

В ярких народных костюмах выходят на сцену танцовщицы. Гармония и отточенность пластического рисунка, музыкальность и выразительность движений в сочетании с красочностью одеяний создают ослепительное зрелище.

Около двух лет назад советские зрители впервые познакомились с оригинальным и глубоким искусством Корейской республики. На эстрадах концертных залов наших городов не раз оживали во всей своей самобытной прелести танцевальные и песенные образы, рожденные культурой трудолюбивого и мужественного народа.

В обрядовом старинном «Танце с барабанами» — из популярного корейского балета — пестрый хоровод девушек плавно и непрерывно движется под глуховато-мелодичный аккомпанемент барабанных ударов. Полна теплого юмора танцевальная сценка «Крестьянка и пастух».

В танцах оживает героическая душа народа Корейской республики. С огромной драматической выразительностью передает замечательная народная танцовщица Цой Сын Хи танцевальную картину «Сквозь бурю»: старик-кореец с опасностью для жизни сквозь бурю и грозу везет на утлой лодчонке оружие сражающимся партизанам. Непреклонный и мужественный облик борца рисует танец с саблями под названием «Женщина защищает родину». Его исполняет с благородной сдержанностью и законченностью движений талантливая молодая артистка Ан Сон Хи. Танец этот, основанный на традициях классического корейского фольклора, смотрится как образец современного искусства, вызывающего в памяти эпизоды доблестной борьбы народа Кореи сегодня.

О страданиях и подвигах корейских женщин повествуют танцевальные сцены «Мать Кореи», исполняемые Цой Сын Хи и ее дочерью Ан Сон Хи. Эти трагические сцены волнуют глубокой жизненной правдой, звучат страстным обвинением против американских захватчиков. Сердечную боль и искреннюю ненависть к насильникам вызывают образы, созданные талантливыми артистками: обезумевшая от горя мать (Цой Сын Хи), на руках которой лежит ее единственный ребенок, убитый воздушными пиратами, и молодая кореянка, бесстрашно принявшая неравный бой с врагами (Ан Сон Хи). Эти сцены, сопровождающиеся замечательной музыкой ансамбля народных инструментов под управлением Ан Ги Ок, производят неизгладимое впечатление.

Танцевальная композиция «Освобожденная земля», посвященная незабываемым дням освобождения Северной Кореи Советской Армией, выражает надежду борющегося народа на прекрасное будущее, когда победившая Корейская республика вновь заживет свободной и счастливой жизнью.

К. СОКОЛОВА

Танцевальная сценка «Крестьянка и пастух» в исполнении корейских артистов Ким Чё Иен и Цой Сын Сун.

«Мать Кореи» — сцена из танцевальной композиции. Исполняет артистка Цой Сын Хи.
Фото Чехопресс

По следам охотников

Выстрел. Другой...

Л. БЕЛОКУРОВ

Фото Е. Алексеева

«Солнце село; но в лесу еще светло; воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит веселым блеском изумруда... Сердце ваше томится ожиданьем, и вдруг — но одни охотники поймут меня — вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл,— и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу.

Вот что значит «стоять на тяге»,— так описывает И. С. Тургенев один из любимых видов охоты в среднерусской полосе.

Как проста и точна здесь каждая фраза, какое чудесное умение запечатлеть картину природы во всей ее свежести, передать переживания охотника!

И все же не случайно восклицание: «...Но одни охотники поймут меня...» Как бы ни было велико мастерство рассказчика, никакое описание не может сравниться с тем, что видишь на охоте собственными глазами.

Заманчиво побывать на охоте! Такую возможность, не выходя из зала кинотеатра, получают зрители нового цветного фильма «Повесть об охоте» [1].

[1] Автор сценария — Г. Мдивани. Режиссеры и операторы — А. и Е. Алексеевы. Композитор — И. Морозов. Научный консультант — А. Формозов. Производство Московской студии научно-популярных фильмов.

Авторы картины не ограничились демонстрацией различных видов охоты. На экране широко представлен русский пейзаж, русская природа. Кинoработникам пришлось немало побродить по лесам и болотам, побеседовать с бывалыми людьми: ведь нужно было запечатлеть не просто красивый, а типичный для среднерусской полосы пейзаж, и такой, чтобы зрители-охотники сразу, не сомневаясь, могли бы сказать: «Да, эти места действительно хороши для охоты!»

Каждое время года приносит охотнику свои волнения, свои радости. Естественно, что все времена года: и весна с ее могучим ледоходом, и ранняя осень — золотая пора охоты, и зима с ее глубокими снегами, безмолвными, точно скованными морозом лесами — нашли достойное отражение в киноповести. В фильме природа «застигнута» в самые различные часы дня — от предрассветных косматых туманов до согретых закатным солнцем сумерек.

Роли в фильме исполнялись либо актерами — любителями охоты, либо сторожами лесных угодий. Во многих эпизодах снимался Василий Щербаков — главный егерь Завидовского охотхозяйства. Без всяких предохранительных мер он «играет» свою весьма опасную встречу с медведем. Это и не удивительно: на его счету не один десяток более свирепых зверей.

Режиссерам удалось, преодолев немалые трудности, заснять сцены преследования бекаса, гон лисы, охоту по селезню, погоню за куницей. За некоторыми кадрами приходилось «охотиться» по нескольку недель. Так «расписание» тетеревиного тока оказалось в полном противоречии с требованиями съемки. Самые боевые схватки тетеревов происходят в предрассветной темноте, когда, как известно, снимать невозможно. А с первыми лучами солнца тетерева исчезают. Не раз осложняли съемку непрошенные гости — лиса, лоси.

Препятствия возникали на каждом шагу.

...Погожий осенний день. Медленно шагает охотник вслед за легавой. За ними продвигается оператор, вооруженный легкой кинокамерой. Но вот собака застывает, как изваяние, делает стойку. Ловким, бесшумным движением охотник подымает ружье. Еще мгновение — и из высокой травы взлетает большая, тяжелая птица. За ней вторая. Да здесь целый тетеревиный выводок! Выстрел. Другой... Но, к радости тетеревов и, безусловно, к огорчению оператора, охотник «мажет». Пройдет немало времени, пока вновь совпадут все условия для съемки: погода, меткий выстрел, «работа собаки». Восемнадцать дней понадобилось, чтобы снять этот небольшой эпизод!

В фильме впервые применена одновременная со съемкой запись голосов птиц и зверей, естественных звуков в лесу. Это тоже оказалось делом нелегким. Для того, чтобы услышать «точение» глухаря, нужно подойти к нему не менее чем на сотню шагов: песня так тиха, что даже при слабом дуновении ветра сливается с шумом леса. Глухарь же — необыкновенно осторожная птица. И киногруппе пришлось приспосабливаться к особенностям «солиста». Съемка велась под песню глухаря: все начинали действовать, когда глухарь заводил второе колено своей песни — тогда он ничего не слышит,— и замирали в остальное время. Так удалось операторам, нагруженным киноаппаратурой и магнитофоном, короткими перебежками, в ритм песни, приблизиться к чуткой птице.

На охоту по селезню!

Для съемки более крупных планов, чтобы подманить к аппарату тетеревов, использовали запись тока, сделанную в предыдущие дни. Магнитофонное «чуфыканье» тетеревов оказалось удачнее звукоподражания самого опытного, искусного охотника. Результат превзошел ожидания: тетерева приблизились настолько, что один из них усе́лся... на микрофон.

В фильме мы видим рысь, нападающую на косулю; рысь совершает эффектный прыжок с дерева, и на секунду ее тело закрывает собою кадр. Как удалось снять вблизи этого опасного хищника? Для этого в глухом уголке леса был создан большой вольер. Здесь в течение нескольких дней рысь «обживалась», привыкала к съемочной площадке. Сначала оператор снимал бегство испуганной косули, затем прыжок рыси. Объектив киноаппарата входил в одну из клеточек вольерной сетки, и вольер, таким образом, не попадал в кадр.

Композитор И. Морозов от первого до последнего дня съемок был активным участником киногруппы. Вот почему так гармонично сливаются в фильме музыка и изображение. Широко и прозрачно звучит мелодия, точно рождаясь в глубине просторов, проходящих перед глазами зрителя.

Жизнерадостным, увлекательным спортом представлена охота на экране. И самое важное — фильм показывает, что советский человек не только охотится, но постоянно по-хозяйски заботится о восстановлении и увеличении нашей фауны.

Собака застывает, как изваяние: да здесь целый тетеревиный выводок!

Тетерев на току.

ВЕЛОГОНКА МИРА

Трибуны стадиона Войска польского в Варшаве переполнены до краев. Варшавяне провожают в дальний путь участников многодневной шоссейной гонки по маршруту Варшава — Берлин — Прага, которую назвали велогонкой мира.

Как только спортсмены приготовились к старту, с круглых трибун стадиона было выпущено около двадцати тысяч голубей. На какое-то мгновение эта «голубиная туча» закрыла небо. Так в столице Польши началось это крупнейшее спортивное состязание летнего сезона 1952 года.

Велогонка мира была организована редакциями газет: польской «Трибуна люду», немецкой «Нейес Дейчланд» и чехословацкой «Руде право». Вся трасса протяжением в 2 180 километров была разбита на 12 этапов. Путь велосипедистов пролегал через те места, где еще несколько лет назад бушевало пламя мировой войны.

Состязание велосипедистов превратилось в волнующую манифестацию преданности делу мира народов трех дружественных стран — Польши, Германской Демократической Республики и Чехословакии.

Во всех городах, где останавливались велосипедисты, устраивались митинги, собрания. Все выступавшие, будь то руководители партии и правительства, ученые и студенты, передовики производства и служащие, сами участники гонок, горячо и убежденно говорили о том, что они отдадут все силы в борьбе за мир, за светлое будущее человечества.

Спортсмены проехали более 90 городов, и везде им устраивалась радушная встреча. Лозунги, призывающие к миру и дружбе между народами, были вывешены и написаны на асфальтовой глади шоссе.

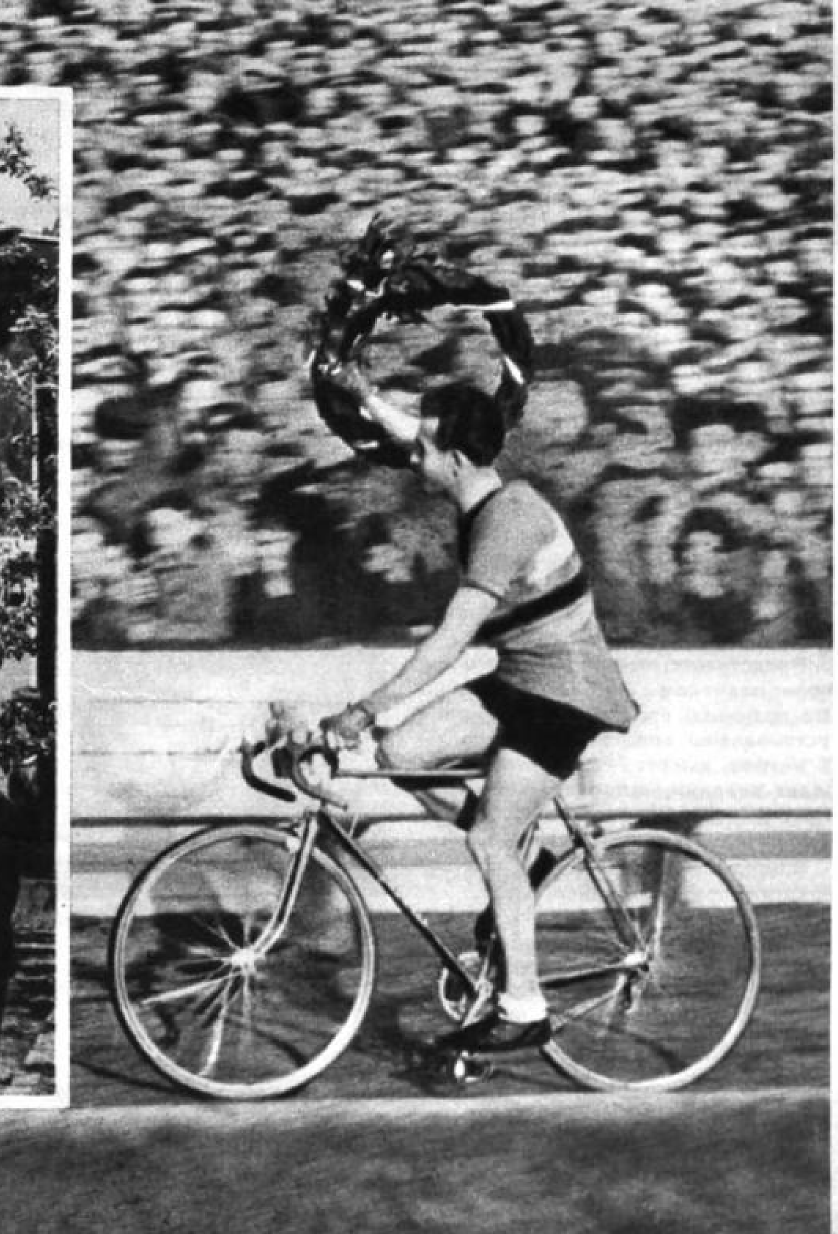
Мне приходилось быть свидетелем многих гонок, велопробегов, но я не видел еще такого, чтобы почти на протяжении всей дистанции спортсмены мчались на велосипедах вдоль своеобразного живого людского коридора. На территории Польши и Германии по трассе гонки нельзя было найти десяти метров, где бы не стояли люди. Весьма эффектна была встреча в Берлине. Как только гонщики приблизились к финишу, стали взлетать одна за другой ракеты. Высоко в небе они разрывались, и на стадион плавно спускались на миниатюрных парашютах государственные флаги тех стран, велосипедисты которых участвовали в гонке.

Любовно украсили последний этап гонки пионеры Чехословакии. К каждому телеграфному столбу, стоящему на шоссе, были прикреплены флажки с изображением белого голубя.

Когда на окраинах Праги показались первые гонщики — чех Скоржепа и немец Шур, — вспыхнула буря аплодисментов. Рукоплескания перекатывались с одной улицы на другую, вплоть до стадиона «Спарта», где состоялся финиш.

На этапе Лейпциг — Хемниц. Зрители используют любую возможность для того, чтобы увидеть участников велосипедных состязаний.

Победитель двенадцатого этапа гонки Будейовице — Прага Скоржепа совершает почетный круг на пражском стадионе «Спарта».

Велосипедисты пересекают границу, разделяющую Германскую Демократическую Республику и Чехословакию.

Интересна гонка и в спортивном отношении. Стартовало 16 команд. Ни одно велосипедное состязание Европы не видало такого количества команд. Среди участников были выдающиеся мастера: австриец Франц Дейч, англичанин Ян Стил, бельгийцы Густав Вершурен и Раймонд ван Говен, болгарин Милко Димов, голландец Даниель де Грот, поляк Ян Стаблевский, датчанин Христиан Педерсен, чех Ян Веселы и ряд других.

Все велосипедисты усердно тренировались и поэтому выступали хорошо подготовленными. Сильнейшие команды выставила Англия, Чехословакия, Германская Демократическая Республика, Бельгия, Польша, Болгария. Эти коллективы и заняли первые места.

Победитель гонки англичанин Ян Стил прошел 2 180 километров за 57 часов 6 минут 17 секунд, а занявший двадцатое место чех Несл проиграл Стилу всего один час. Это — свидетельство исключительно острой борьбы на протяжении всей гонки.

Победители велогонок англичанин Я. Стил (справа) и чех Я. Веселы в Праге.

Спортивная борьба, завязавшаяся с первого километра в Варшаве, продолжалась до самого финиша на стадионе в Праге. Это дало возможность показать исключительно высокую среднечасовую скорость, равную 37,5 километра. На третьем этапе, Лодзь — Катовицы, длиною в 223 километра, Стаблевский развил среднечасовую скорость, равную 42 километрам 180 метрам!

На последних этапах от чехословацкой границы до Праги спортсмены преодолевали затяжные подъемы — до девяти километров. К тому же велосипедистам временами приходилось идти под проливным дождем. Но они успешно преодолевали все препятствия.

Характерная черта: гонка шла в атмосфере подлинной дружбы и товарищества. Запомнился такой случай. На последнем этапе впереди были чех Скоржепа и немец Шур. На одном из питательных пунктов Шур на ходу не смог получить флягу с водой от своего тренера, но зато получил ее из рук представителя польской команды Мончарского. Несколько позже Шур на дистанции поделился водой со Скоржепой. Оба они боролись за первое место на последнем этапе.

Ничего подобного не было и не может быть в гонках, проводимых в капиталистических странах. Там гонщикам приходится думать о многом: как бы уберечь свою машину от умышленных поломок, которые могут сделать конкуренты, и о пище на питательных пунктах, которая может оказаться недоброкачественной, внимательно присматриваться к шоссе, на котором может быть разбросано битое стекло.

Кстати, широко разрекламированные велосипедные состязания тур-де-Франс, тур-де-Италия и другие не могут идти в сравнение с велогонкой мира.

Участники, представители различных стран Европы, расстались истинными друзьями. Не случайно они заявили, что и в следующем году вновь с радостью примут приглашение выйти на старт этого волнующего состязания.

В Праге велосипедистам были вручены призы: в том числе и призы президента Польской Республики Болеслава Берута, президента Германской Демократической Республики Вильгельма Пика и президента Чехословацкой республики Клемента Готвальда.

А. КУПРИЯНОВ,
заслуженный мастер спорта

Игра в мяч на лошадях

Среди многих спортивных игр в мяч есть одна, которую редко где увидишь, — кавалерийская игра пушбол. В точном смысле это значит «толкание мяча». Играют в него всадники. Огромный мяч, до 160 сантиметров в диаметре, ведут, передают друг другу, загоняют в ворота лошади, управляемые всадниками. Хорошо обученные, ловкие кони бьют по мячу передними ногами, толкают его грудью, некоторые даже играют головой.

Представьте себе прямоугольное поле размером 80 на 40 метров. По границам его на дальних краях установлены ворота. Длина ворот — 7 метров, высота — 3. Ворота защищает всадник, который, как и все вратари, имеет право отбивать мяч любыми доступными ему приемами. Впереди него находятся два защитника. Они действуют на своей площадке в пределах 20 метров — до границы, отмеченной мелом.

Нападение ведут три всадника. От защитников и нападающих требуются смелость, ловкость, умение перехитрить противника. Ни нападающие, ни защитники не имеют права касаться своим телом мяча. Им также запрещено задерживать мяч, поставив лошадь боком.

Судья назначает за нарушение правил штрафные удары. При выбивании мяча из-за линии противник отходит на 10 метров.

В Москве пушбол привился лишь среди спортсменов — военнослужащих и слушателей Высшей офицерской кавалерийской школы имени маршала Буденного. Здесь, в этой школе, игра в пушбол практикуется давно. На конноспортивных соревнованиях, происходивших на плацу школы, тысячи зрителей с увлечением смотрят на показательную игру. Ее ведут две команды: на рыжих и белых лошадях. Они играют под началом мастера спорта старшего лейтенанта Сафарова и спортсмена первого разряда капитана Старостенко.

Мы видели прекрасно натренированных лошадей и замечательно сидящих в седле всадников.

Момент игры в пушбол в Высшей офицерской кавалерийской школе имени маршала С. М. Буденного.

Фото П. Евгеньева

С. ХМЕЛЬНОВ

Мечтатель

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки П. Бунина

Раскаленное солнце висит над рекой и, наверно, думает: «Нешто нырнуть, не дожидаясь закатного часа? А вы тут все как хотите...»

На серых деревянных мостках, под облупленной вывеской ВО - НАЯ ТАНЦИЯ, сидит Коля Колотилин. Он опустил ноги в воду и глядит на проплывающие мимо перламутровые нефтяные узоры. За его спиной, на песчаном замусоренном берегу, тяжело лежат две лодки с проломанными днищами. Немного поодаль груда беспорядочно сваленных старых бревен и досок. Картина неприглядная.

Коля смотрит на воду и мечтает:

«Стало быть, так: Сергея Трофимыча из заведующих водной станцией поперли. С треском. За бесхозяйственность, за бездеятельность и вообще за всякие поступки... Кого назначить? Ну, ясное дело, кого — Николая Колотилина! Да ведь он молодой, ему всего-то восемнадцать лет! Подумаешь, какое дело! Молодой, да с головой...»

По правде говоря, Коле даже еще и не восемнадцать, а всего четырнадцать. Но ведь помечтать-то можно!

«Эх, вот она, жизнь, когда началась бы!»

Ему представляется чисто убранный берег, скамейки под зелеными деревянными грибами. На песке и на скамейках граждане, пришедшие покататься на лодке.

«Товарищ Колотилин, нельзя ли нам однопарку?»

На Коле голубая майка и белые брюки. Его все любят и уважают.

«Пожалуйста. Выбирайте любую».

На причале покачиваются узенькие байдарки, белые однопарки с красивыми именами, выведенными синей краской по корме: «Звезда», «Победа», «Чайка», ну и можно еще «Людмила»...

На фанерном щите обстоятельное и толковое объявление: «Плата за час такая-то. За то-то и то-то штраф». Нет, пожалуй, не надо никаких штрафов. При Коле Колотилине не может быть никаких беспорядков!

Вот подходит директор школы Георгий Фомич, он же преподаватель математики, с дочкой Людмилой.

«Эх, Людмилочка, Людмила! Сейчас ты на меня и не взглянешь, а тогда бы...» — думает Коля.

Тогда бы Георгий Фомич уселся в лодку на весла, Людмила за руль. Поплыли! Вот они уже на середине реки... А пароход-то! Неужто не видят? Нет! И вот уже волна подхватила и перевернула лодку, и Георгий Фомич, директор школы, с дочкой в воде! На берегу страшный крик. Но не таков заведующий водной станцией Николай Колотилин, чтобы растеряться. У него спасение на водах поставлено так, что хоть тоните, хоть не тоните — все равно спасет!

Мгновенно кидается он в моторку. Тр... тр... трррррр! Только серебряная водяная пыль столбом! А моторка летит, как чайка, едва касаясь воды. «Ладно, Георгий Фомич, вы хоть и вывели мне тройку с плюсом по математике, все равно я вас спасу. Нате вам спасательный круг! Вы-то мне, небось, спасательного круга на экзамене не подбросили... Людмилочка, это я, Коля!» «Ах, Коля, я так и знала, что ты меня спасешь! «До гроба ты хранитель мой...» Тоже же. А я знаю, откуда это — про хранителя. По литературе у меня пятерка...» На берегу радостные крики, все поздравляют Колю, жмут ему руки. А секретарь райкома товарищ Авилов говорит: «Вот что значит человек, который любит свое дело, дорогие товарищи! Помните, когда водной станцией заведовал подлая душа Сергей Трофимыч? Он только зарплату зря получал. Ни лодок не было, ничего не было. И вы, граждане, уж если тонули, так на все сто процентов. А при товарище Колотилине...»

Коля вздыхает и шевелит босой ногой перламутровые струйки. В это время по замусоренному берегу, отдуваясь, спешит Сергей Трофимыч с ведром и кистью.

— Сидишь, Николай?

— Сижу,— нехотя отзывается Коля.

— Беда, брат. Мне сейчас Теткин звонил, знаешь, заведующий спортивным отделом? Говорит, корреспондент, что ли, какой-то из центра приехал, во все нос сует и спортивной работой интересуется... Может, он, конечно, на водную станцию и не припожалует: тоже не ближний свет, да еще по такой жарище, а все же кто их знает, корреспондентов? Ты вот чего: будь другом, Колька, какникак ты мне родной племянник, не чужой. Ежели он припожалует, ты скажи: заведующий, мол, прямо с ног сбился, уехал за стройматериалами, первую партию уже привез, вон, мол, доски лежат...

— Это старые доски, они третий год лежат, уже гнить начали,— угрюмо говорит Коля.

— А ты помалкивай знай! Не твое дело — родного дядю критиковать. Скажешь: у нас, мол, лодок десять штук и на данный момент все в прокате. Возьми кисть, покрась вывеску, чтоб видимость была, что работа протекает нормально и находится в стадии!

Сергей Трофимыч ставит на мостки ведро с краской, строго глядит на реку, плюет в воду, утирает потное лицо и, сказав: «Так ты уж, брат Колька, спасай положение»,— уходит, увязая в горячем песке.

— Угу. Спасать положение? — шепчет себе под нос Коля Колотилин.— Ладно, я спасу. Я так спасу, дяденька Сергей Трофимыч, что тебе лучше сразу головой да в омут! Дядю, говоришь, критиковать нельзя? Врешь, всех можно, которые плохо работают.

Он не притрагивается к ведру с краской, садится на мостки, теперь уже лицом к берегу, и ждет. И опять мечтает:

«Вот сейчас придет корреспондент, и я ему скажу: «Товарищ корреспондент, вам все врут!» «Как так, кто это врет?» «И Теткин из спортивного отдела и заведующий водной станцией Сергей Трофимыч. Это же, товарищ корреспондент, такие люди, что вы ни одному ихнему слову не верьте. Прошлый год они в областную газету написали, что и водная станция вот-вот откроется и лодки подготовлены... А чего есть? В других городах, уж не говоря в Москве, но даже в районных центрах, и лодочные гонки устраивают, и заплывы на пятьсот метров, и звание мастеров получают... живут! А мы, как несчастные, нырнем и вынырнем, вот вам и весь спорт. Уж вы напишите хорошенько про них, товарищ корреспондент! Так, чтоб небу жарко стало».

А небу, кажется, и без того жарко. Ни облачка, ни ветерка. Хотя солнце уже спускается ниже, еще час — другой, и окунется оно по ту сторону песчаной косы.

Коля сидит и ждет до самого заката. На берегу появляются человеческие фигуры, но это местные жители. Коля ждет, и все сердитее и обиженнее его мысленный разговор с приезжим корреспондентом.

Солнце наконец отработало свое жаркое дежурство и, в последний раз выглянув красным лицом из-за песчаной косы, нырнуло. По берегу не спеша идет Сергей Трофимыч.

— Сидишь, брат? Можешь идти, пронесло. Корреспондент, оказывается, на завод приезжал, ихним стадионом и клубом интересовался... Вот, ей богу, ездят, только на нервах играют. А ты, что же это, за кисть так и не брался? Ну, обожди у меня! Туда же, требуют: водную станцию им подавай! А когда актуальную помощь срочно нужно оказать в критический момент, так их нету! Лодыри, привыкли к баловству! Я мальчонкой был, понятия не имел, что за водная станция! А ничего, живу не хуже других.

Не желая разговаривать с дядей, Коля скидывает с себя рубашку, трусы, прыгает с мостков в реку и, широко взмахивая руками, плывет к песчаной косе. Ему грустно и обидно. Он думает:

«Ну, и вы обождите у меня. Еще четыре годика, может быть, потерплю, а потом уж я вам спуску не дам! И знаете, кем я буду?..»

Он набирает воздуху, переворачивается на спину, раскидывает руки. Прохладная вода бережно поддерживает его тело. Коля глядит в небо, такое же темное, как и вода, и с такими же звездами, и мечтает. Он видит себя корреспондентом «Правды». «Позвольте, а почему у вас до сих пор нет водной станции? Кто допустил такое безобразие? Ах, Сергей Трофимыч? Ну, так и знайте, я сию минуту напишу про него фельетон!.. А куда новые доски делись? Что? Он выстроил себе свинарник? Понятно. Под суд!..» И теперь Коля уже не корреспондент, а народный судья. Его кандидатура прошла на выборах. Директор школы Георгий Фомич и Людмила тоже голосовали за него, потому что он справедливый человек и ненавидит врунов и жуликов вроде дядюшки Сергея Трофимыча...

Звезд очень много. Все они сосредоточенно смотрят вниз, на Колю, подмаргивают друг дружке и, может быть, говорят: «Нас, брат, не проведешь. Мы очень старые звезды. Мы на своем веку всяких мечтателей видели-перевидели...»

— А вот и врете! — прямо в глаза звездам говорит Коля.— Теперь, знаете, какие мечтатели? Помечтали новое море на суше сделать — и сделали! Помечтали новый город построить — и выстроили! Эх, вы еще такое увидите!..

Он с громким всплеском перевертывается в воде и саженками махает обратно к берегу.

— Ко-о-ольк! Дья-а-авол! Вернись, уто-о-онешь! — тревожно гудит на берегу голос Сергея Трофимыча.

«Захотел бы, так и утонул,— думает Коля.— И тебе бы отвечать пришлось по всей строгости, потому что спасение на водах не организовано. Только я, конечно, тонуть не буду, себе дороже. Столько нужно разных дел переделать: и чемпионом надо стать по плаванию, и корреспондентом, и народным судьей, и экзамен пересдать по математике... А самое первое: надо, пожалуй, завтра собрать ребят, очистить берег от мусора, а потом поставить вопрос о водной станции. Где поставить? Не беспокойтесь, они с ребятами сообразят, где!»

Берег быстро приближается. Он темный, и город на нем обозначен бесчисленными светлыми точками. Электрические звездочки в окнах и на улицах подмигивают и как будто говорят: «Уж кто-кто, а мы-то знаем, что за народ эти мечтатели. Небось, каждый вечер заглядываем в их чертежи, проекты, рукописи, а то и просто в задачники для седьмого класса. Мечтатели — это народ решительный: что задумают, то и сделают. Непременно!»

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера М. М. БОТВИННИКА

ОКОНЧАНИЕ ИЗ СЕАНСА ОДНОВРЕМЕННОЙ ИГРЫ

Сеанс одновременной игры подходил к концу. Шахматисты ВЦСПС оказали упорное сопротивление, но шансы на выигрыш партии сохранял лишь один мой партнер — Александров (отдел охраны труда). В позиции, изображенной на снимке № 1 (белые — Ботвинник: Крh1, Ла5, п. e3f3, h3; черные — Александров: Крh7, Ка6, d3, п. a7, g7, h6),

черные сыграли просто и энергично:

1. . . .   Ка6—c5
2. Ла5 : a7   Кс5—b3!

С неотразимой угрозой 3... Кd2.

3. Ла7—b7   Кb3—d2+
4. Крb1—c2   b2—b1ф+
5. Лb7 : b1   Кd2 : b1
6. Крc2 : d3   Крh7—g6

Здесь я собирался уже сдать партию, но «на всякий случай» решил сделать еще несколько ходов: ведь конь черных еще должен войти в игру!

7. e3—e4   Крg6—f6
8. f3—f4   g7—g5

Это хотя и не выпускает выигрыша, но дает белым некоторую надежду, ибо способствует размену пешек, а без пешек черные выиграть не могут...

9. e4—e5 +   Крf6—f5

Проще всего черные выигрывали путем 9... Крg6! 10. fg Кр : g5, уберегая от разменов свой главный козырь — пешку h6. Теперь белые могли сразу использовать свой последний шанс — жертву пешки e5 путем 10. e6, но они сыграли иначе, справедливо полагая, что если черные не продолжали 9... Крg6, то они собираются брать на g5 пешкой.

10. f4 : g5   h6 : g5

Роковая ошибка, которая ведет к неожиданной ничьей.

11. h3—h4!   . . .

Можно было и сразу 11. e6!

11. . . .   g5 : h4

К тем же результатам вело и 11... g4.

12. e5—e6!   Крf5 : e6

Или 12... h3 13. e7 h2 14. e8ф h1ф — и ничья очевидна.

13. Крd3—e4!   . . .

Удивительное положение! Ни король, ни конь черных не могут защитить «зарвавшуюся» пешку. После 13... Крf6 14. Крf4 Кd2 15. Крg4 Кf3 16. Кр : f3 Крg5 17. Крg2 мой партнер согласился на ничью.

Спрашивается: не сильнее ли было белым продолжать сначала 10. e6 (вместо 10. fg) и лишь после 10... Кр : e6 сыграть 11. fg, не допуская взятия пешки g5 королем? Нет, не сильнее: черные ответили бы 11... h5!!, сохраняя пешку и выигрывая партию...

Эту комбинацию нетрудно было оформить в виде этюда (см. снимок № 2. Белые — Крс4, п. d4, e4, g2; черные — Креб, Ка1, п. f6, g6. Белые начинают и делают ничью).

После ознакомления с приведенным выше окончанием читатели «Огонька», конечно, должны решить этот этюд.

М. БОТВИННИК

Фото А. Куракина

Трудно представить, чтобы трава могла быть на метр выше человеческого роста, чтобы у нее были толстые и крепкие стебли и она давала бы такие густые заросли, в которых пешему легко потерять ориентировку и заблудиться, а конный с трудом продвигается вперед.

Однако на Сахалине и на Камчатке о присутствии всадника в траве часто можно судить лишь по колебанию верхушек ее стеблей. Ни лошади, ни всадника не видно, и трава, пропустив их, тотчас же смыкается сплошной стеной.

Во время путешествий по Сахалину мне приходилось проезжать на грузовике по дорогам-аллеям, проложенным среди травы. Трава была выше крытого верха нашей машины. Она подступала вплотную к дороге, и казалось, что грузовик едет между высоких кустарников. Иллюзия становилась еще полнее, когда из такой травы под колеса нашей машины выпархивала куропатка и, клохча и хлопая крыльями, тотчас же исчезала. Таково высокотравье Сахалина и Камчатки. В него не проникает солнце, и в нем можно спрятаться от дождя.

Самые типичные растения этого высокотравья — шеламайник, дудник и крестовик — растут и в средней полосе СССР, но здесь они представлены другими видами, никогда не достигающими такой высоты.

На Сахалине кроме того растет сахалинская гречиха и очень интересное растение — белокопытник широколистный. Кроме гигантских размеров он по внешнему виду ничем не отличается от нашего обыкновенного лопуха. Но этот «лопух»-великан вырастает выше человеческого роста, а диаметр его круглых листьев достигает 70—80 сантиметров и даже метра. «Лопух» любит сырые ущелья, и когда вы смотрите на него сверху, то кажется, будто внизу расставлены громадные зеленые тарелки. На Сахалине, выйдя утром умываться на речку, я выкладывала на лопух, как на столик, зубную щетку, пасту, мыльницу с мылом, полотенце, гребенку и ставила, наконец, довольно тяжелое зеркальце в металлической оправе.

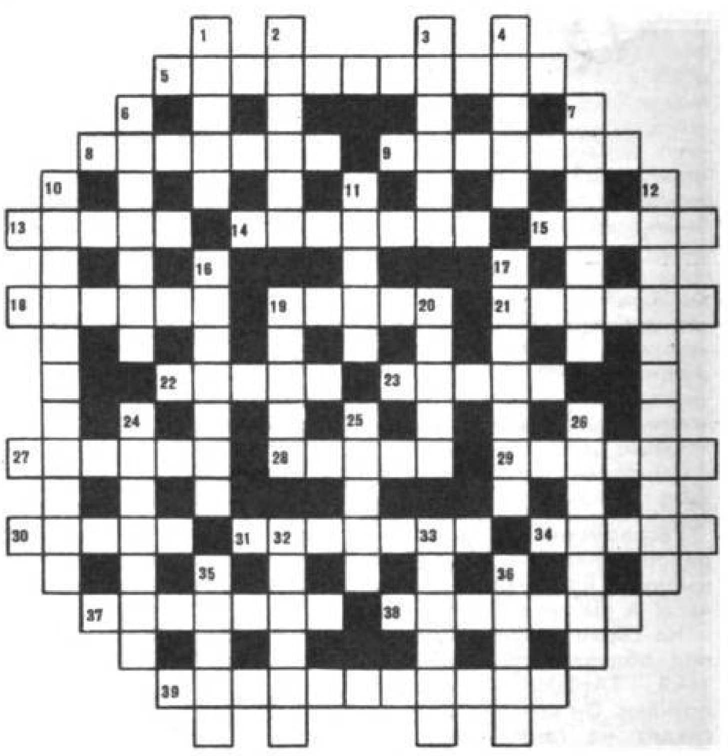
Но откуда же берутся эти травы-гиганты, почему их нет у нас, в средней полосе СССР, и почему встречаются они лишь в немногих местах нашего умеренного климата?

Кроме Сахалина и Камчатки высокотравье есть на Курильских островах, частично на Алеутских и на острове Хоккайдо (самый северный остров, входящий в состав Японии). Все эти места расположены недалеко друг от друга и характеризуются сходными климатическими условиями: обилием влаги и повышенной облачностью. Здесь создаются как бы парниковые условия для развития растений. Кроме того, не получая из-за обилия дождей и частой пасмурной погоды необходимого им количества света, растения в таких условиях усиленно тянутся к солнцу. Наблюдается, как говорят в науке, энергичный фототропизм.

Вот почему растут гиганты на крайнем востоке Азиатского материка и возникает высокотравье.

Доктор биологических наук профессор Н. СУШКИНА

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Советский поэт. 8. Государство в Северной Америке. 9. Игрок футбольной команды. 13. Русское село, известное художественным промыслом. 14. Город в РСФСР. 15. Шар. 18. Великий английский ученый. 19. Упакованные вещи пассажиров. 21. Страна в Азии. 22. Старинный музыкальный струнный инструмент. 23. Хранилище старых документов. 27. Дерево. 28. Однолетняя трава, разводимая на юге СССР. 29. Пряность. 30 Комнатное растение. 31. Руководитель крестьянско-казацкого восстания в XVIII веке. 34. Объявление. 37. Выдающийся русский электротехник. 38. Плодовое дерево. 39. Создатель первой в мире газовой турбины.

По вертикали:

1. Небольшая рыба из семейства сельдевых. 2. Город в Польше. 3. Часть суши, со всех сторон окруженная водой. 4. Часть руки. 6. Наружный слой березовой коры. 7. Вид предмета сбоку. 10. Вычисление себестоимости и продажной цены товара. 11. Печатное издание. 12. Справочник цен. 16. Город в Узбекской ССР. 17. Машина, двигающаяся по суше и по воде. 19. Соленая и провяленная спинная часть красной рыбы. 20. Животное. 24. Автор романа «России верные сыны». 25. Помещение для самолетов. 26. Лицо, имеющее абонемент. 32. Узкая и глубокая расселина, трещина между горами. 33. Город в Удмуртской АССР. 35. Вместилище для жидкости. 36. Хлопчатобумажная ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

5. Таджикистан. 9. Канифоль. 10. Изотония. 11. «Русь». 12. Каховский. 14. Долг. 18. Апофеоз. 21. Вариант. 22. «Юманите». 23. Борнео. 24. Альбом. 25. Жесть. 26. Бычок. 27. Туапсе. 30. Танкер. 32. Антидот. 33. Стреюот. 34. Эксперт. 37. Руан. 38. Пластилин. 41. Ария. 44. Вагранка. 45. Ориентир. 46. Хмельницкий.

По вертикали:

1. Адвокат. 2. Письмо. 3. Сириус. 4. Атропин. 5. Тмин. 6. Неон. 7. Саксофон. 8. Живопись. 11. Репродуктор. 13. Вишня. 15. Гониометрия. 16. Мороженое. 17. Галактика. 19. Сметана. 20. Отрывок. 28. Препарат. 29. Пирит. 31. Напарник. 35. Клинкер. 36. Лисичка. 39. Статья. 40. Ирония. 42. Орех. 43 Зной.

СОХРАНЕНИЕ СРЕЗАННЫХ ЦВЕТОВ

Срезанные цветы быстро вянут.

Практики-садоводы успешно применяют следующий способ сохранения букетов свежими. Прежде чем поставить в вазу цветы, их стебли надрезают ножом в месте среза вдоль и накрест на 5—8 сантиметров. Особенно удобно это делать у черемухи, сирени, жасмина, роз, шиповника и у растений с более или менее толстыми стеблями. Надрезать стебли лучше под водой и обязательно ежедневно менять воду, в которой стоят цветы. При этом букет сирени, например, сохраняется свежим 8—10 дней, а начинающие увядать цветы нередко после надреза стеблей оживают, бутоны начинают распускаться, и восстанавливается даже аромат цветов.

В этом номере помещены репродукция автопортрета К. П. Брюллова, две страницы его акварелей, репродукция картины А. Д. Соколова «Партизанская песня», две страницы кадров из фильма «Незабываемый 1919 год» и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

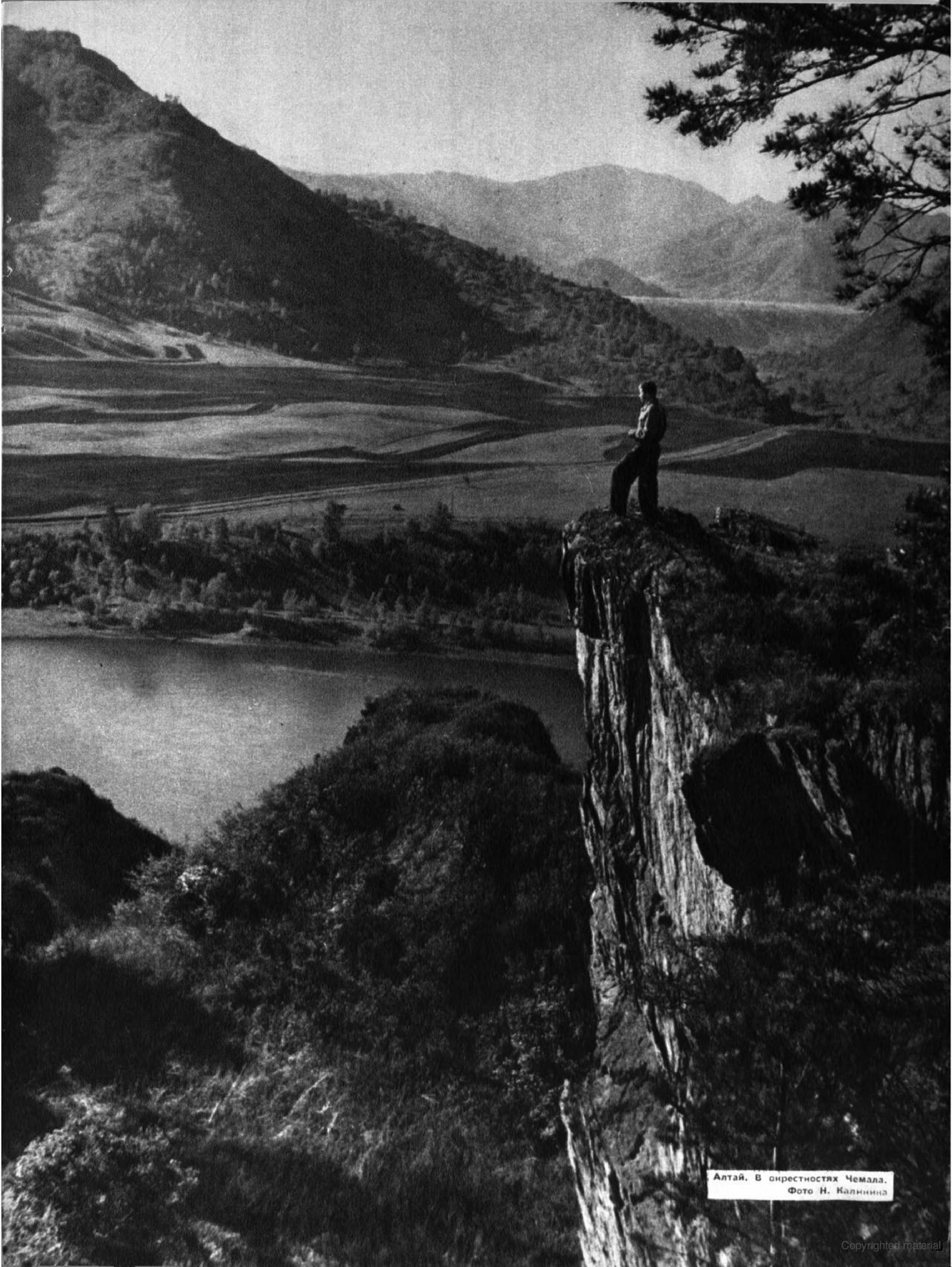
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 04419. Подп. к печ. 17/VI 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 487. Заказ 1360. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Алтай. В окрестностях Чемала.
Фото Н. Калинина

Цена номера 3 руб.

